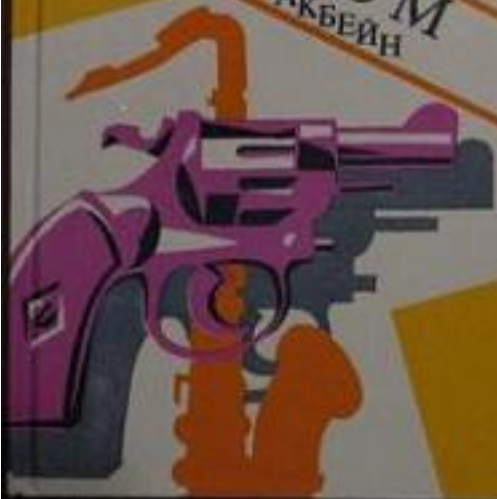

РЕЙМОНД ЧАНДЛЕР
КОРОЛЬ
ДЭШИЛ ХЭММЕТ
В ЖЕЛТОМ
ЭД МАКБЕЙН

Эд Макбейн

Валентинов день

Палек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149139

Аннотация

Американский писатель Ивэн Хантер написал много книг в самых разных жанрах. Но наибольший успех завоевала серия полицейских романов, выпущенная под псевдонимом Эд Макбейн. Офицеры 87-го полицейского участка, расположенного в неназванном громадном городе, их друзья, их смертельные враги как живые встают на страницах романов.

Эд Макбейн – это изошрённость криминальной интриги, тонкий психологизм, современные образы, атмосфера опасности, хитросплетения любовных интриг, умение с первой страницы завладеть вниманием читателя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	39
Глава 6	51
Глава 7	74
Глава 8	91
Глава 9	103
Глава 10	108
Глава 11	126
Глава 12	141
Глава 13	157
Глава 14	169
Глава 15	182
Глава 16	193
Глава 17	205
Глава 18	221

ВАЛЕНТИНОВ ДЕНЬ

ЭД МАКБЕЙН

Глава 1

Шел дождь.

Дождь лил уже три дня, противный мартовский дождь, затуманивший блеск наступившей весны монотонной, безжалостной серостью. Вчера синоптики не соврали, пообещав на сегодня дождь. В телевизионном прогнозе погоды объявили, что он едва ли прекратится и завтра. Дальше этого они пойти не рискнули.

Полицейскому Ричарду Генеро казалось, что дождь идет и будет идти вечно. Он даже живо представлял, как его смывает поток воды, как он попадает из канавы в канализацию Изолы и затем вместе с другой дрянью и мусором его выносит в Ривер Харб или Ривер Дикс. На север или на юг, разницы никакой, черт побери, – обе эти реки полны человеческими отходами. Генеро стоял на углу и обозревал почти пустынные улицы. Он напоминал человека в лодке, которая быстро погружается в воду. Вода уже достигла лодыжек и вот-вот поднимется выше. На полицейском был резиновый плащ, черный и блестящий, как асфальт вокруг. Несмотря на то, что день был в разгаре, на улицах – лишь

редкие прохожие. Генеро чувствовал себя одиноким и брошенным. Ему казалось, что он единственный человек в городе, который не знает, где спрятаться от дождя. "Я утону на этих чертовых улицах", – думал Генеро. Он кисло отрыгнул, утешая себя тем, что в 3.45 его сменят. За пять минут он доберется до участка, а еще через десять – переоденется в гражданское. Примерно с полчаса займет дорога на метро до Риверхерда. Так что домой он попадет к 4.30. Гильду он должен встретить в 7.30. Следовательно, можно будет немного поспать. Подумав о сне, полицейский зевнул и наклонил голову набок. За шиворот сбежала холодная струя, и Генеро громко выругался. Он поспешно огляделся по сторонам, чтобы удостовериться, что его не услышали добропорядочные горожане. Довольный тем, что чистый образ стража закона остался незапятнанным, Генеро двинулся по улице.

"Дождь, дождь, перестань", – заклинал он.

Как ни странно, но дождь и не думал прекращаться.

"Ну что же, дождь не самое худшее", – подумал полицейский. По крайней мере, он лучше снега. Мысль о снеге вызвала дрожь отчасти потому, что от одного воспоминания о снеге становилось холодно, а отчасти потому, что как только он начинал думать о снеге и зиме, мгновенно возникал образ мальчика, которого он когда-то, очень давно, нашел в подвале.

"Перестань, – велел Ричард Генеро. – Дождя вполне достаточно. Так что не стоит начинать думать о трупах".

Лицо мальчика было синим, по-настоящему синим. Он полусидел, полулежал на койке, слегка наклонившись вперед. Только через некоторое время Генеро заметил, что у мертвого мальчика на шее веревка...

"Послушай, давай не будем вспоминать. От этих воспоминаний мурашки бегают по спине. Но ты же коп, – сам себе напомнил Генеро. – Чем, по-твоему, занимаются копы? Думаешь, они только и делают, что выключают пожарные краны и прогоняют с улиц мальчишек, играющих в стикбол? Нужно смотреть правде в глаза. Каждый коп время от времени сталкивается с трупом".

"Но послушай, – как бы оправдывался "другой" Генеро, – у меня от этих трупов мороз по коже".

"А за что тебе платят, парень? Что делать – такова работа. Каждому полицейскому приходится иметь дело с насилием. И кроме того, тот случай произошел так давно..."

"Господи Иисусе, неужели этот дождь никогда не кончится? Надо бы где-нибудь погреться, – подумал Ричард Генеро. – Зайду-ка я в ателье к Макс. Может, удастся уговорить его выставить то отличное пасхальное вино. Мы выпьем за Бермуды. Господи, как я сейчас хотел бы оказаться на Бермудах!"

Когда он открыл дверь, зазвенел колокольчик. В ателье стоял запах пара и новой ткани. Едва Генеро переступил порог, как почувствовал себя лучше.

– Привет, Макс, – поздоровался он.

Макс, круглолицый пожилой мужчина с венчиком-нимбом седых волос, словно приклеенных к лысой макушке, оторвался от швейной машинки.

– У меня нет вина.

– А кто просит вино? – робко улыбнулся Генеро. – Неужели ты вышвырнешь меня на улицу в такой ужасный день?

– В любой день, ужасный он или какой-нибудь другой, я не вышвырну тебя из моего ателье, – возразил Макс. – Так что можешь не остроумничать. Но я всегда предупреждаю тебя еще до того, как ты начинаешь клянчить, что у меня нет вина.

– Никому не нужно твое вино, – полицейский подошел к батарее и снял перчатки. – Чем занимаешься, Макс?

– Неужели не видно? Рисую план Белого дома. Хочу его взорвать. Что же еще я могу делать на швейной машинке?

– Я хотел спросить, что ты шьешь сейчас?

– Одежду для Армии Спасения, – ответил Макс.

– Да? Ну и как?

– Знаешь, в этом городе осталось всего несколько настоящих портных. Портняжное искусство заключается не в чистке и глажений. Это могут делать и машины. А вот портняжничать может только человек. Макс Мандель портной, а не гладильная машина.

– И чертовски хороший, – добавил Генеро, следя за реакцией Макса.

– Все равно у меня нет вина, – не сдавался Макс. – Почему

ты здесь, а не ловишь на улицах преступников?

– В такие дни никто не совершает преступлений. Единственные, кто совершает сегодня преступления, – проститутки.

Генеро наблюдал за лицом Макса Манделя. Он увидел, как глаза старика заблестели, и понял, что вино стало ближе. Когда у портного загорались глаза от его шуточек, это являлось добрым предзнаменованием. Теперь оставалось только разжалобить старика.

– В такой день, – продолжал Ричард Генеро, – сырость пробирает до костей, ну прямо до костей.

– Ну и?

– Ну и ничего. Просто говорю: "Прямо до костей". И самое плохое, что полицейский не может зайти в бар пропустить стаканчик, чтобы согреться. Ты же знаешь, это не положено.

– Ну и что дальше?

– Ничего, просто рассказываю, – ответил Генеро. – Макс, ты шьешь отличную одежду.

– Благодарю.

Воцарилась тишина. Только на улице монотонно барабанил дождь.

– Сырость пробирает прямо до костей, – повторил Ричард Генеро.

– Слышал уже.

– Так холодно, – продолжал ныть полицейский.

– Ладно, очень холодно, – согласился портной. – Да, сэр, –

произнес, кивая, Генеро.

– Вино в задней комнате, рядом с выжималкой, – сдался Макс. – Только не пей много, а то окосеешь. Я не хочу, чтобы меня арестовали за спаивание полицейских.

– Ты хочешь сказать, что у тебя есть вино, Макс? – невинным голосом спросил Генеро.

– Вы только послушайте этого мистера с детскими, чистыми глазами. Он спрашивает, есть ли у меня вино. Иди, иди. Пей, только не все.

– Очень мило с твоей стороны, Макс, – обрадовался полицейский. – Я и не думал, что ты...

– Иди, пока я не передумал.

Ричард Генеро отправился в заднюю комнату и увидел на столе рядом с выжималкой бутылку вина. Открыл ее, ополоснул стакан в раковине около маленького грязного окна и наполнил его до краев. Выпил и облизнул губы.

– Хочешь выпить, Макс?

– Армии Спасения не понравится, если я буду пить за шитьем одежды для них.

– Отличное вино, Макс, – продолжал дразнить Генеро.

– Ну так выпей еще стакан и отстань от меня. Из-за тебя у меня получаются кривые стежки.

Полицейский не заставил долго себя уговаривать и выпил еще один полный стакан. Он закрыл бутылку и вернулся, энергично потирая руки.

– Теперь я готов на все, – улыбнулся он.

– К чему это ты готов? Ты же сам сказал, что в такие дни закон нарушают только проститутки.

– Я готов и для них, – отозвался Генеро. – Пошли, Макс. Закрывай свою лавочку. Найдем пару роскошных девочек. Что скажешь?

– Перестань издеваться над стариком. Если моя жена застукает меня с роскошной девочкой, она всадит мне в спину нож. Иди, иди, у тебя же дежурство. Иди, арестовывай своих пьяниц и бродяг. Мне иногда кажется, что у меня не ателье, а бар. Каждый пьяница-фараон на дежурстве считает своим долгом зайти и выпить вина. Правительство обязано, как минимум, снизить мне налоги. Когда-нибудь я подсыплю яда. Тогда, может быть, чертовы фараоны из 87-го оставят меня в покое. Уходи. Сматывайся отсюда.

– Но, Макс, ты же любишь нас.

– Я люблю вас, как тараканов.

– Нет, больше, чем тараканов, – не согласился Генеро.

– Верно. Я люблю вас, как водяных крыс, – поправился старик портной.

– Ну что же, я пошел на мостик. – Полицейский натянул перчатки.

– Какой еще мостик?

– Мостик корабля. Шутка, Макс. Понимаешь, дождь, вода,

Корабль. Понимаешь?

– Мир лишился великого комика, когда ты решил стать

фараоном, – покачал головой Макс Мандель. – На мостик...
– Он опять покачал головой. – Окажи мне услугу.

– Какую? – спросил Ричард Генеро, открывая дверь.

– С мостика этого корабля...

– Ну?

– Спрыгни с него!

Генеро улыбнулся и закрыл за собой дверь. Дождь не прекратился, но сейчас полицейский чувствовал себя значительно лучше. Отличное вино согрело желудок, и он чувствовал, как тепло приятно разливается по всему телу. Генеро беззаботно зашлепал по лужам, щурясь от дождя и что-то насвистывая.

На автобусной остановке стоял мужчина, а может быть, высокая женщина (трудно было разобраться из-за дождя) во всем черном. Черный плащ, черные брюки и туфли, черный зонт, который надежно закрывал голову. Подъехавший автобус обдал остановку огромной волной. Двери резко раскрылись, и человек забрался в автобус. Машина отъехала от остановки, вызвав еще одну волну, которая достигла ног Генеро.

– Ах ты идиот! – закричал он и принялся стряхивать грязь со штанов. В этот момент полицейский заметил сумку. Она стояла рядом со столбом, на котором висел график движения автобуса. – Эй, эй! – заорал Ричард Генеро вслед автобусу. – Сумку забыли!

Его крики утонули в реве мотора и монотонном шуме

Дождя.

– Черт! – пробормотал полицейский. Генеро подошел к столбу и взял маленькую синюю сумку, фирменную, очевидно, какой-то авиакомпании. В белом кругу виднелась красная надпись "Серкл Эйрлайнз". Ниже белел девиз "Серкл Эйрлайнз": "Мы летаем вокруг земного шара".

Сумка оказалась не очень тяжелой. Маленький кожаный кармашек держался на ремешках, а под целлулоидным квадратиком находилась бирка для имени и адреса, которые владелец сумки не потрудился заполнить.

Ричард Генеро с кислой миной расстегнул молнию и полез в сумку, но тут же отдернул руку. Лицо полицейского искажилось от ужаса и отвращения, мозг пронзила мысль: "Господи, неужели опять?.." У Генеро внезапно закружилась голова, и он схватился за столб.

Глава 2

В комнате детективов 87-го участка парни обменивались воспоминаниями о дежурствах, которые они несли, работая полицейскими.

Можно не согласиться со словом "парни". Возможно, нельзя называть парнями группу мужчин, возраст которых колебался от 28 до 42 лет, которые каждый день бреются, спят с различными женщинами, ругаются, как пираты, имеют дело с самыми нецивилизованными представителями рода человеческого со времен неандертальцев. Простота и невинность, заключенные в слове "парни", может, не совсем подходят к детективам 87-го участка.

С другой стороны, в сыском отделе в этот противный дождливый мартовский день витал дух мальчишеской невинности. Трудно поверить, что смеющиеся и внимательно слушающие мужчины, столпившиеся вокруг стола Энди Паркера, это и есть люди, которые ежедневно сталкиваются с преступниками и преступлениями. Комната детективов чем-то напоминала школьную раздевалку, а сами детективы – футболистов, школьников старших классов, болтающих перед последним матчем сезона. Они пили кофе из бумажных стаканчиков, полностью расслабившись в нехитром и неряшливом уюте комнаты. Энди Паркер походил на воинственного защитника, вспоминающего самые трудные мо-

менты матча против "Сентрал Хай". Откинувшись на спинку вращающегося стула и прискорбно качая головой, он рассказывал собравшейся вокруг команде:

– У меня однажды была такая цыпочка. Я остановил ее рядом с эстакадой, недалеко от семнадцатого причала. Знаете это место?

Все кивнули.

– Ну так вот. Она рванула на красный как раз в начале спуска, а затем еще и развернулась под эстакадой. Я задудел, она затормозила. Я подошел к машине и сказал: "Леди, вы, должно быть, дочь мэра, раз так водите машину".

– Она действительно оказалась дочкой мэра? – спросил Стив Карелла. Этот худощавый, мускулистый малый, раскосые глаза которого выдавали его восточное происхождение, сидел на краю стола со стаканчиком кофе в больших руках и внимательно смотрел на Паркера. Карелле не особенно нравился сам Паркер и его методы, но он вынужден был признать, что Паркер умеет рассказывать со вкусом.

– Нет, что вы! Дочка мэра, провалиться мне на этом месте! Она была..., дайте мне рассказать до конца.

Паркер поскреб щетину. Он всегда брился по утрам, но к пяти часам у него отрастала щетина. Высокий, лохматый, с темными глазами и волосами, он постоянно имел неряшливый вид. Если бы не полицейский значок, который Паркер носил приколотым к бумажнику, его легко можно было бы принять за одного из воров, которые частенько посещали

87-й участок. Паркер так походил на голливудский стереотип гангстера, что его нередко останавливали усердные полицейские из других участков, принимая за подозрительного субъекта. В таких случаях он немедленно доказывал, что он детектив, и начинал орать на бдительных фараонов. Подобные разносы, хотя он никогда не признавался в этом, доставляли ему большое удовольствие. По правде говоря, Энди Паркер, может, даже специально слонялся по территории других участков, надеясь, что его остановит ничего не подозревающий полицейский.

– Она сидела на переднем сиденье в одном купальнике, – продолжал Паркер, – и длинных сетчатых чулках. Блестки усыпали черные трусики, а крошечный лифчик пытался спрятать самые большие сиськи, какие я видел за всю жизнь, клянусь богом. Я наклонился в машину и сказал: "Леди, вы только что проехали на красный свет и к тому же развернулись на двойной белой линии. И еще вы появились в общественном месте в непристойном виде. Что скажете?"

– И что же она сказала? – не выдержал Коттон Хоуз, единственный из детективов, который не пил кофе. Хоуз предпочитал чай. Эту привычку он приобрел еще в детстве. Отец Хоуза был протестантским священником, и каждый день паства Хоуза-старшего собиралась к ним домой на чай. Маленький Хоуз по причинам, известным только отцу, тоже принимал участие в ежедневных чаепитиях. Горячий и крепкий чай не повлиял на рост Хоуза в детстве, и сейчас Коттон

имел рост шесть футов два дюйма босиком. Этот рыжий гигант весил сто девяносто фунтов.

– Она уставилась на меня здоровенными голубыми, как у куклы, глазищами, захлопала ими и заявила: "Я спешу. Если вы намерены выписывать чертову квитанцию, валяйте, только побыстрее!"

– Фу! – фыркнул Хоуз.

– Я поинтересовался, куда это она так спешит. Девчонка ответила, что ровно через пять минут она должна выйти на сцену.

– Какую сцену? В одном из стриптизных клубов?

– Ничего подобного. Она танцевала в мюзикле. Было почти половина девятого, и она мчалась, сломя голову, чтобы успеть к подъему занавеса. Я вытащил ручку и блокнот. "А может, вы предпочитаете два билета на самый популярный спектакль в городе?" – и девка полезла в кошелек, а в это время сиськи так и норовили выскочить из крошечного лифчика и остановить все движение.

– Ну и как спектакль? – поинтересовался Карелла.

– Я не взял билеты.

– Почему?

– Потому что у меня был свой спектакль. Квитанцию я выписывал двадцать минут, и все эти двадцать минут она дергалась и подпрыгивала на переднем сиденье со своими чудесными ананасами, которые все норовили выскочить. Ребята, вот это было зрелище!

– Ты не только зануда, но и грубиян, – заметил Карелла.

– Да, – гордо согласился Паркер.

– А я как-то остановил одного парня на бульваре Фримена Льюиса, – начал Стив Карелла. – Он мчался со скоростью восемьдесят миль в час. Пришлось даже включить сирену. Я вылез из патрульной машины и направился к нему. В этот момент он выпрыгнул из своей колымаги и бросился ко мне.

– Бандит? – спросил Хоуз.

– Нет, но тогда я как раз это и подумал. Я думал, что налетел на парня, который прячется от закона. Все ждал, что он выхватит пушку.

– Ну и что он сделал?

– Он поскакал ко мне сначала на одной ноге, потом – на другой. Не стал отрицать, что он превысил скорость, но заявил, что у него острый приступ поноса и ему необходимо как можно быстрее найти заправку с мужским туалетом.

– О, братишка, все ясно, – расхохотался Энди Паркер.

– Ты его отпустил? – поинтересовался Коттон Хоуз.

– Черт, конечно, нет! Я выписал ему квитанцию, только очень быстро.

– А я сейчас расскажу случай, когда мне пришлось отпустить нарушителя, – наступила очередь Хоуза. – Это случилось, когда я служил в 30-м участке. Парень несся как сумасшедший. Когда я его остановил, он уставился на меня и спросил: "Вы собираетесь выписать мне квитанцию?" "Вы правы, я собираюсь выписать вам квитанцию", – ответил я.

Он долго разглядывал меня, затем кивнул: "Ну что же. Если вы выпишите квитанцию, я убью себя".

– Что, черт побери, он имел в виду?

– То же самое и я спросил у него: "Что вы имеете в виду, мистер?" Но он продолжал молча пялиться на меня, смотрел и только кивал, будто эта квитанция – последняя капля. Понимаете, у меня возникло ощущение, что в этот день у него все не ладится, все валится из рук. Я был уверен, что, если я выпишу ему квитанцию, он отправится домой и действительно откроет газ, или выпрыгнет из окна, или перережет горло. Я не сомневался, что этот парень на все способен.

– И ты отпустил его, добрый самаритянин?

– Да, самаритянин, – хмыкнул Хоуз. – Вы бы видели глаза того парня. Вы бы тогда тоже поверили, что он не шутит.

– Однажды я остановил женщину, – начал самый молодой из детективов Клинг, когда в комнату ворвался Дик Генеро с небольшой синей сумкой. Стоило только посмотреть ему в глаза, и сразу стало ясно, что ему не до шуток. Сумку Генеро держал в правой руке подальше от себя, словно боялся заразиться. Он бросился к столу Паркера и швырнул ее прямо на середину стола, так, будто выполнил свой долг и с радостью расстаётся с сумкой.

– Что у тебя, Дик? – спросил Хоуз.

Генеро не мог ответить. На белом, как мел, лице горели широко раскрытые от ужаса глаза. Он несколько раз сглотнул, но слова по-прежнему застревали в горле. Генеро только

тряс головой и показывал на сумку. Коттон Хоуз начал недоуменно открывать молнию. Генеро отвернулся. Казалось, его вот-вот стошнит.

Хоуз заглянул в сумку и закричал:

– О, Господи Иисусе, где ты это взял?

– Что там? – поинтересовался Клинг.

– Господи Иисусе! – повторил Хоуз. – Какой кошмар! Уберите ее отсюда! Я позвоню в морг. – Грубоватые черты лица рыжего детектива исказились, словно от сильной боли. Он больше не мог смотреть в сумку. – Господи Иисусе, унесите же ее. Вниз! Уберите ее!

Карелла схватил сумку и бросился из комнаты.

Он не заглянул в сумку, так как в этом не было необходимости. Стив Карелла давно работал копом и по выражению лица Хоуза сразу понял, что в сумке находится какая-то часть человеческого тела.

Глава 3

Это чертовски отвратительно.

Давайте разберемся. Смерть чертовски отвратительна, и здесь не может существовать двух мнений. Если вы относитесь к людям, которые любят картины со стрельбой, когда после выстрела на груди жертвы расплывается маленькое пятнышко краски, не крови, а краски, тогда работа полицейского не для вас. Если вы относитесь к людям, которые верят, что трупы похожи на спящих, то вам повезло, что вы не коп. Если вы коп, то вам известно, что смерть редко выглядит приятно. Вам известно, что самое безобразное и ужасное, что может произойти с человеческим существом, это смерть.

Если вы коп, то видели смерть в самом отвратительном обличье, потому что видели ее как результат насилия. Наверняка, вас стошнило и не раз при виде того, что вы наблюдали. Наверняка вы дрожали от страха, потому что смерть ужасным образом напоминает даже самым крепким людям, что из их тела тоже может течь кровь, а кости – ломаться. Если вы коп, вы никогда не привыкнете к трупам и их частям, независимо от того, сколько раз вы с ними встречались, независимо от того, как вы сильны и жестоки.

Нет ничего приятного и успокоительного в зрелище человека, которого обработали топором. Череп принимает очер-

тания дыни, параллельные раны, пересекающиеся раны, отвратительные кровоточащие раны, покрывающие голову, лицо, шею. В этом нет ничего приятного.

Нет ничего приятного и в разложении тела, каким бы оно ни было: мужским или женским, взрослым или детским. Скопления газа, обесцвеченные кожные ткани, отделение эпидермиса, потускнение вен, разложившийся и ставший жидким жир, просочившийся через кожу, из-за чего на теле появляются огромные желтые пятна... В этом нет ничего притягательного.

Нет ничего приятного и в пулевых ранах. Вырванные клочки мяса, ткани, почерневшие от пламени и дыма, врезавшиеся в тело крупинки пороха, зияющие отверстия. Поверьте, в этом нет ничего приятного.

Если вы коп, вы знаете, что смерть безобразна, ужасна и отвратительна. Если вы коп, вам придется или научиться терпеть это, или остается одно – уйти из полиции.

В синей сумке находилась человеческая кисть, страшная, изуродованная.

В морге ее принял Пол Блейни, коротышка с жиденькими усиками и фиолетовыми глазами. Блейни без особого удовольствия занимался останками мертвецов и удивлялся, почему именно ему, младшему сотруднику штата судмедэксперта, неизменно достаются самые отвратительные трупы, которые побывали в автомобильных авариях, горели на пожарах, над чьими телами поработали крысы. Но он знал, что

работу нужно делать. Сейчас принесли человеческую кисть, отрезанную в запястье от остального тела. "Как я могу определить цвет кожи, пол, возраст, рост и вес ее владельца?" – думал Блейни.

С максимальным вниманием и минимальными чувствами Пол Блейни приступил к работе.

К счастью, кожа все еще покрывала кисть. У множества тел и этого не было. Так что определить цвет кожи человека, которому принадлежала кисть, будет нетрудно. Блейни выяснил это довольно быстро и написал:

"Цвет кожи – белый".

Теперь предстояло разобраться с полом. Пол человека легко определить, если медэксперт располагает останками груди или половых органов жертвы, но Блейни имел только кисть, всего лишь одну кисть.

Женщины в основном, знал он, менее волосаты, чем мужчины, у них более тонкие конечности, больше подкожного жира и меньше мышц. Кости представительниц женского пола также меньше и легче.

Перед Полом Блейни на столе лежала огромная кисть. От кончика среднего пальца до основания отрезанного запястья она имела двадцать пять сантиметров в длину, или больше девяти с половиной дюймов, если перевести в английскую систему длин.

Такая кисть вряд ли принадлежала женщине, если только та не была массажисткой или не занималась женской борь-

бой. Но даже при этом вероятность того, что кисть принадлежала женщине, все же мала. Однако Блейни раньше уже ошибался при определении пола бывших владельцев останков (если останки, конечно, не были таковы, что не оставляли никаких сомнений), и сейчас он хотел постараться не попасть впросак.

Кисть покрывали густые черные выющиеся волосы, – еще один факт, указывающий на то, что она принадлежит мужчине. Тем не менее Блейни занялся измерениями и в конце концов записал: "Пол – мужской".

"Так, это уже кое-что, – подумал он. – Значит, эта ужасная отсеченная часть человеческого тела раньше принадлежала белому мужчине". Вытерев лоб полотенцем, Пол Блейни вернулся к работе.

Изучение кожи под микроскопом показало, что она не потеряла эластичности, а это уже отправная точка для установления возраста жертвы. Блейни автоматически заключил, что владелец кисти не старик. Дальше изучение кожи вряд ли еще что-нибудь даст. Очень редко изменения в кожных тканях человека помогают определить его точный возраст. Поэтому Пол Блейни взялся за кости.

Кисть отсекли чуть выше запястья так, что осколки лучевой и локтевой костей все еще были связаны с кистью. Кроме того, у медэксперта имелись все кости кисти: запястье, пясть и фаланга.

Продолжая работу, Блейни подумал, что неспециалисту

все эти сложные процедуры покажутся учебной абракадаброй, бесцельной тратой времени.

– Ну что же, – сказал сам себе Пол Блейни, – пусть неспециалисты идут к дьяволу. Я отлично усвоил, что каждому периоду образования костного вещества соответствует определенный возраст. Поэтому, изучая данные кости, я сумею довольно точно определить возраст этого мертвого белого мужчины, и как раз это я и собираюсь сделать. Так что пусть неспециалисты катятся ко всем чертям!

На осмотр костей ушло почти три часа. На бумаге появились такие известные только посвященным термины, как "проксимальный эпифиз мыщц", "ос магнум" и т.д. Окончательно Пол Блейни записал: "Возраст – 18 – 24".

Когда он перешел к определению роста и веса жертвы, медэксперт в отчаянии поднял руки. Если бы ему принесли все бедро, плечевую кость или луч, он бы просто измерил их и вычислил рост владельца кисти по формуле Пирсона. Если бы он хотя бы располагал всем, а не частью луча!

Но, к несчастью, Блейни не располагал полным лучом. Поэтому он даже не стал пытаться определить рост. Хотя кисть давала довольно полное представление о размерах остальных частей тела жертвы, он не смог бы установить вес, не зная типа сложения и толщины жировой прослойки жертвы. Поэтому он завернул кисть и повесил на нее бирку для доставки лейтенанту Сэмюэлю Гроссману в лабораторию главного полицейского управления. Блейни знал, что

Гроссман проведет развернутый анализ крови, чтобы выяснить группу крови. И еще Гроссман, несомненно, попытается снять с отсеченной кисти отпечатки пальцев. Пол Блейни не сомневался, что в этом случае у Гроссмана ничего не выйдет. Неизвестный преступник аккуратно срезал кожу с каждого кончика пальца. Даже волшебник не сумел бы снять отпечатки пальцев с этой кисти, а Гроссман к тому же и не был волшебником.

Итак, Пол Блейни отправил кисть и написал в официальном заключении для 87-го участка:

"Цвет кожи – белый.

Пол – мужской.

Возраст – 18-24".

Парням придется плясать от этой информации.

Глава 4

Детектив Стив Карелла первый занялся этим делом. Сидя на следующий день рано утром за своим столом рядом с зарешеченными окнами комнаты детективов и наблюдая, как капли дождя стекают по стеклу, он набрал номер Пола Блейни.

– Доктор Блейни, – раздался голос на другом конце провода.

– Блейни, это Карелла из 87-го участка.

– Хеллоу, – поздоровался Блейни.

– Я получил ваше заключение, Блейни.

– Ну и что, что-нибудь не так? – немедленно ошетинился Блейни.

– Ничего, – заверил его Карелла. – Наоборот, думаю, это очень полезная информация.

– Рад это слышать, – успокоился Пол Блейни. – Очень редко кто-нибудь в вашей чертовой полиции признает, что и от медэксперта бывает толк.

– У нас в 87-м участке все по-другому. Мы всегда очень надеемся на ваши заключения.

– Очень рад, – повторил Пол Блейни. – Когда человек дни и ночи напролет работает с трупами, у него начинают возникать сомнения. Знаете, кромсать мертвые тела не такое уж веселое занятие.

– Вы проделали отличную работу, – похвалил Стив Карелла.

– Благодарю.

– Серьезно, – горячо добавил Карелла. – У вас неприметная профессия, но можете быть уверены, мы ценим вашу работу.

– Благодарю вас. Спасибо.

– Если бы мы платили вам за каждое дело, в котором вы нам помогли, хотя бы пять центов, вы бы давно стали миллионером, – еще горячее признался Карелла.

– Ну что же, большое спасибо. Что я могу для вас сделать, Карелла?

– Вы написали отличное заключение, очень полезное. Но есть одна деталь...

– Да?

– Интересно, не могли бы вы мне что-нибудь рассказать о человеке, который все это сделал?

– Все это сделал? – не понял доктор.

– Да. В вашем заключении написано о жертве. Это прекрасно, но...

– Что?

– Прекрасно и очень полезно. Ну а что о преступнике?

– О преступнике?

– Ну да, о мужчине или женщине. О том, кто отсек эту кисть? – пояснил Стив Карелла.

– А, ну конечно, – сообразил Блейни. – Знаете, когда дол-

го осматриваешь трупы, то забываешь, что эти трупы откуда-то берутся. Понимаете? Это становится..., ну..., что-то вроде математической задачи.

– Понимаю. Вы можете что-нибудь сказать о человеке, который отсек кисть? – повторил вопрос Карелла.

– Ее отсекли чуть выше запястья.

– Чем?

– Или большим ножом для рубки мяса, или топориком, по-моему. Во всяком случае, чем-то похожим, – ответил доктор.

– Чистая работа?

– Относительно. Ему или ей пришлось перерубить кости. Однако никаких пробных порезов или царапин нет. Так что человек, который отсек кисть от тела, скорее всего, не из слаборвных.

– А умелый?

– Что вы имеете в виду? – не понял Пол Блейни.

– Ну, вам не кажется, что преступник знаком с анатомией? – объяснил детектив.

– Не думаю, – не согласился доктор. – Самым логичным местом для отсечения является запястье, где соединяются лучевая и локтевая кости. Отсечь кисть в запястье значительно легче, чем рубить кости. Нет, не думаю, что преступник по-настоящему знает анатомию. Я даже не могу понять, почему вообще эту кисть отрезали. А вы?

– Что-то теперь я вас не понимаю, Блейни.

– Вы же, наверное, не раз сталкивались с подобными делами, Карелла? Обычно находят голову, затем туловище и, наконец, конечности. Но если кто-то намерен отрезать всю руку, зачем отрезать кисть? Понимаете? Ведь это же дополнительная работа, в которой я просто не вижу смысла.

– Теперь понимаю, – медленно произнес Карелла.

– Большинство трупов расчлениют или калечат, чтобы сложно было установить их личности. Кстати, поэтому с кончиков пальцев и срезали кожу.

– Несомненно.

– Тогда ваши преступники расчлениют тело, чтобы было легче от него избавиться, – добавил Блейни. – Но отсечение кисти? Как оно может служить этим целям?

– Не знаю, – признался детектив. – Как бы там ни было, мы имеем дело не с хирургом, правильно?

– Да.

– А как, по-вашему, мясник не подойдет?

– Может, и подойдет. Кости перерублены с большой силой. Вполне вероятно, что преступник знает, как обращаться с подобными инструментами. И не забывайте про кожу на пальцах.

– О'кей, Блейни, большое спасибо.

– Пожалуйста, – ответил счастливый доктор и положил трубку.

Стив Карелла некоторое время продолжал думать о расчлененных телах. Неожиданно у него во рту появился очень

кислый привкус. Карелла отправился в канцелярский отдел и попросил Мисколу сварить кофе.

Кабинет капитана Фрика находился на первом этаже. Сейчас здесь на ковре пребывал полицейский по имени Ричард Генеро. Капитан Фрик являлся начальником 87-го участка, но в деятельность сысского отдела вмешивался редко. Он не отличался большой сообразительностью да и, честно говоря, умом. Фрику нравилась работа полицейского, но еще больше капитану хотелось стать кинозвездой. Кинозвезды постоянно общаются с роскошными женщинами, а полицейские капитаны только орут на незадачливых подчиненных.

– Должен ли я понимать, Генеро, что ты не знаешь, кто оставил эту сумку на тротуаре – мужчина или женщина? Так?

– Да, сэр.

– Ты не можешь отличить мужчину от женщины, Генеро?

– Да, сэр. Я хочу сказать, могу, сэр, но лил дождь.

– Ну и что?

– Лицо этого человека было спрятано под зонтом, сэр.

– Этот человек был в платье?

– Нет, сэр.

– В юбке?

– Нет, сэр.

– В штанах?

– Вы имеете в виду брюки, сэр?

– Да, конечно, я имею в виду брюки! – взорвался Фрик.

– Да, сэр. Вернее, они могли быть брюками, которые носят и женщины, и мужчины, сэр.

– И что ты сделал, когда увидел на тротуаре сумку, Генеро?

– Я закричал вслед автобусу, сэр.

– И что дальше?

– Затем я открыл сумку.

– И когда ты увидел, что находится в сумке?..

– Я.., я, кажется, слегка растерялся, сэр.

– Ты побежал за автобусом?

– Н.., н.., нет, сэр.

– Ты знаешь, что следующая остановка находится всего в трех кварталах?

– Нет, сэр.

– Эх ты, Генеро. Ты понимаешь, что ты мог остановить машину, догнать автобус и арестовать человека, который оставил сумку?

– Да, сэр. Я хочу сказать, что тогда я этого не понял, сэр. Но сейчас понимаю, сэр.

– И тем самым нам бы не пришлось посылать сумку в лабораторию и гонять детективов в аэропорт?

– Да, сэр.

– И не искать другие части тела, чтобы установить личность убитого? Это ты хоть понимаешь, Генеро?

– Да, сэр.

– Тогда почему же ты такой осел?

– Не знаю, сэр.

– В автобусной компании нам сказали, что автобус, который отъехал от той остановки в 2.30..., в 2.30, Генеро?

– Да, сэр.

– .., в 2.30, имеет номер 8112. Мы разговаривали с водителем. Он не помнит никакого человека в черном, который сел на том углу, ни мужчины, ни женщины.

– Я видел этого человека, сэр. Я видел его или ее, сэр, собственными глазами.

– Мы тебе верим, Генеро. Водитель автобуса не обязан помнить всех своих пассажиров. Как бы там ни было, Генеро, мы до сих пор так ничего и не выяснили. А все потому, что ты не подумал. Почему ты тогда не подумал, Генеро?

– Не знаю, сэр. Наверное, я очень растерялся.

– Господи, бывают времена, когда я жалею, что я не кинозвезда или еще что-нибудь в этом роде, – страдальчески проговорил капитан Фрик. – Ладно, иди. Живи, Генеро.

– Да, сэр.

– Давай, выметайся!

– Слушаюсь, сэр. – Генеро отдал честь и поспешно покинул кабинет начальника участка, благодаря свою счастливую звезду: никто не знал, что он перед тем, как нашел сумку, выпил два стакана вина у Макса Мандела.

Фотография сумки лежала на столе Нельсона Пиата.

– Да, это наша сумка, верно, – сказал он. – Отличная фотография. Вы снимали?

– Вы имеете в виду меня лично? – переспросил детектив Мейер Мейер. – Да.

– Нет, полицейский фотограф.

– Да, это наша сумка, – повторил Пиат. Он откинулся на спинку кожаного вращающегося кресла, которое стояло у огромного окна. Кабинет находился на четвертом этаже административного здания международного аэропорта. Окна выходили на взлетную полосу, мокрую от дождя. – Проклятый дождь! – добавил Нельсон Пиат. – Он нам так мешает.

– Вы не можете летать, когда идет дождь? – поинтересовался Мейер.

– Можем. Мы можем летать почти в любую погоду. Но полетят ли пассажиры, вот в чем вопрос? Как только начинается дождь, все сразу начинают отказываться от билетов. Боятся. Все боятся, – Пиат покачал головой и опять принялся изучать глянцевую фотографию размером 8,5 x 11 дюймов. Сумку сфотографировали на белом фоне. Снимок действительно был отличным. Название фирмы и девиз виднелись отчетливо, словно неоновые. – Ну и что случилось с этой сумкой, джентльмены? Какой-нибудь взломщик держал в ней инструменты или еще что-нибудь в этом роде? – Он рассмеялся собственной шутке и взглянул сначала на Клинга, потом на Мейера.

Клинг ответил за обоих:

– Не совсем, сэр. Убийца прятал в ней часть трупа.

– Часть?.. Ого, ясно. Да, это плоховато, даже очень плохо

для бизнеса. – Пиат замолчал. – Или нет? – Он опять замолчал, что-то обдумывая. – Газеты будут писать об этом деле?

– Сомневаюсь, – ответил Мейер. – Оно слишком кровавое для публики, и к тому же в нем нет ни изнасилования, ни роскошной женщины. Слишком скучно.

– Я подумал.., знаете.., фотография сумки на первых страницах газет могла бы нам здорово помочь. Черт возьми, такую рекламу трудно достать обычным путем. Кто знает, может, она нам даже поможет?

– Да, сэр, – терпеливо согласился Мейер.

Если Мейер Мейер обладал добродетелями, то терпеливость, несомненно, относилась к их числу. Он родился терпеливым. Дело в том, что отец Мейера был шутником, человеком, который с удовольствием рассказывал гостям во время обеда, что они едят из грязных тарелок. Да, это был настоящий шутник. И вот, когда этот хохмач стал слишком стар, чтобы подтирать носы младенцам и менять пеленки, произошло маленькое чудо – его жена забеременела.

Природа сыграла хорошенькую шутку над королем весельчаков. Старший Мейер долго дулся и даже на время перестал шутить, подготавливая месть природе. Когда акушерка приняла голубоглазого мальчика весом в шесть фунтов шесть унций, Мейер решил нанести свой последний удар. Отец назвал ребенка Мейером. Так мальчик стал Мейером Мейером.

Согласитесь, это была замечательная шутка! Старик Мей-

ер не переставал смеяться целую неделю. Однако Мейеру-младшему оказалось не до смеха. Мейеры жили в районе, в котором не было евреев. Если мальчишки, жившие по соседству, и нуждались в дополнительном поводе (кроме еврейского происхождения) для того, чтобы ежедневно колотить Мейера Мейера, этим поводом вполне явилось его имя.

Только спустя много лет Мейер Мейер узнал, что невозможно драться с двенадцатью противниками одновременно, но что иногда можно отговорить эту дюжину от драки. И он терпеливо уговаривал. Иногда уговоры срабатывали, чаще нет. Несмотря на результаты, терпеливость постепенно стала основной чертой его характера. Именно эта особенность Мейера Мейера, очевидно, явилась причиной его полного облысения в тридцать семь лет.

Но с другой стороны, разве можно было лишить стареющего комедианта последней, его самой удачной шутки?

– Как распределяются эти сумки, мистер Пиат? – терпеливо спросил Мейер Мейер.

– Распределяются? Они совсем не распределяются. Их просто выдают нашим пассажирам. Отличная реклама.

– Эти сумки дают всем вашим пассажирам?

– Не совсем. Видите ли, у нас несколько классов полетов.

– Вот как?

– У нас есть Высший класс, в котором между сиденьями больше места – целых двадцать дюймов. Хватит, чтобы вытянуть ноги; напитки; несколько блюд в обеде; специальное

багажное отделение..., короче, самое лучшее, что мы можем предложить нашим пассажирам.

Еще у нас есть Первый класс, который отличается от Высшего только отсутствием напитков. Конечно, при желании их можно купить. Еще в обеденном меню только одно блюдо – обычно ростбиф или ветчина.

– Понятно.

– Следующий Туристический класс. Всего шестнадцать дюймов для ног, но во всем остальном то же самое, включая обед, как в Первом классе.

– Ясно. Сумки...

– Второй класс. Столько же места для ног, как и в Туристическом, но три места в каждом ряду с обеих сторон от прохода. На обед подают одни сэндвичи и, конечно, нет напитков.

– Из всех классов какой?..

– Еще у нас есть Низший класс, который, боюсь, вообще не очень удобен по сравнению с другими классами, хотя сам по себе он ничего. Двенадцать дюймов для ног и...

– Это ваш последний класс? – терпеливо поинтересовался Мейер.

– Сейчас мы работаем еще над одним, который будет еще дешевле. Видите ли, мы пытаемся убедить летать людей, которые предпочитают старинные средства передвижения, такие, как поезда, машины или корабли.

– Кому дают сумки? – не выдержал Клинг.

– Что? О да, сумки. Мы выдаем их всем пассажирам Высшего и Первого класса.

– Всем пассажирам?

– Всем.

– И когда вы начали раздавать их?

– Как минимум, шесть лет назад, – ответил Пиат.

– Значит, все, кто летал у вас Высшим или Первым классом за последние шесть лет, мог получить такую сумку, правильно?

– уточнил Мейер.

– Правильно.

– И, как по-вашему, сколько таких людей?

– О, тысячи и тысячи, – с гордостью ответил Нельсон Пиат.

– Вы должны не забывать, детектив Мейер...

– Да?

– "Мы летаем вокруг земного шара".

– Ах, да, – согласился Мейер. – Простите. Со всеми вашими классами я, кажется, запутался...

– Существует возможность, что это дело все же попадет в газеты?

– Возможность всегда существует. – Детективы встали.

– Вы мне сообщите, если она станет реальностью? Если, конечно, узнаете заранее. Мне хотелось бы предупредить наш отдел рекламы.

– Конечно, – ответил Мейер. – Спасибо, мистер Пиат.

– Не за что. – Нельсон Пиат пожал руки детективам. Когда они подошли к двери, Пиат выглянул в огромное окно на мокрую от дождя взлетную полосу.

– Чертов дождь! – пробормотал он.

Глава 5

Пятница, утро. Дождь.

Когда он был ребенком, то часто бегал под дождем в библиотеку, которая находилась в шести кварталах от дома. Он поднимал воротник куртки и думал, что похож на Авраама Линкольна. Как-то раз, сидя в теплом, обитом деревянными панелями читальном зале, он с каким-то необычным удовольствием читал, а дождь шелестел за окнами.

А иногда ливень начинался неожиданно на пляже. Неизвестно откуда появлялись тучи и мчались к берегу, как черные всадники. Молнии рассекали небо, как удары сердитых скимитаров. Девчонки хватали свитера и пляжные сумки. Кто-то забирал переносной проигрыватель и стопку пластинок. Ребята держали над головами одеяла, как навес, пока все бежали к находившемуся неподалеку ресторану. Потом они стояли на террасе и смотрели на умытый дождем пляж, на изогнутые и перепачканные губной помадой соломинки в забытых бутылках "кока-колы".

В Корее Берт Клинг узнал, что существует и другой дождь. Он узнал, что есть жестокий и противный дождь, который превращает землю в непроходимую скользкую жижу, оставляющую и людей, и машины. Он узнал, что значит постоянно быть мокрым и мерзнуть. Именно после Кореи Клинг перестал любить дожди.

Утренний дождь в пятницу ему тоже не нравился.

День начался с посещения бюро розыска пропавших лиц, где Берт Клинг возобновил знакомство с детективами Амброузом и Бартольди.

– Ого, кто к нам пожаловал! – воскликнул Бартольди.

– Бог-солнце 87-го участка, – подхватил Амброуз.

– Само Белокурое Чудо!

– Он самый, собственной персоной, – сухо сказал Клинг.

– Чем сегодня можем служить, детектив Клинг?

– Кого вы посеяли на эту неделю, детектив Клинг?

– Мы ищем белого мужчину в возрасте от 18 до 24 лет, – ответил Берт Клинг.

– Слышал, Ромео? – спросил Амброуз Бартольди.

– Слышал, Майк, – ответил Бартольди.

– Сколько, по-твоему, белых мужчин в возрасте от 18 до 24 лет у нас числится?

– По приблизительным подсчетам 6723, – ответил Бартольди.

– Не считая тех, кого мы еще не успели занести в карту-теку.

– Как мы можем успеть, когда фараоны со всего города ежеминутно мешают нам.

– Как им не стыдно! – холодно произнес Клинг. Ему хотелось избавиться от чувства робости, которое он постоянно испытывал в присутствии полицейских, проработавших больше него. Он знал, что он молод, но ему не нравилось

автоматическое предположение, которое возникало у более опытных копов, что он ипсо факто плохой детектив из-за возраста и недостатка опыта. Он не считал себя плохим детективом. Наоборот, Клинг думал, что он отличный детектив. А Ромео с Майком пусть идут к черту!

– Могу я посмотреть картотеку? – спросил он.

– Ну конечно же! – с энтузиазмом откликнулся Бартольди. – Для этого она здесь и находится. Чтобы каждый коп в городе с грязными лапами мог трогать карточки. Правильно, Майк?

– Еще бы не правильно. Что же нам еще делать, если не перепечатывать постоянно залапанные и изорванные карточки? В противном случае пришлось бы взяться за оружие.

– Нет уж, лучше оставим игры с пушками более молодым и проворным парням, таким, как ты, Клинг.

– Да, таким героям, – добавил Амброуз.

– Угу, – мрачно произнес Берт Клинг, тщетно пытаюсь найти убийственный ответ.

– Поосторожнее с карточками, – предупредил Бартольди. – Утром мыл руки?

– Мыл.

– Ну и отлично. Только выполняй вон те инструкции, и все будет в порядке, – Бартольди показал на большой плакат: "Делайте с карточками что угодно, но оставляйте их такими, какими они были до вашего прихода".

– Понял? – спросил Амброуз.

– Я здесь не в первый раз, – ответил Клинг. – Вам пора поменять ваши инструкции. Когда читаешь их в сотый раз, находишь в этом мало веселого.

– Они здесь не для развлечения, – возразил Бартольди.

– Осторожнее с карточками, – повторил Амброуз. – Если станет скучно, загляни в папку дамы по имени Барбара Цезаре, известной также, как Бабблз Цезарь. Она исчезла в феврале. Ее папка там, ближе к окну. Барбара занималась стриптизом в Канзас-Сити и приехала поработать в наших клубах. В ее папке отличные фотографии.

– Как тебе не стыдно, Майк! – укоризненно заметил Бартольди. – Он всего лишь мальчишка, а ты привлекаешь его внимание к подобным вещам.

– Прости меня, Ромео. Ты прав. Забудь о Бабблз Цезарь, Клинг. Забудь об отличных фотографиях в февральской папке около окна. Слышишь?

– Уже забыл, – угрюмо ответил Берт Клинг.

– Нам нужно кое-что напечатать, – Бартольди открыл дверь. – Развлекайся.

– Цезарь, – бросил, выходя из комнаты, Амброуз. – Ц-Е-З-А-Р-Ь.

– Бабблз, – добавил Бартольди, закрывая дверь.

Клинг, конечно, вовсе не был обязан просматривать все 6723 папки, заведенные на людей, пропавших без вести. Скорее всего, Бартольди несколько преувеличил цифру. На самом деле в городе, в котором работал Берт Клинг, ежегод-

но пропадало около двух с половиной тысяч человек. Если разделить это число на двенадцать, то получится чуть больше двухсот человек в месяц. Самыми напряженными месяцами являлись май и сентябрь, но Клинга, к счастью, не особенно интересовали май и сентябрь. Он ограничился папками за январь, февраль и начало марта. Так что работы оказалось не так уж много.

Тем не менее это все же было не очень веселым занятием. Просматривая папки пропавших за февраль, он заглянул в дело танцовщицы с экзотическим именем – Бабблз Цезарь. После изучения нескольких фотографий ему пришлось согласиться, что человек, придумавший ей прозвище, подобрал удачное словцо. Рассматривая фотографии, он сразу вспомнил Клэр Таунсенд, а мысли о Клэр вызвали сожаление о том, что сейчас утро, а не вечер.

Клинг закурил, печально поставил папку мисс Цезарь на место и вернулся к работе.

К одиннадцати часам он обнаружил только двух подходящих кандидатов. Клинг пошел с них делать фотокопии. Ему помог Бартольди, который сейчас разговаривал вполне серьезно.

– Нашел что-нибудь, парень? – спросил он.

– Пока только возможные кандидаты. Посмотрим, что выйдет.

– А что произошло? – поинтересовался Бартольди.

– Один из наших полицейских нашел сумку с человече-

ской кистью.

– Ого! – Бартольди скорчил гримасу.

– Да! Прямо на улице, около автобусной остановки.

– Ого! – повторил Бартольди. – Мужчина или женщина?

Я имею в виду кисть.

– Мужская, – ответил Клинг.

– А что за сумка? Для покупок?

– Нет, нет. Самолетная сумка. Ну, знаешь, они раздают пассажирам свои сумки, такие маленькие, синие? Эта – по заказу "Серкл Эйрлайнз".

– Убийца высокого полета, да? – пошутил Бартольди. – Ну что же, держи свои фотокопии, малыш. Счастливо. – Спасибо, – поблагодарил Берт Клинг и взял конверт. Он набрал номер "Фредерик 7 – 8024" и попросил Стива Кареллу.

– Слушай, я откопал тут двух кандидатов, – сообщил он.

– Думаю проверить одного до ленча. Хочешь со мной?

– Конечно, – ответил Карелла. – Где встретимся?

– Это матрос с торгового корабля. Он исчез 14 февраля в Валентинов день. Об исчезновении заявила жена. Она живет на Детановере, рядом с Южной улицей.

– Встретимся на углу?

– Идет, – согласился Клинг. – Мне не звонили?

– Клэр звонила.

– Что-нибудь просила передать?

– Чтобы ты позвонил ей, как сможешь.

– О'кей, спасибо. Встретимся через полчаса?

– Хорошо. Смотри, не стой под дождем. – И Карелла положил трубку.

Стоя под дождем на наиболее открытом, пожалуй, во всем городе углу, Клинг пытался поглубже забраться в свое полупальто, создать водонепроницаемую оболочку, втянуть шею, как черепаха, но все тщетно. Он весь промок. Где, черт возьми, этот Карелла?

"Жаль, что я не ношу шляпу, – подумал Берт Клинг. – Лучше бы я был бизнесменом. Они, по крайней мере, чувствуют себя в шляпах очень уютно".

Белокурые волосы намокли и прилипли к голове. Клинг стоял на углу и наблюдал за:

- открытой парковочной стоянкой на одном углу;
- оградой парка на третьем углу;
- голой стеной какого-то склада.

Ни одного козырька, под который можно спрятаться, ни одной двери, в которую можно нырнуть, ничего, кроме широкого открытого пространства Изола и дождя, который низвергался на него, как казачья лава в одном итальянском фильме.

"Черт бы тебя побрал, Карелла, где ты? Ну иди же, Карелла,

- заклинал Клинг, – неужели у тебя нет сердца?"

Наконец к тротуару подъехала полицейская машина без эмблем. На столбе висело объявление: "С 8.00 до 18.00 не останавливаться и не парковаться". Карелла вылез из маши-

ны.

– Привет. Давно ждешь?

– Почему ты, черт возьми, задержался? – возмутился

Клинг.

– Перед самым отъездом позвонил Гроссмак из лаборатории. – Ну и как?

– Он занимается и кистью, и сумкой. Сказал, что завтра придет заключение.

– Снимет отпечатки пальцев?

– Едва ли. Кончики пальцев изрезаны в клочья. Послушай, может, обсудим это за чашкой кофе? Зачем мокнуть? Мне к тому же хотелось бы взглянуть на карточку того моряка перед тем, как пойдем к его жене, – предложил Стив Карелла

– Я бы не отказался от кофе, – согласился Клинг.

– Она знает о нашем приходе?

– Не знает. Думаешь, надо было ей позвонить?

– Нет, так будет лучше. Вдруг мы найдем ее с телом в сумке и огромным ножом в изящной ручке.

– В середине квартала – кафе. Давай выпьем кофе там.

Пока ты будешь смотреть карточку, я позвоню Клэр.

– Хорошо.

Они вошли в кафе, сели в кабину и заказали по чашке кофе. Пока Клинг звонил своей невесте, Карелла, отхлебывая кофе дважды внимательно прочитал фотокопию розыскной карточки.

Когда Клинг вернулся к столу, на его лице играла улыбка.

– Что случилось? – спросил Карелла.

– Ничего особенного. Отец Клэр сегодня утром уехал в Нью-Джерси, вот и все. Вернется только в понедельник.

– И это дает тебе пустую квартиру для уик-энда, да?

– Я об этом и не думал, – возразил Клинг.

– Рассказывай, – не поверил Карелла. – Когда ты собираешься жениться на ней?

– Она сначала хочет получить степень бакалавра.

– Зачем? – удивился Карелла.

– Откуда я знаю.

– А что она захочет после этого? Докторскую степень? – не успокаивался Карелла.

– Может быть, – опять пожал плечами Клинг. – Послушай, при каждой встрече я прошу ее выйти за меня замуж, но она стоит на своем. Что я могу сделать? Не могу же я послать ее к черту?

– Думаю, нет.

– Вот то-то и оно. – После некоторой паузы Берт Клинг добавил:

– Черт побери, в конце концов, если девушка хочет получить образование, не могу же я ей это запретить?

– По-моему, не можешь.

– Ты бы запретил?

– Едва ли.

– Что я могу сделать, Стив, черт побери? Я должен вы-

братъ: или ждать, или вообще не жениться. Верно?

– Верно, – согласился Стив Карелла.

– А так как я хочу на ней жениться, значит, выбора у меня нет. Остается ждать. – Берт Клинг задумался. – Господи Иисусе, не дай бог она окажется одним из тех ученых сухарей! Остается только ждать.

– Мне кажется, ты принял правильное решение.

– Единственное.., буду с тобой откровенным, Стив. Боюсь, она забеременеет и тогда придется срочно жениться. Понимаешь? Это будет не так, как если бы мы женились по собственной воле. Я хочу сказать, что мы любим друг друга и все такое. Но все это будет не то. О господи, не знаю, что делать!

– Будь осторожнее, вот и все, – посоветовал Карелла.

– Мы и так осторожны. Знаешь что, Стив?

– Что?

– Лучше бы нам не спать до свадьбы... Моя домохозяйка так и пялится на меня каждый раз, когда я привожу Клэр. Затем нужно, сломя голову, везти ее домой, потому что ее отец самый строгий отец в мире. Я вообще удивился, что он оставил ее одну на весь уик-энд. Черт, зачем ей нужна эта степень, Стив? Наверное, лучше бы до свадьбы ее совсем не трогать, но я просто не могу без этого. При виде Клэр у меня сразу же пересыхает в горле. У тебя... Впрочем, извини, Стив, я не хотел вмешиваться в твою интимную жизнь.

– Да, у меня тоже так, – подтвердил Карелла. Клинг на

мгновение задумался, затем сказал:

– Завтра у меня выходной, а в воскресенье опять на работу. Как ты думаешь, никто со мной не поменяется? Например, на вторник? Не хочется разрывать уик-энд.

– Как ты собираешься его провести? – спросил Стив Карелла.

– Ну...

– Оба дня? – удивился Карелла.

– Ну, знаешь...

– Начиная с сегодняшнего вечера? – еще больше удивился Карелла.

– Понимаешь, Стив...

– Я бы отдал тебе свое воскресенье, но боюсь...

– Правда? – обрадовался Берт Клинг.

– ..что ты будешь не в форме в понедельник утром, – закончил Стив Карелла. – Весь уик-энд? – изумленно переспросил он.

– Старик не так уж часто уезжает.

– Пылкая молодость, где ты? – Карелла покачал головой. – Конечно, можешь забрать мое воскресенье, если шеф не будет возражать.

– Спасибо, Стив.

– Или Тедди ничего не запланирует, – добавил Карелла.

– Смотри, не передумай, – встревожился Клинг.

– О'кей, о'кей, – Карелла постучал по фотокопии указательным пальцем. – Что думаешь об этом моряке?

– Выглядит обещающе, по-моему. Во всяком случае, он как раз такой высокий – шесть футов четыре дюйма. Да и весит немало – двести десять фунтов. Не карлик, Стив.

– Да, наша кисть принадлежит крупному мужчине. – Стив Карелла допил кофе. – Пошли, влюбленный, посмотрим на эту миссис Андрович.

Когда детективы встали, Берт Клинг заметил:

– Не такой я уж большой влюбленный, Стив. Просто.., ну...

– Что?

– Просто мне это нравится, – ухмыльнулся Клинг.

Глава 6

Маргарет Андрович оказалась девятнадцатилетней блондинкой, которую поэт назвал бы гибкой, как ива. Она была худощавой. Уменьшительное "Мэг" не совсем ей подходило, потому что рост Маргарет равнялся пяти футам семи дюймам, и в ней чувствовалась мягкость стального троса. В нынешние времена, когда почему-то особенно принято называть стройных женщин противными именами, Мэгги подошло бы Маргарет больше, чем "Мэг", как Карл Андрович вытатуировал у себя на левой руке. Девушка спокойно и уверенно поздоровалась с детективами в дверях, пригласила в гостиную и предложила присесть.

Стив Карелла и Берт Клинг сели.

Маргарет Андрович действительно была худой и обладала угловатой женственностью, которую обычно требуют от манекенщиц. В данный момент Мэг Андрович, однако, находилась не на страницах журнала "Воуг", а у себя в гостиной. На ней был розовый стеганный халат и розовые, отделанные мехом тапочки, которые выглядели как-то не к месту на такой высокой девушке. Лицо Маргарет было таким же угловатым, как и тело, с высокими скулами и ртом, казавшимся слегка припухшим даже без губной помады. На узком лице доминировали огромные голубые глаза. Говорила она со слабым, едва уловимым

270 южным акцентом. Девушка напоминала женщину, которая знает, что ее вот-вот ударят в лицо, и которая спокойно ждет удара.

– Вас интересует Карл? – тихим голосом спросила она.

– Да, миссис Андрович, – ответил Карелла.

– Вы о нем что-нибудь узнали? С ним все в порядке?

– Ничего определенного мы вам сказать не можем, – сказал Карелла.

– Ну хоть что-нибудь?

– Нет, нет. Мы просто хотели еще кое-что выяснить.

– Понятно, – неопределенно кивнула Мэг. – Так, значит, вы о нем ничего не слышали?

– К сожалению, ничего.

– Ясно. – Девушка опять кивнула.

– Не могли бы вы рассказать, что случилось утром, когда он ушел из дома?

– Могу, – ответила Маргарет Андрович. – Он просто ушел и все. Тот уход ничем не отличался от других, когда Карл отправлялся в плавание. Только на этот раз он не попал на корабль, – пожала плечами девушка. – С тех пор я не знаю, что с ним. Прошел уже почти месяц.

– Вы давно вышли замуж, миссис Андрович?

– За Карла? Шесть месяцев назад.

– А раньше вы были замужем? Карл ваш первый муж?

– Да, он мой единственный муж.

– Где вы с ним познакомились, миссис Андрович?

– В Атланте, когда туда зашел его корабль. Атланта – их порт приписки, – ответила Маргарет.

– Значит, вы встретились в Атланте шесть месяцев назад?

– Точнее, семь.

– И вы поженились?

– Да.

– И переехали сюда?

– Да.

– Где родился ваш муж?

– Здесь, в этом городе. – После небольшой паузы она спросила:

– Вам здесь нравится?

– Вы имеете в виду город?

– Да. Вам нравится город?

– Ну, я здесь родился и вырос, – ответил Стив Карелла. – Да, пожалуй, мне нравится этот город.

– А мне нет, – безжизненным голосом произнесла Мэг.

– Ничего страшного, миссис Андрович, о вкусах не спорят. – Карелла попытался улыбнуться, но улыбка исчезла, как только он взглянул на лицо девушки.

– Да, о вкусах не спорят, – согласилась хозяйка. – Я много раз пыталась объяснить Карлу, что мне здесь не нравится и что я хочу вернуться в Атланту. Но он, как и вы, здесь родился и вырос. – Девушка пожала плечами. – Может быть, все было бы по-другому, если бы я знала город. Карл плавал очень часто, а мне приходилось сидеть дома. Мне было как-

то неудобно на улицах. Я не хочу сказать, что Атланта деревня, но по сравнению с этим монстром она очень маленькая. Я никак не могу понять, как люди разбираются во всех этих улицах. Стоит мне отойти на какие-то три квартала от дома, и я тут же теряюсь. Хотите кофе?

– Ну...

– Выпейте кофе, – попросила Мэг. – Вы ведь еще не собираетесь уходить? Вы первые люди, с которыми я разговариваю за долгое время.

– Думаю, у нас найдется время для кофе, – согласился Карелла.

– Это займет всего несколько минут. Извините меня.

Маргарет Андрович скрылась на кухне. Клинг подошел к телевизору, на котором стояла фотография мужчины в рамке. Когда Мэг вернулась в гостиную, он все еще разглядывал снимок.

– Это Карл, – пояснила девушка. – Прекрасная фотография. Я послала такую же в бюро розыска пропавших лиц. Они попросили у меня фотографию мужа. Кофе будет готов через несколько минут. Я согрею булочки. Вы, наверное, замерзли под таким холодным дождем.

– Вы очень добры, миссис Андрович.

– Мужчина, который работает, нуждается в пище. – На узком лице девушки промелькнула мимолетная улыбка.

– Миссис Андрович, в то утро, когда он исчез...

– Да, это случилось в Валентинов день, – начала расска-

зывать Мэг Андорович. – Когда я проснулась, на кухонном столе стояла большая коробка конфет. Позже, во время завтрака, принесли цветы.

– От Карла?

– Да, да. От Карла.

– Когда вы завтракали?

– Да.

– Но.., разве он не ушел в 6.30?

– Ушел.

– И цветы принесли до его ухода?

– Да.

– Довольно рано, не так ли?

– Наверное, он договорился в цветочном магазине, – предположила Мэг, – чтобы их принесли так рано. Это были розы, две дюжины красных роз.

– Ясно, – протянул Карелла.

– За завтраком не произошло ничего необычного? – спросил Клинг.

– Нет, нет. Он был очень весел.

– Но он ведь не всегда был очень весел, не так ли? Вы говорили полицейским, что он обладает очень вспыльчивым характером.

– Да. Я сказала это детективу Фредериксу из бюро розыска. Вы его знаете?

– Нет.

– Он очень хороший человек.

– И еще вы сказали Фредериксу, что ваш муж заикается, правильно? У него легкий тик правого глаза?

– Левого.

– Да, да, левого глаза.

– Правильно, говорила.

– Как по-вашему, он нервный человек?

– Да, довольно нервный.

– Был ли Карл в то утро возбужден?

– Когда исчез? – переспросила Мэг.

– Да, вел он тогда себя возбужденно?

– Нет. Он был очень спокоен.

– Ясно. Что вы сделали с цветами, когда их принесли?

– С цветами? Поставила в вазу.

– На стол?

– Да.

– На кухонный стол?

– Да, на кухонный.

– Во время завтрака они стояли на столе?

– Да.

– Карл плотно позавтракал?

– Да.

– На аппетит он не жаловался?

– Он обладал отличным аппетитом. В то утро Карл был особенно голоден.

– Ничего не произошло странного или необычного?

– Нет. – Девушка оглянулась на дверь кухни. – Кофе, ка-

жется, готов. Извините.

Хозяйка вышла. Карелла и Клинг обменялись взглядами. По стеклу по-прежнему стекали капли дождя.

Мэг Андрович вернулась в гостиную с подносом, на котором стояли кофейник, три чашки и тарелка с горячими булочками. Поставив поднос, она посмотрела на него и смутилась.

– Забыла масло. – В дверях кухни девушка остановилась. – Принести джем?

– Нет, нет, спасибо, – ответил Карелла.

– Кофе разливайте сами, – сказала хозяйка. Из кухни донесся ее голос:

– Может, захватить сливки?

– Нет, – откликнулся Карелла.

– А сахар?

– Не стоит.

Они слышали, как девушка ходит по кухне. Карелла разлил кофе в три чашки. Мэг вернулась в гостиную с маслом, сливками и сахаром.

– Вот, – сказала она. – Возьмите хоть что-нибудь, детектив... Карелла, правильно?

– Правильно, Карелла. Нет, благодарю вас, я предпочитаю черный кофе.

– А вы, детектив Клинг?

– Немного сливок и одну ложку сахара, благодарю вас.

– Берите булочки, пока они не остыли. Детективы взяли

по булочке. Девушка сидела напротив них и наблюдала.

– Ваш кофе, миссис Андрович, – сказал Стив Карелла.

– Спасибо, – она положила три ложечки сахара и начала не спеша размешивать.

– Вы найдете его? – спросила Маргарет Андрович.

– Надеемся.

– Как по-вашему, с ним ничего не случилось?

– Трудно сказать, миссис Андрович.

– Он был таким сильным мужчиной, – пожала плечами девушка.

– Был, миссис Андрович?

– Я сказала "был"? Да, мне кажется, что он ушел навсегда.

– Почему вы так думаете?

– Не знаю.

– Создается впечатление, что он очень любил вас.

– Да, очень любил. Булочки вкусные?

– Восхитительные.

– Чудесные, – добавил детектив Клинг.

– Мне их приносят. Я сейчас редко выхожу на улицу. Провожу почти все время дома.

– Почему, по-вашему, Карл исчез?

– Не знаю.

– Вы в то утро не поссорились?

– Нет, мы не ссорились.

– Я говорю не о драке, – пояснил Карелла, – а об обычной размолвке. Все мужья и жены время от времени ссорятся. –

Вы женаты, детектив Карелла?

– Да.

– Вы иногда ссоритесь с женой?

– Бывает.

– Мы с Карлом в то утро не ссорились, – вяло заметила

Мэг.

– Но вы же порой ссорились?

– Ссорились. Чаще всего о том, возвращаться в Атланту или нет. Потому что я не люблю этот город. Понимаете?

– Это понятно, – согласился Карелла. – Вы ведь не знакомы с городом. Вы не бывали в верхней части?

– Где в верхней части?

– На Калвер-авеню? Или на Холл-авеню?

– Это там, где большие универмаги?

– Нет, дальше. Рядом с Гроувер-парком.

– Я даже не знаю, где находится Гроувер-парк.

– Вы ни разу не были в верхней части города?

– Была, но не так далеко.

– У вас есть плащ, миссис Андрович?

– Что?

– Плащ.

– Есть. А что?

– Какого цвета, миссис Андрович?

– Мой дождевой плащ?

– Да.

– Голубой. – После некоторой паузы Мэг спросила:

– А в чем дело?

– А черный есть?

– Нет. Почему вы спрашиваете?

– Вы носите брюки?

– Очень редко.

– Но все же носите?

– Только дома, да и то редко, когда убираю квартиру. На улицу я их никогда не надеваю. Во время моего детства в Атланте девочки не носили брюк.

– У вас есть зонтик, миссис Андрович?

– Есть.

– Какого цвета?

– Красного. Я ничего не понимаю, детектив Карелла.

– Миссис Андрович, не могли бы вы показать нам плащ и зонт?

– Для чего?

– Ну просто нам хочется взглянуть.

Девушка пристально посмотрела на Стива Кареллу, затем перевела пристальный взгляд на Берта Клинга.

– Хорошо, – наконец согласилась она. – Пойдемте в спальную комнату. Я еще не убрала постель. Вам придется извинить меня за беспорядок.

Направились к шкафу, Маргарет Андрович набросила на скомканные простыни одеяло.

– Вот плащ, а вот зонт. – Девушка открыла шкаф. На вешалке висел голубой плащ и красный зонт.

– Спасибо, – поблагодарил Карелла. – Мясо вам тоже приносят, миссис Андрович?

– Что?

– Ну мясо от мясника.

– Да. Приносят. Детектив Карелла, будьте добры, объясните, что происходит? Все эти вопросы. Мне кажется, что...

– Всего лишь обыкновенная рутина, миссис Андрович. Пытаемся хоть немного выяснить о привычках вашего мужа и только.

– Какое отношение имеют мои плащ и зонт к привычкам моего мужа?

– Ну, знаете...

– Нет, не знаю.

– У вас есть нож для мяса, миссис Андрович? Перед тем, как ответить, Маргарет Андрович долго смотрела на Кареллу. В конце концов она спросила:

– А какое он имеет отношение к Карлу? Теперь замолчал Карелла.

– Карл мертв? – медленно спросила девушка. – Поэтому вы задаете все эти вопросы? Детектив молчал.

– Его убили мясным ножом, да?

– Мы не знаем, миссис Андрович.

– Вы думаете, что это я? Вы хотите сказать, что я убила Карла?

– Нам ничего не известно о местонахождении вашего мужа, миссис Андрович. Мы не знаем, жив он или мертв. Все

эти вопросы простая рутина.

– Рутину? Что случилось? Кто-то в плаще с зонтом ударил ножом Карла? Да?

– Нет, миссис Андрович. У вас есть нож для рубки мяса?

– Есть, на кухне. Хотите взглянуть? Надеетесь найти на нем куски скальпа Карла? Вы это хотите найти?

– Мы проводим обычное расследование, миссис Андрович.

– Все детективы такие же деликатные, как вы? – поинтересовалась Мэг Андрович.

– Извините, если я вас расстроил, миссис Андрович. Можно посмотреть на нож для мяса? Если вас не затруднит...

Девушка вывела детективов из спальни и провела через гостиную на кухню. Она показала на небольшой нож с тупым в зазубринах лезвием.

– Вот он.

– Если вы не возражаете, я возьму его с собой, – попросил детектив Стив Карелла.

– Зачем?

– Какие конфеты ваш муж купил в Валентинов день, миссис Андрович?

– Ореховые, фруктовые – ассорти.

– Кто их сделал?

– Не помню.

– Большая коробка?

– Фунтовая.

– Но вы же в первый раз сказали, большая коробка конфет. Вы сказали, что, когда проснулись, на кухонном столе стояла большая коробка конфет. Вы ведь говорили это?

– Да. Коробка сделана в форме сердца. Мне она показалась большой.

– Но вы же только что сказали, что она фунтовая.

– Сказала.

– И дюжина красных роз? Когда их принесли?

– Около шести утра.

– И вы поставили их в вазу?

– Да.

– У вас большая ваза, чтобы поставить в нее дюжину роз?

– Конечно. Карл часто приносил цветы. Поэтому я как-то и купила вазу.

– Но она большая? В нее войдет дюжина роз?

– Да.

– Это были красные розы? Дюжина?

– Да.

– Не белые. Именно дюжина красных роз?

– Да, да, дюжина красных роз, все красные. И я поставила их в вазу.

– Вы сказали две дюжины, миссис Андрович. Когда в первый раз вы рассказывали о цветах, вы сказали две дюжины.

– Что?

– Две дюжины?

– Я...

– Может, в то утро вообще не было никаких цветов, миссис Андрович?

– Цветы были. Я, наверное, ошиблась. Принесли только одну дюжину не две.

Должно быть, я думала о чем-то другом.

– А конфеты тоже были, миссис Андрович?

– Да, конечно, конфеты тоже были.

– И вы не поссорились за завтраком. Почему вы заявили об исчезновении Карла только на следующий день, миссис Андрович?

– Потому что я подумала...

– Он уходил из дома раньше?

– Нет, он...

– Значит, это исчезновение было для него необычным?

– Да, но...

– Тогда почему вы не обратились в полицию сразу же?

– Я думала, он вернется.

– Или вы думали, что у него имеются причины для исчезновения?

– Какие причины?

– А это вы мне расскажите, миссис Андрович. В комнате воцарилась тишина.

– Не было никаких причин, – наконец прервала Мэг затянувшееся молчание. – Мой муж любил меня. Утром на столе стояла коробочка конфет в форме сердца. В шесть часов при-

несли дюжину красных роз. Карл поцеловал меня на прощание и ушел. С тех пор я его не видела.

– Напиши миссис Андрович расписку на нож, Берт, – сказал Карелла. – Большое спасибо за кофе и булочки и потраченное время. Вы были очень добры.

Когда детективы выходили из квартиры, Маргарет Андрович спросила:

– Он мертв, да?

Клэр Таунсенд была примерно такого же роста, как и Мэг Андрович, но на этом сходство между ними заканчивалось. Мэг была худой или, если хотите, гибкой. Клэр же щедро была наделена плотью. Мэг, как все манекенщицы, имела маленькую грудь. Клэр хотя и не относилась к коровоподобным созданиям, с полным основанием гордилась своей грудью, которая могла заполнить мужскую ладонь. Мэг – голубоглазая блондинка. Глаза Клэр были карими, а волосы – черными, как воронье крыло. Короче, Мэг производила впечатление женщины, живущей в больничной палате, а Клэр напоминала женщину, которая чувствует себя, как дома, в стог сена.

Между ними существовало еще одно различие. Берт Клинг был по уши влюблен в Клэр Таунсенд.

Как только он переступил порог, она поцеловала его. Клэр надела черные брюки и просторную белую блузку, которая заканчивалась чуть ниже талии.

– Почему ты задержался? – спросила девушка.

– Из-за цветов.

– Ты принес мне цветы? – обрадовалась Клэр.

– Нет, просто леди, с которой мы беседовали, сказала, что ее муж купил ей дюжину красных роз. Мы проверили с десятком цветочных магазинов в ее районе. Результат? Никаких красных роз в Валентинов день. По крайней мере, для миссис Андрович.

– Вот как?

– Стив Карелла обладает каким-то сверхъестественным чутьем. Я разуюсь?

– Валяй. Я купила две отбивные. Хочешь?

– Позже.

– Как это Карелла обладает каким-то сверхъестественным чутьем?

– Он впился в эту худую и жалостную дамочку, словно собирался съесть ее. Когда мы от нее ушли, я сказал, что, по-моему, он разговаривал с ней грубовато. Я видел раньше, как Стив работает. Обычно он беседует с леди очень вежливо, а с этой явно переборщил. Я сказал ему, что мне это не понравилось.

– Ну и что он ответил?

– Он сказал, что девчонка лжет, как только та раскрыла рот. Ему захотелось выяснить, почему.

– Как он узнал, что она врет?

– Интуиция. Вот я и говорю, что здесь что-то сверхъестественное. Мы обошли всех проклятых цветочников. Никто в

то утро не приносил цветы в шесть утра. Никто из них даже не открывается раньше девяти.

– Муж мог заказать цветы где-нибудь в городе, Берт.

– Конечно, но это не очень вероятно. Он не относится к любителям погулять. Карл – моряк, и когда на берегу, почти все время сидит дома. Так что самым естественным для него было бы заказать розы в цветочном магазине поблизости от дома.

– И?

– И ничего. Я устал. Стив отправил мясной нож в лабораторию. – После небольшой паузы Берт добавил:

– Она не похожа на даму, которая в спорах с мужчинами хватается за нож. Иди сюда.

Клэр села к нему на колени. Детектив поцеловал девушку и сказал:

– У меня целый уик-энд. Стив уступил воскресенье.

– Здорово! – обрадовалась Клэр.

– Ты какая-то странная сегодня, – заметил он.

– Странная? Почему?

– Не знаю. Просто мягкая.

– Я без лифчика!

– Почему?

– Хотела чувствовать себя свободнее. Убери руки. – Она внезапно прыгнула с коленей Клинга.

– А вот ты похожа на женщину, которая может схватиться за нож. – Берт Клинг оценивающе наблюдал за девушкой,

сидя на стуле.

– Вот как? – холодно поинтересовалась она. – Когда будешь есть?

– Не знаю, позже...

– Куда мы пойдем вечером? – спросила Клэр.

– Никуда.

– О?

– Я должен выйти на работу только в понедельник утром, – пояснил Клинг.

– Тебе ничего за это не будет?

– Все в порядке. Я планировал...

– Да?

– Я думал, что мы прямо сейчас ляжем в постель и проваляемся весь уик-энд до понедельника. Как ты относишься к такому предложению?

– По-моему, это будет довольно тяжело.

– Согласен, но я за такой уик-энд!

– Нужно подумать. Я собиралась пойти в кино.

– В кино мы всегда можем пойти, – принялся уговаривать девушку Берт.

– А сейчас я проголодалась. – Клэр пристально посмотрела на него. – Пойду приготовлю отбивные.

– Лучше ляжем в постель.

– Берт, люди живут не одной постелью. Клинг внезапно встал. Они стояли в противоположных углах и смотрели друг на друга.

– Что ты планировала на вечер? – спросил детектив.

– Есть мясо.

– И все?

– Еще кино.

– А завтра?

Клэр Таунсенд пожала плечами.

– Иди сюда, – позвал Клинг.

– Нет, это ты иди, – ответила девушка.

Он подошел к Клэр. Она наклонила голову и закрыла руками грудь.

– Весь уик-энд, – мечтательно произнес полицейский.

– А ты хвастун, – прошептала Клэр.

– А ты кукла.

– Да?

– Очаровательная куколка.

– Ты поцелуешь меня?

– Может быть.

Они стояли в двух дюймах, но не дотрагивались друг до друга, а просто смотрели, словно продлевая удовольствие и давая желанию превратиться в ураган.

Наконец Берт Клинг положил руки на талию Клэр, но не поцеловал девушку.

Она медленно опустила руки.

– Ты на самом деле сняла лифчик? – спросил он.

– Эх ты, супермен уик-эндовский, – прошептала девушка. – Даже не можешь сам выяснить, что на мне.

Руки Берта скользнули под блузку и притянули Клэр.

В следующий раз человечество увидит Берта Клинга только в понедельник утром.

А на улице по-прежнему лил дождь.

Сэм Гроссман долго рассматривал пассажирскую сумку, потом очки. Гроссман был полицейским лейтенантом. Он руководил лабораторией на Хай-стрит. За годы работы в полиции Гроссман видел немало мертвых тел и их части в сумках, саквояжах, сумках, коробках и даже завернутыми в старые газеты. Самолетная сумка ему попала впервые, но он не удивился и не был шокирован. Внутри сумку покрывала засохшая кровь, но и от этого он не упал в обморок. Гроссману предстояла непростая работа, и он собирался выполнить ее. Он немного напоминал фермера из Новой Англии, который обнаружил, что одно из его угодий можно превратить в отличное пастбище, только если убрать все камни и выкорчевать пни.

Сэм Гроссман уже осмотрел отсеченную кисть. Он пришел к выводу, что с изуродованных пальцев невозможно снять отпечатки. Проведя развернутый анализ крови, определил, что кровь принадлежит к группе O.

Сейчас Гроссман проверял на отпечатки пальцев сумку, но ничего не нашел. Да он и не ожидал их обнаружить. Человек, который отрезал кисть, наверняка знал, что такое отпечатки, и наивно было надеяться, что он оставит их на сумке.

Затем Гроссман принялся искать на сумке волосы, вор-

синки ткани или пыль, которые могли бы дать хоть какой-то ключ к личности убийцы или жертвы, к роду занятий, хобби. Снаружи он не нашел ничего, заслуживающего интереса.

Разрезав сумку скальпелем, полицейский начал рассматривать дно и подкладку. В углу Гроссман заметил что-то, похожее на пыль от оранжевого мела. Отложив несколько крупинок для анализа, он принялся изучать пятна крови на дне.

Непосвященному наблюдателю показалось бы, что Гроссман занимается абсурдным занятием. Он разглядывал пятно крови, которое, несомненно, принадлежало отсеченной кисти. Что он пытался выяснить этим путем? Что кисть лежала в сумке? Но это и так все уже знали.

Сэм Гроссман просто хотел определить, является ли пятно на дне человеческой кровью, а если это не кровь, то что? Существовала также возможность, что кровавое пятно могло быть накрыто другим. Так что Гроссман не зря тратил время. Он просто очень тщательно выполнял порученную работу.

Пятно оказалось красно-коричневым. Из-за того, что материал подкладки не впитывал кровь, она засохла и напоминала потрескавшуюся корку грязи. Гроссман аккуратно вырезал кусочек пятна и разделил его на две части, которые пометил "пятно 1" и "пятно 2". Просто для порядка. Он опустил оба кусочка в 0,9-процентный физиологический раствор поваренной соли и положил на два предметных стекла. Они должны будут простоять некоторое время закрытыми.

Поэтому он накрыл их и занялся микроскопическим анализом оранжевого мела, который лежал в углу. Позже он накрыл одно предметное стекло другим, чистым, и начал изучать его под мощным микроскопом. Гроссман сразу же понял, что перед ним или кровь человека, или кровь млекопитающего.

На второе пятнышко он капнул раствором Райта и подождал минуту. Затем стал по капле добавлять дистиллированную воду, чтобы на поверхности образовалась металлическая накипь. После ее образования засек время и через три минуты промыл предметное стекло.

При помощи микрометрического окуляра Гроссман решил измерить кровяные тельца. Лейкоциты человеческой крови достигают в диаметре $1/3200$ дюйма. Диаметр кровяных телец отличается у разных млекопитающих. Например, собачьи эритроциты достигают $1/3500$ дюйма в диаметре, что ближе всего к человеческим.

Тельца, которые измерил Гроссман, имели в диаметре $1/3200$ дюйма.

Сэм Гроссман не хотел рисковать, ведь существенна ошибка даже в тысячные доли дюйма. Поэтому он проделал обычную процедуру, используя после химического, микроскопического и спектроскопического анализов реакцию на пресипитаны, которая может точно определить, является ли исследуемая кровь человеческой или нет.

Реакция с данным пятном оказалась положительной.

На сумке была кровь человека.

После проведения развернутого анализа крови Гроссман установил, что она относится к группе "О", и сделал логичный вывод, что на дне сумки засохло пятно крови из отсеченной кисти.

Что касается пыли от оранжевого мела, то она оказалась вовсе не меловой пылью. Это были крупинки "Скинглоу", жидкой пудры.

Едва ли женской жидкой пудрой станет пользоваться мужчина.

И все же, несмотря на это, кисть в сумке принадлежала мужчине.

Самюэль Гроссман вздохнул и позвонил в 87-й участок.

Глава 7

Суббота.

Дождь.

Как-то раз в детстве он забрался с друзьями под тележку продавца льда. Лил страшный ливень. Трое ребят сидели под деревянной тележкой в безопасности и смотрели, как дождь, словно пиками, колотит по мостовой. Стив Карелла тогда заработал пневмонию. Вскоре после этого ливня семья Кареллов переехала из Изола в Риверхед. Стиву всегда казалось, что переезд был устроен именно тем, что он подхватил пневмонию, сидя под тележкой продавца льда на Колби-авеню.

В Риверхерде тоже шли дожди. Однажды он целовался с девушкой по имени Грейс Маккарти в подвале ее дома. На проигрывателе крутились "Перфидиа", "Санта-Фетрейл" и "Зеленые глаза". Дождь барабанил в маленькое в форме полумесяца окно подвала. Им обоим было по пятнадцать лет. Сначала они танцевали. Внезапно Стив поцеловал Грейс. Затем они устроились на софе и слушали Гленна Миллера и целовались, как сумасшедшие, ожидая, что в любой момент в подвал спустится мать Грейс.

"Дождь не так уж плох", – подумал он.

Они с Мейером шлепали по лужам ко второму кандидату, которого Берт Клинг откопал в бюро розыска пропавших лиц. Карелла прикрыл руками огонек, закурил и бросил

спичку в поток, несущийся вдоль тротуара.

– Помнишь ролик из сигаретного рекламного сериала, где главный герой проявляет фотографии в темной комнате? Видел его? – спросил Мейер.

– Да. И что?

– У меня есть отличный сюжет для этого сериала.

– Ну что же, выкладывай, – без особого энтузиазма сказал Карелла.

– Этот парень взламывает сейф. Он сверлит дырку в передней стенке сейфа. На полу рядом лежат инструменты и пара шашек динамита.

– Дальше.

– Голос диктора: "Хеллоу, сэр". Взломщик отрывается от сейфа и закуривает. Голос диктора: "Только после многолетней тренировки можно стать опытным медвежатником". Парень вежливо улыбается. "Я не медвежатник, – возражает он. – Взламывание сейфов мое хобби. Я считаю, что человек должен иметь многосторонние увлечения". Диктор очень удивлен. "Не медвежатник? Хобби? Могу я спросить у вас, сэр, чем же вы зарабатываете на хлеб?"

– И что отвечает взломщик? – поинтересовался Стив Карелла.

– Он выпускает облако дыма и опять вежливо улыбается. "Конечно, можете, – отвечает он. – Я сводник". – Мейер ухмыльнулся. – Ну как, понравилось?

– Очень. Кажется, пришли. Только не шути так же с леди,

а то она не пустит нас.

– Подумаешь! Я в любой момент могу бросить эту вшивую профессию и устроиться на работу в рекламное агентство.

– Не делай этого, Мейер. Мы без тебя пропадем.

Они вошли в дом. Женщину, которую они искали, звали Мартой Ливингстон. Она заявила об исчезновении сына Ричарда всего лишь неделю назад. Парню было девятнадцать лет. Рост – шесть футов два дюйма, вес – сто девяносто четыре фунта. Только эти факты и позволили отнести его к возможным владельцам отсеченной кисти.

– Какая квартира? – спросил Мейер.

– 24-я, второй этаж.

Детективы поднялись на второй этаж. В коридоре мяукала кошка. Карелла и Мейер подозрительно покосились на нее.

– Она учуяла, что мы копы, – предположил Стив Карелла.

Он постучал в дверь, а Мейер нагнулся погладить кошку.

– Киска, – нежно приговаривал он. – Кисочка. – Кто это? – закричал испуганный женский голос.

– Миссис Ливингстон? – спросил Карелла.

– Да. Кто это?

– Полиция, – объяснил Карелла. – Откройте, пожалуйста.

– По... – И наступила тишина, знакомая тишина неприятного удивления и поспешной пантомимы. Что бы ни происходило за дверью, было ясно, что миссис Ливингстон не одна.

Молчание продолжалось. Рука Мейера оставила кошку и потянулась к кобуре, висящей на правой стороне пояса. Он вопросительно посмотрел на Кареллу, который уже держал в руке револьвер 38-го калибра.

– Миссис Ливингстон? – позвал Стив Карелла. В квартире царила тишина.

– Миссис Ливингстон! – еще раз крикнул он.

Мейер Мейер, приготовившись, прижался к противоположной стене. – О'кей, ломай дверь, – сказал Карелла. Мейер поднял правую ногу, левым плечом оттолкнулся от стены и сильно ударил ногой по замку. Дверь распахнулась, и он ворвался в квартиру с револьвером в руке.

– Ни с места! – крикнул Мейер Мейер худощавому мужчине маленького роста, который, перекинув одну ногу за окно, собирался выскочить на пожарную лестницу. – Промокнете, мистер.

Мужчина замешкался. Потом, так и не решившись, опустил ногу и вернулся в комнату. Мейер взглянул на его ноги. Он был без носков и застенчиво смотрел на женщину, которая стояла около кровати. Кроме комбинации, одетой на голое тело, на этой крупной краснощекой женщине лет сорока пяти с крашенными хной волосами и тусклыми глазами алкоголички ничего не было.

– Миссис Ливингстон? – спросил Карелла.

– Да, – ответила женщина. – Какого черта вы врываетесь в мою квартиру?

– Куда это ваш друг так спешит? – поинтересовался Стив Карелла.

– Я вовсе не спешу, – возразил худой мужчина.

– Не спешите? Вы всегда уходите через окно?

– Я хотел посмотреть, не кончился ли дождь.

– Дождь не кончился. Подойдите.

– Что я сделал? – спросил тот, но все же быстро подошел к детективам.

Мейер методично обыскал его. Руки детектива на мгновение задержались на поясе, откуда он достал револьвер и протянул его Карелле. – Есть разрешение? – спросил Стив Карелла.

– Да.

– Вам лучше иметь разрешение на ношение огнестрельного оружия. Как вас зовут, мистер?

– Кронин. Леонард Кронин.

– Почему вы так торопились выбраться отсюда, мистер Кронин?

– Ты не обязан отвечать, Ленни, – вмешалась миссис Ливингстон.

– Вы адвокат, миссис Ливингстон? – спросил Мейер.

– Нет, но...

– Тогда перестаньте давать советы. Мы вам задали вопрос, мистер Кронин.

– Ничего не говори им, Ленни.

– Послушайте, Ленни, – терпеливо обратился к Кронину

Мейер. – Мы никуда не спешим. Если хотите, можете поехать в участок. В любом случае – там или здесь – вам придется отвечать. Кстати, наденьте носки. А вы, миссис Ливингстон, набросьте халат или еще что-нибудь, пока мы не подумали, что вы здесь немного резвились. О'кей?

– Зачем мне халат? – возмутилась миссис Ливингстон. – Надеюсь, вы видели раньше женское тело?

– Видел, но все равно наденьте халат. Мы не хотим, чтобы вы простудились.

– Не беспокойся о моем здоровье, сукин ты сын! – взвизгнула миссис Ливингстон.

– Прекрасный разговор, – покачал головой Мейер.

Кронин присел на край кровати и начал натягивать носки. На нем были черные брюки. На деревянном стуле в углу комнаты висел черный плащ. Рядом с ночным столиком на полу расплзлась лужа от черного зонтика.

– Вы забыли плащ и зонтик, Ленни, – заметил Карелла.

– Действительно, забыл. – Леонард Кронин оторвался от своего занятия.

– Вам обоим придется пойти с нами, – сказал Стив Карелла. – Одевайтесь, миссис Ливингстон.

Марта Ливингстон накрыла левую грудь, направила ее на Кареллу, как пистолет, слегка сдавила и закричала:

– Катись ко всем чертям, фараон проклятый!

– О'кей, если хотите, пойдем так. К обвинению в проституции мы можем добавить обвинение в появлении в обще-

ственном месте в непристойном виде.

– Проститу... – задохнулась Марта Ливингстон. – О чем вы говорите, черт бы вас побрал? Я такого наглеца еще не видела! – Знаю, – согласился Карелла. – Пошли.

– Как бы там ни было, почему вы вломились в мою квартиру?

– продолжала настаивать на своем миссис Ливингстон. – Что вам здесь нужно?

– Мы пришли задать вам несколько вопросов о вашем пропавшем сыне, – ответил Карелла.

– О моем сыне? И только? Надеюсь, этот поганец мертв. Вы что, только поэтому и сломали замок?

– Если вы желаете ему смерти, почему заявили о его исчезновении?

– Для того, чтобы получать чеки из фонда помощи по потере кормильца. Ричард был моим единственным источником существования. Как только сынуля исчез, я сразу обратилась за помощью, а они требуют, чтобы все было оформлено официально. Мне наплевать, жив он или нет!

– А вы прекрасная леди, – саркастически произнес Мейер.

– Да, я прекрасная леди. Что, противозаконно встречаться с человеком, которого любишь?

– Нет, если муж не возражает.

– Моего мужа нет в живых, – завизжала миссис Ливингстон. – Он сейчас жарится в аду.

– Вы оба ведете себя так, словно здесь происходит что-

то более серьезное, – сказал Карелла. – Одевайтесь. Мейер, осмотри квартиру.

– У вас есть ордер на обыск? – спросил мистер Кронин. – Вы не имеете права обыскивать квартиру без ордера на обыск.

– Вы абсолютно правы, Ленни, – согласился Стив Карелла.

– Мы скоро вернемся с ордером.

– Я знаю свои права, – обрадовался Леонард Кронин.

– Не сомневаюсь.

– Да, я знаю свои права.

– Что скажете, леди? Одетой или голой, но вам придется отправиться с нами в участок. Ну, так как, одевайтесь или пойдете так?

– Катитесь к черту! – ответила леди Ливингстон.

Все свободные в тот час полицейские участка под различными предложениями побывали в комнате для допросов и посмотрели на рыжую женщину в одной комбинации. Паркер сказал:

– Мы сфотографируем ее, а потом будем продавать фотографии по пять баков за штуку.

– Да, у нас отличный участок, – согласился Мисколо из канцелярского отдела и принялся что-то печатать.

Паркер и Хоуз пошли за ордером на обыск. Наверху Мейсон, Карелла и лейтенант Берне допрашивали двух подозреваемых. Берне допрашивал Марту Ливингстон, потому что

он был старше и поэтому менее восприимчив к женским чарам. Миссис Ливингстон завели в комнату для допросов. Мейер Мейер и Стив Карелла беседовали с Леонардом Крониным в комнате сыскного отдела, далеко от полуголой возлюбленной Ленни.

– Ну что, Ленни, – начал Мейер. – У вас действительно есть разрешение на пушку? Не стесняйтесь. Можете нам отвечать.

– Да, у меня есть разрешение, – заявил Леонард Кронин. – Разве я стал бы шутить с вами, ребята?

– Не думаю, что вы стали бы шутить с нами, Ленни, – мягко согласился Мейер. – Мы тоже не намерены шутить с вами. Я не стану много распространяться о деле, но оно настолько серьезно, что можете поверить мне на слово.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ну можно сказать, что оно может оказаться намного серьезнее, чем вам кажется. Давайте пока остановимся на этом.

– Вы хотите сказать, что в наших невинных забавах с Мартой есть что-то серьезное? Вы это имеете в виду?

– Нет, дело намного серьезнее. Возможно, здесь очень большое преступление, и вы можете оказаться в самом центре. О'кей? Так что лучше ничего не скрывайте. Кто знает, может, для вас обойдется...

– Не знаю, о каком преступлении вы говорите, – произнес Леонард Кронин.

– Все же немного подумайте, – предложил Стив Карелла.

– Наверное, вы намекаете на пушку. О'кей, у меня нет разрешения. Это, да?

– Разрешение на ношение огнестрельного оружия не так уж и серьезно, Ленни, – успокоил его Карелла. – Нет, мы намекали вовсе не на револьвер.

– Тогда что? Неужели вы намекаете на то, что муж Марты не откинулся, а вы застали нас за адюльтером?

– И не это, – сказал Стив Карелла.

– Ну что же тогда? Травка?

– Травка, Ленни? – настала очередь удивляться Карелле.

– Ну да, в квартире.

– Героин, Ленни?

– Нет, нет, всего лишь марихуана, несколько порций. Побаловаться. Ведь это же ерунда?

– Да, Ленни. Все зависит от того, сколько там марихуаны?

– О, всего несколько порций.

– Тогда вам не о чем беспокоиться. Надеюсь, вы не собирались продавать их, Ленни?

– Нет, нет, что вы. Мы с Мартой просто хотели немного повеселиться. Перед тем, как забраться в койку, мы выкурили несколько косяков.

– Это ерунда.

– Что же тогда серьезно? – изумленно переспросил Кронин.

– Парень.

– Какой парень? – не понял мистер Кронин.

– Сын Марты, Ричард. Так его, кажется, зовут?

– Откуда мне знать, как его зовут? Я с ним ни разу не встречался.

– Вы с ним не встречались? – удивился Карелла. – Когда же вы познакомились с Мартой?

– Вчера вечером в баре, в забегаловке под названием "Шорт Снортер". Знаете? Ею заведуют два парня, которые побывали в Китае, Бирме, Индии.

– Вы встретились с миссис Ливингстон только вчера вечером?

– Да.

– Но она же сказала, что любит вас, – изумился Стив Карелла.

– Ну и что? У нас любовь с первого взгляда.

– И вы не встречались с ее сыном?

– Никогда.

– Летаете, Ленни?

– Летаю? Вы опять о марихуане?

– Нет, я о самолетах, – объяснил Стив Карелла.

– Никогда. Боюсь разбиться.

– Давно носите черное, Ленни?

– Черное? О чем вы? – не понял Леонард Кронин.

– О вашей одежде. Брюки, галстук, плащ, зонтик. Черные.

– Я купил их для похорон, – ответил Кронин.

– Чьих?

– Моего друга. Мы занимались крэпом.

– Ленни, вы занимались еще и крэпом? Однако довольно энергичный коротышка!

– Ничего нелегального. Мы никогда не играли на деньги.

– Ваш друг умер недавно?

– Да, всего несколько дней назад. Я купил все черное для похорон из уважения. Если хотите, можете проверить. Могу рассказать, где я их купил.

– Мы оценим это, Ленни, по достоинству. В среду они у вас уже были? – Среда? Дайте-ка подумать. Сегодня у нас что?

– Суббота.

– Точно, суббота. Нет, я купил эту одежду в четверг. Можете проверить. В магазине наверняка имеются записи.

– А у вас, Ленни?

– Что у меня?

– У вас в полиции тоже есть записи?

– Ну, маленькие.

– Какие маленькие?

– Я когда-то совершил небольшое ограбление. Ничего серьезного, – заверил Кронин.

– Вы можете еще раз сесть, – намекнул Стив Карелла. – Но ничего серьезного.

В комнате допросов лейтенант Берне беседовал с миссис Ливингстон.

– А вы довольно откровенная женщина, миссис Ливинг-

стон, – заметил Берне.

– Мне не нравится, когда меня вытаскивают из моей же постели.

– Вас не смутило, что вы вышли на улицу в одной комбинации?

– Нет, я слежу за своим телом. У меня хорошая фигура, – парировала Марта Ливингстон.

– Что вы хотели скрыть с мистером Кронином, миссис Ливингстон? – спросил лейтенант Берне.

– Ничего. Мы любим друг друга. Я готова об этом кричать где угодно.

– Почему он хотел уйти?

– Он не хотел уйти. Он уже рассказывал вашим полицейским. Он просто хотел посмотреть, не кончился ли дождь, – объяснила миссис Ливингстон.

– И для этого он попытался вылезти на пожарную лестницу?

– Да.

– Вы понимаете, миссис Ливингстон, что вашего сына сейчас, может, нет в живых?

– Плевать я хотела на него. Слишком много чести этой дряни. Для тех типов, с которыми он водился, по крайней мере, было бы лучше, если бы он был мертв. Я вырастила не сына, а никчемного оболтуса.

– А с кем же он водился? – спросил Берне.

– Ричард попал в уличную банду, как часто случается в

этом паршивом городишке. Стараешься вырастить хорошего сына, и что? Пожалуйста, не заводите меня.

– Раньше вас сын предупреждал, когда уходил из дома?

– Нет. Я уже все рассказывала детективу, когда делала на него, пока платят из фонда помощи. Вот так-то!

– Вы сказали полицейским, что ваш муж мертв. Это правда?

– Его нет.

– Когда он умер?

– Три года назад.

– Он умер или ушел?

– Разве это не одно и то же?

– Не совсем.

– Он ушел из дома.

В комнате неожиданно воцарилась тишина.

– Три года назад?

– Да, три года назад, когда Дики как раз исполнилось шестнадцать. Он собрался и ушел. Не думайте, что легко вырастить сына одной. А теперь и этот ушел. Мужики – дрянь, все подлецы! Они все хотят одного и того же. От вас всех, мужчин, воняет, от каждого.

– Как по-вашему, ваш сын мог убежать со своими друзьями?

– Я не знаю, что сделал этот маленький негодяй. Мне наплевать на него. После того, как его папаша смылся, я его вырастила сама. А он со мной поступил так же, как его отец, –

убежал, бросил работу и смылся. Он такой же, как все вы. От него тоже несло. Нельзя доверять ни одному живому мужчине. Где бы он ни был, надеюсь, он сдох. Как было бы хорошо, если бы этот маленький поддон сдох...

Неожиданно Марта Ливингстон заплакала.

Женщина сорока пяти лет со смешными огненно-рыжими волосами, высокой грудью, в одной комбинации тихо сидела на стуле с жесткой спинкой. По ее лицу неслышно текли слезы. Марта закусила нижнюю губу.

– От меня все убегают. – Она напряженно замерла, борясь со слезами, которые стекали по щекам и шее и пачкали шелковую комбинацию.

– Я принесу вам что-нибудь из одежды, миссис Ливингстон,

– предложил Бернс.

– Ничего не нужно. Мне плевать, что меня увидят. Мне нечего скрывать. Пусть все смотрят. Пальто ничего не спрячет,

– заявила Марта Ливингстон.

Лейтенант Берне тихо вышел из комнаты, а Марта Ливингстон осталась плакать на стуле с жесткой спинкой.

В квартире Марты Ливингстон обнаружили ровно 34 унции марихуаны. Очевидно, что Леонард Кронин не принадлежал к числу хороших математиков. Также очевидно, что он очутился чуть в более затруднительном положении, чем думал. Если бы на квартире находились одна-две унции

травки, как он утверждал, его бы просто могли обвинить в хранении наркотиков, что грозило сроком от двух до десяти лет тюрьмы. Но 34 унции далеко не 2 унции. Считается, что обладание 16 и более унциями наркотиков (исключая морфий, героин и кокаин) подразумевает намерение торговать ими. А срок за это – 10 лет и уже без всяких поблажек.

У Леонарда были еще кое-какие основания для беспокойства. По его же словам, они с Мартой Ливингстон выкурили перед постелью несколько косяков, а в параграфе 2010 "Уголовного кодекса" черным по белому написано: "Совершение полового акта не со своей женой, если она находилась под действием наркотиков, карается лишением свободы на срок до двадцати лет".

Если к этому добавить обвинение в незаконном ношении огнестрельного оружия и крэп и даже забыть элементарный адюльтер, который карается лишением свободы на срок до шести месяцев или максимальный штраф в двести пятьдесят баков, то можно понять, что Леонард Кронин станет еще более занятым, чем раньше.

Что касается Марты Ливингстон, то лучше бы она отправилась исследовать дебри Африки. Даже если согласиться с миссис Ливингстон, что все мужчины – подонки, на этот раз она, конечно, влипла. Кому бы они ни принадлежали, в ее берлоге нашли наркотики. Леди, полюбившая с первого взгляда такого энергичного парня, едва ли может надеяться остаться в стороне.

Что бы, однако, ни грозило незадачливым любовникам, обвинение в убийстве с отягчающими обстоятельствами к этим обвинениям не относилось. Проверка в магазине одежды, который назвал Леонард Кронин, показала, что он действительно купил свой похоронный наряд в четверг. После дальнейшей проверки его гардероба выяснилось, что мистер Кронин больше не имеет ничего черного. Никакой черной одежды не нашли и у миссис Ливингстон.

Глава 8

В воскресенье утром, перед тем как идти на работу, Коттон Хоуз отправился под дождем в церковь.

Когда он вышел из церкви, дождь не прекратился. Хоуз чувствовал себя так же, как и перед посещением храма. Он не знал, почему надеялся на чудо. Он никогда не испытывал того религиозного рвения, которым обладал его отец. Тем не менее каждое воскресенье при любой погоде Коттон Хоуз отправлялся в храм Божий. Каждое воскресенье он выслушивал проповедь, распевал псалмы и чего-то ждал. Коттон даже не знал, чего он ждет. Наверное, он надеялся, что разверзнутся небеса и появится лик Божий. "Скорее всего, – думал он, – я хочу увидеть проблеск чего-то фантастического, отличающегося от того, что окружает меня каждый день".

О полиции можно сказать очень много – и плохого, и хорошего. Несомненно, однако, что благодаря своей работе полицейские живут полнокровной реальной жизнью, такой же реальной, как хлеб, который мы едим. Копам приходится иметь дело с голыми человеческими инстинктами, очищенными от позолоты и мишуры балаганной цивилизации двадцатого века.

Идя на работу под дождем в это воскресное утро, Коттон Хоуз думал, как странно, что люди тратят большую часть времени, разделяя фантазии других. В распоряжении каж-

дого живущего на земле маньяка имеются тысячи способов побега от реальности – книги, журналы, кино, театры, короче, все то, что заменяет реальность нашего повседневного мира на фантазии мира нереального.

"Наверное, фараон не должен так думать, – мелькнула у него мысль, – потому что он сам является действующим лицом детективных историй, одним из тех способов побега от реальности". Загвоздка заключается в том (возразил сам себе Хоуз), что героем детективов служат фантастические полицейские, а он реальный коп, самый обычный человек. "Как глупо, – думал Коттон Хоуз, – что самые уважаемые в этом реальном мире люди – художники, режиссеры, писатели, актеры, все те, чьей единственной целью является развлечение остального человечества. Создается впечатление, что действительно живет только крошечная часть людей. Но и эти люди живут по-настоящему только до тех пор, пока играют отведенные им роли в мире фантазии. Остальное же человечество наблюдает за игрой. Остальное человечество – простые зрители. Было бы не так печально, если бы эти зрители наблюдали за реальной жизнью, а не за ее инсценировкой, отдаляясь таким образом от реальной жизни еще дальше".

"Даже самые обычные разговоры, – думал детектив Хоуз, – имеют больше общего с миром вымышленным, чем с миром реальным. "Видели вчера вечером Джека Паара?", "Читали "Доктора Живаго"?", "Драгнет" понравился?", "Как вам рецензия на "Сладкоголосую птицу юности"?" Говорят,

говорят, говорят, но почти все разговоры имеют основой вымышленный, нереальный мир.

Телевидение пошло еще дальше. Все больше людей на телеэкранах занимаются разговорами обо всем. Таким способом с плеч телезрителей сняли бремя говорить о выдуманном мире. Сейчас за них это делают другие люди".

А где-то вдали, в центре этого трижды удаленного от повседневного мира существования, находится реальность. Для него, Коттона Хоуза, этой реальностью является отсеченная кисть.

Интересно, черт возьми, что бы он сделал с этой кистью в "Пустом городе"?

Он не знал этого. Он только знал, что каждое воскресенье он ходит в церковь в ожидании какого-то чуда.

В это воскресенье Коттон Хоуз вышел из церкви с тем же чувством, с каким вошел в нее. Он шел по мокрому блестящему тротуару вдоль ограды парка, расположенного рядом с участком. Синие шары над дверью повернули, чтобы защитить от дождя. В сером свете слабо мерцали цифры "87". Хоуз посмотрел на мокрый каменный фасад здания, взобрался по невысоким ступенькам и вошел. В комнате дежурного за столом сидел Дейв Мерчисон и читал киножурнал.

Коттон Хоуз поднялся по металлическим ступенькам на второй этаж, следуя стрелке с надписью "Сыскной отдел", прошел по длинному темному коридору и вошел в комнату детективов. Швырнул шляпу на вешалку, стоящую в углу, и

направился к своему столу. Стояла необычная тишина. Коттон Хоуз почувствовал себя почти как в церкви. Фрэнк Эрнандес, пуэрториканец, который родился и вырос на территории 87-го участка, посмотрел на Хоуза и поздоровался:

– Привет, Коттон.

– Хэллоу, Фрэнки. Стив пришел?

– Он звонил минут десять назад и просил тебе передать, что сразу поедет в порт к капитану "Фаррена".

– О'кей. Что-нибудь еще?

– Получили заключение Гроссмана о ноже для мяса.

– Какой еще нож?.. Ах да, жена Андровича. Ну и как? – поинтересовался Хоуз.

– Отрицательно. Ничего, кроме вчерашнего ростбифа.

– А где все? – удивился Хоуз.

– Вчера ночью ограбили гастроном на Калвере. Энди и Мейер там. Лейтенант звонил и сказал, что задержится. У его жены температура, и он ждет доктора, – объяснил Фрэнк Эрнандес.

– Разве у Клинга сегодня выходной?

– Он поменялся с Кареллой, – покачал головой Фрэнки.

– Кто сегодня на телефоне? – спросил Коттон Хоуз.

– Я.

– Да, Фрэнки, что-то сегодня здесь необычно тихо, – повторил Хоуз. – Мисколо у себя? Я бы выпил чаю.

– Только что был здесь. Кажется, он болтает с капитаном.

– В такие дни... – начал Коттон Хоуз, но не закончил фра-

зу. После небольшой паузы он добавил:

– Фрэнки, у тебя никогда не возникало ощущение, что жизнь нереальна?

Наверное, он задал вопрос не тому человеку. Для Фрэнки Эрнандеса жизнь была очень реальна. Понимаете, Эрнандес взвалил на себя почти "невыполнимую" задачу – доказать всему миру, что пуэрториканцы могут быть тоже неплохими парнями в этой маленькой драме, которая называется жизнью. Он не знал, что несет ответственность за тот образ пуэрториканцев, который сложился в Америке. Он только знал, что этот образ искажен. Лично у Фрэнка Эрнандеса никогда даже не возникало желания кого-нибудь избить, пырнуть ножом или даже затянуться сигаретой с марихуаной. Он вырос на территории 87-го участка, в районе, может быть, самых ужасных в мире трущоб. Но Фрэнки ни разу в жизни ничего не украл – даже почтовой марки. Он ни разу не бросил даже искоса взгляд на проституток, разгуливающих на Ля Виа де Путас. Он был настоящим католиком, чей отец в поте лица своего добывал хлеб насущный. А единственной заботой матери являлось желание дать своим четырем детям приличное воспитание. Когда Эрнандес решил стать копом, мать и отец искренне одобрили его выбор. Он начал с патрульного в 22 года, прослужив четыре года в морской пехоте и отличившись в аду на Иво-Джиме. В кондитерском магазинчике Эрнандеса-старшего, на зеркале за стойкой рядом с эмблемой "кока-колы", висела фотография Фрэнки в пол-

ном боевом снаряжении. Отец Фрэнки рассказывал каждому покупателю, что это фотография его сына, который сейчас работает детективом в полиции.

Нелегко было Эрнандесу стать детективом. Во-первых, он обнаружил немало расовых предрассудков в самой полиции, несмотря на законы братства, царившие среди полицейских. К этому добавилось довольно необычное отношение со стороны части жителей района. Они считали Фрэнка своим и надеялись, что он будет вести себя не как страж закона, когда у них с этим законом возникнут неприятности. К своему несчастью, Фрэнки Эрнандес не мог вести себя по-другому. Ведь он поклялся. Сейчас он носил форму, и у него была работа, которую он должен делать.

И еще для Фрэнки Эрнандеса существовало Дело.

Фрэнки должен был доказать соседям, полиции, городу и, может быть, всему свету, что пуэрториканцы тоже люди. Коллеги, вроде Энди Паркера, иногда усложнили Дело. Он и до Энди встречал таких людей. Эрнандес даже думал, что если он станет шефом детективов всего города или полицейским комиссаром, то и тогда его будут окружать Энди Паркеры, всегда готовые напомнить, что он пуэрториканец.

Так что для Фрэнка Эрнандеса жизнь всегда была реальной, порой даже чересчур реальной.

– Нет, у меня никогда не возникало такого чувства, – ответил Фрэнки Эрнандес.

– Наверное, это все из-за дождя, – зевнул Коттон Хоуз.

Корабль "Фаррен" назвали в честь знаменитого и почтенного джентльмена из Уайт Плейнс, которого звали Джеком Фарреном. Однако, в отличие от Джека Фаррена, доброго, дружелюбного и симпатичного человека, который всегда имел при себе чистый носовой платок, его тезка-корабль представлял из себя ржавую, старую, некрасивую и грязную посудину.

Капитан был под стать своему кораблю.

Этот здоровяк с трехдневной щетиной во время всего разговора ковырял в зубах замусоленной щепкой от спичечного коробка, постоянно втягивая с шумом воздух через зубы, чтобы облегчить себе задачу. Капитан и Стив Карелла сидели в капитанской каюте, напоминающей гроб, в которой воняло потом и ржавчиной. Капитан постоянно цыкал зубом и тыкал в рот щепкой. В единственный иллюминатор стучал дождь. В каюте стоял не очень приятный запах жилья, плохой еды и отходов человеческого тела.

– Что вы можете сказать о Карле Андровиче? – спросил Карелла.

– А что вы хотите знать? – ответил моряк вопросом на вопрос. Его звали Кисовский. Разговаривал капитан Кисовский, как медведь, а двигался с грацией танка.

– Он долго плавал с вами?

– Два-три года, – пожал плечами Кисовский. – У него неприятности? Что он натворил?

– Нам ничего не известно. Он хороший матрос?

– Такой же, как и большинство других. Сейчас матросы не те, что раньше. Вот в пору моей юности были матросы. – И он с шумом втянул в себя воздух.

– Корабли тогда были из дерева, а люди – из железа, – сказал Карелла.

– Что? Ах, да, – Кисовский попытался улыбнуться, но вышла какая-то гримаса. – Я не настолько стар, дружище. Во времена моего детства были настоящие матросы, а не эти битники, которые только и делают, что занимаются своим.., этим, как его?.. дзенем. Да, раньше были настоящие мужчины.

– Значит, Андрович не был хорошим моряком?

– Он был таким же, как все, до тех пор, пока не покинул корабль, – ответил капитан Кисовский. – В ту самую минуту, когда он не явился на "Фаррен", он стал плохим моряком. Я здорово поработал в то плавание – не хватало одного матроса. Пришлось погонять команду. Корабль похож на маленький город, дружище. В городе есть парни, которые метут улицы и водят поезда и трамваи, включают ночные фонари и работают в ресторанах, то есть делают то, что и является городом. Понимаете? О'кей. Допустим, исчез парень, который зажигает фонари. Вы ничего не видите ночью, так ведь? Ушел человек из ресторана, и никто не может поесть. Все будет или так, или вы должны найти им какую-то замену. А это значит, что нужно отрывать человека от другой работы. Так что, как ни крутись, все равно будет плохо. То же самое слу-

чилось и с Андровичем, хотя он был и дрянным матросом.

– Как это?

– Где бы мы ни останавливались, Андрович возвращался на корабль в стельку пьяный. И везде у него были дамы! Удивительно, как это он ничего не подхватил. Ведь он бегал за бабами, как кобель. Кроме удовольствий ему в этой жизни ничего не требовалось.

– В каждом порту по девочке? – уточнил Стив Карелла.

– Ага, и пил, как свинья. Я ему говорил: "Тебя же ждет дома молодая жена, а ты, наверное, хочешь привезти ей в подарок какую-нибудь заразу. Ты этого хочешь?" – спрашивал я его. А он в ответ только смеялся. Ха-ха, большой шутник. Вся жизнь большая шутка. Он смылся с корабля. Разве это моряк? – возмущенно спросил капитан.

– Здесь у него тоже была девочка, капитан Кисовский?

– Бросьте этого "капитана", – попросил Кисовский. – Называйте меня Арти, о'кей? А я буду звать вас Джорджем или как вас там зовут?

– Я – Стив.

– О'кей, Стив. Хорошее имя. У меня брата зовут Стивом. Силен, как бык. Может поднять грузовик.

– Арти, в нашем городе у него тоже была девочка?

Кисовский цыкнул зубом, сунул щепку подальше в рот и задумался. Затем он сплюнул на пол, пожал плечами и ответил:

– Не знаю.

– А кто знает?

– Может, кто-то из команды, но сомневаюсь. Мне известно все, что происходит на этой лохани. Вот что я вам скажу. Он вообще не проводил все ночи с малышкой Лулу Белл или как там ее, черт возьми?

– С Мэг? Вы имеете в виду его жену?

– Ага, с Мэг. Он вытатуировал ее имя на руке. Андрович подцепил эту девчонку в Атланте. Провалиться мне на этом месте, если я знаю, как ей удалось окольцевать его! – пожал плечами капитан Кисовский. – Как бы там ни было, она женила его на себе, но это не значит, что она заставила его сидеть дома и вышивать салфетки. Как бы не так, сэр! Для этого парня жизнь существовала только за стенами дома. Никаких салфеток! Знаете, что он делал?

– Что?

– Когда мы приплывали сюда, он две недели слонялся по городу и развлекался, прежде чем шел домой. Там он говорил, что корабль только пришвартовался. Случалось, что мы отплывали через каких-то два дня после этого. Дружище, этот паршивец наставлял девчонке рога. Похоже, она неплохая девчонка, и мне ее даже немного жаль. – Капитан опять пожал плечами и сплюнул на пол.

– Где он слонялся, когда не был дома? – поинтересовался Карелла.

– Везде, где имеются бабы, – ответил Кисовский.

– Бабы в этом городе имеются везде.

– Значит, он и гулял везде, – сделал вывод капитан. – Готов поспорить на пять долларов, что он и сейчас с девкой. Как только кончились деньги, сразу, небось, бросился к какой-нибудь Скарлетт О'Харе.

– Когда он исчез, у него было только тридцать долларов, – заметил Стив Карелла.

– Тридцать долларов, черт бы меня побрал! Кто вам такое сказал? Когда мы плыли из Пенсаколы, здесь состоялся большой крэп. Андрович оказался в числе выигравших. Он сорвал что-то около семисот баков, а это не шутка, Стиви. Прибавь январское жалованье. Его выдают только по приходе в порт. Тогда мы здесь простояли всего два дня. Пришвартовались двенадцатого, а отплыть должны были четырнадцатого, в Валентинов день. Так что парень не мог потратить больше штуки за два дня, – Кисовский задумался. – По моему, по дороге в порт он подцепил какую-нибудь шлюху и развлекается с ней целый месяц. Когда монеты иссякнут, ваш Андрович примчится домой.

– Думаете, он решил отдохнуть от семейной жизни? – спросил детектив.

– Когда мы стояли в Нагасаки, этот парень..., ладно, это другая история. – После небольшой паузы капитан Кисовский поинтересовался:

– Вы не очень беспокоитесь о нем, так ведь?

– Ну, как вам сказать...

– И правильно делаете. Проверьте бордели и стриптиз-

ные клубы, Скид Роу, и вы найдете голубчика. Единственная загвоздка, по-моему, в том, что он не хочет, чтобы его нашли. Что вы намерены делать, когда застукаете его? Заставите вернуться к Мелиссе Ли или как там ее, черт возьми?

– Нет, мы не можем его заставить, – ответил Карелла.

– Тогда чего же вы хлопчете? – Кисовский опять втянул воздух через зубы и плюнул на пол. – Не беспокойтесь, он объявится.

Между двумя жилыми домами стояли мусорные баки, на крышах которых скопились лужицы воды. Старуха в домашних шлепанцах шла к ним аккуратно, стараясь не попасть в воду. Она приблизилась к ближайшему баку, прижимая к груди сумку с мусором, словно обиженный ребенок.

Подняв крышку и стряхнув с нее воду, женщина уже было собралась бросить сумку, когда увидела, что находится в ящике. Старуха была ирландкой. Она крепко выругалась, закрыла крышку и подошла ко второму ящику. К этому времени пожилая ирландка уже полностью промокла и проклинала себя за то, что не захватила зонт, и крышку мусорного бака за то, что та не поддавалась. Наконец она подняла ее, обрызгавшись скопившейся на крышке водой, собралась швырнуть сумку и броситься к дому.

В этот момент старуха увидела газету.

На мгновение она замешкалась.

Из газетного свертка что-то выглядывало. Любопытная ирландка нагнулась над свертком, и тут же раздался ее крик.

Глава 9

Все случилось в понедельник.

Сначала Пол Блейни внимательно осмотрел восхитительный маленький сверток, который полицейские выудили из мусорного ящика, привлеченные неистовыми воплями старухи.

В окровавленной газете лежала человеческая кисть.

После тщательного изучения Блейни позвонил в 87-й участок и сказал, что кисть принадлежала белому мужчине в возрасте от 18 до 24 лет и что едва ли он сильно ошибется, если предположит, что первую, точно такую же кисть он осматривал неделю назад.

Пол Блейни разговаривал с Бертом Клингом, у которого едва хватило сил взять карандаш и записать полученную информацию.

Это первое происшествие случилось в 9.30 утра в понедельник.

Второе событие произошло в 11 часов. На берегу Ривер Харб нашли человеческое тело без головы и рук, которое сразу же отправили в морг.

На теле сохранилась одежда. В правом брючном кармане лежало промокшее водительское удостоверение на имя Джорджа Раиса. Звонок по номеру, указанному в удостоверении, подтвердил мнение Пола Блейни о том, что тело на-

ходилось в воде две недели. Очевидно, мистер Раис не вернулся вечером домой с работы недели две назад. Если жена заявила о пропаже мужа, значит, его розыскная карточка должна находиться в бюро розыска пропавших лиц. Миссис Раис попросили, как можно быстрее, приехать для опознания останков. А между тем Блейни продолжил осмотр.

Голова и обе руки отсутствовали. Раису было двадцать шесть лет. Так что он вполне мог претендовать на пост владельца найденных кистей. Однако после тщательного осмотра Пол Блейни решил, что тело мистера Раиса, очевидно, лишилось головы и рук, повстречавшись с гребным винтом корабля или большой лодки. Кроме того, кровь на дне пассажирской сумки принадлежала к группе О, а кровь мистера Раиса – к группе АБ. И еще, судя по длине кистей, их владелец имел рост больше шести футов, а рост мистера Раиса (с головой, разумеется) едва достигал пяти футов восьми с половиной дюймов.

Основными ориентирами и для миссис Райс при опознании останков послужили одежда и шрам на животе. Даже принимая во внимание, что одежда сильно изменилась после двухнедельного пребывания в воде и встречи с винтом, шрам остался нетронутым. Так что, несомненно, на берегу Ривер Харб было найдено тело Джорджа Раиса.

Миссис Райс также сказала, что ее муж работал в соседнем штате. Каждое утро он отправлялся на работу на пароме и таким же образом возвращался под вечер домой. Очевид-

но, мистер Раис возвращался вечером с работы и спрыгнул с парома или его толкнули. Как бы там ни было, он попал под винт. Тщательный обыск в квартире Райсов не обнаружил никакого посмертного письма.

Поэтому Пол Блейни еще раз позвонил в 87-й участок и рассказал Клингу, этому выбившемуся из сил воскресному наезднику, что кисти не принадлежат телу, которое прибило к берегу Ривер Харб.

Таким образом, вопрос установления личности владельца кистей оставался открытым. И сын Марты Ливингстон, и матрос Карл Андрович по-прежнему оставались вероятными кандидатами.

Был понедельник, синий из-за дождя понедельник, а все случается именно по понедельникам.

В два часа дня произошло третье событие.

В соседнем штате взяли двух бандитов, которые назвали адреса в Изоле. На одного в картотеке главного полицейского управления имелось досье, второй был чист. Судя по всему, парни ограбили бензоколонку и попытались скрыться на угнанной машине. При этом они так спешили, что не заметили патрульную машину и врезались в ее бампер. На этом их маленькие шалости закончились. Парень с досье имел при себе револьвер. Его звали Робертом Гермейном.

Второго молодого человека, который сидел за рулем и который врезался в полицейскую машину, звали Ричардом Ливингстоном.

Как бы неумело вы ни водили машину, для этого вам все равно понадобятся две руки, которые и были у Ричарда Ливингстона.

Клинг получил эту информацию в три часа. Трясущимися руками Берт сделал запись Карелле: "Больше не надо разыскивать сына миссис Ливингстон".

В 4.10 раздался очередной звонок.

– Алло, – произнес детектив.

– Кто это? – спросил женский голос.

– Детектив Клинг, 87-й участок. Кто это?

– Миссис Андрович, миссис Карл Андрович.

– О, хэллоу, миссис Андрович. Что-нибудь случилось?

– Ничего плохого, – ответила Мэг. – Мой муж вернулся.

– Карл?

– Да.

– Вернулся домой?

– Да.

– Когда?

– Несколько минут назад. – После продолжительной паузы Маргарет Андрович добавила:

– Он принес цветы.

– Я рад, что он вернулся, – сказал Клинг. – Я сам сообщу в Б.Р.П.Л. Спасибо, что позвонили.

– Не за что, – ответила Мэг. – Не окажете мне услугу?

– Какую, миссис Андрович?

– Расскажите это, пожалуйста, тому детективу... Карелле,

да?

– Да, мэм.

– Расскажите?

– Что ваш муж вернулся? Да, мэм, расскажу.

– Нет, нет, не это. Я хочу, чтобы вы передали ему не это.

– А что, миссис Андрович? – удивился Берт Клинг.

– Карл принес цветы. Скажите, что Карл принес мне цветы. – Девушка положила трубку.

Вот что случилось в понедельник.

Во вторник произошла уличная драка, пожар поблизости и какая-то женщина избила своего мужа сковородкой. Так что все были заняты.

В среду на работу вышел Стив Карелла. Дождь не прекратился. Казалось, он никогда не прекратится. С того дня, как Ричард Генеро нашел первую кисть, минула неделя.

Прошла целая неделя, а парни из 87-го не продвинулись ни на шаг.

Глава 10

Старуху, которая нашла в мусорном ящике вторую кисть, звали Коллин Брейди. Ей было шестьдесят четыре года, но в ней по-прежнему оставалось что-то от молодости, что полностью соответствовало ее имени.

Как только разговор заходит об ирландках, сразу возникает образ рыжеволосой девушки с зелеными глазами, которая резвится на вереске под ярко-синим небом и пушистыми белыми облаками. На лице девушки играет какая-то диковатая улыбка. Если попробовать задеть ее, будьте уверены, она не даст спуска. В общем, когда говорят об ирландках, сразу вспоминаются вечно юные, дикие девушки.

Коллин Брейди полностью соответствовала этому поэтическому образу.

Она развлекала Кареллу и Хоуза, словно те были кавалерами, которые пришли к девушке с ветками алтея. Старуха угощала полицейских чаем, рассказывала анекдоты с акцентом таким же сильным и крепким, как ирландский кофе. Глаза у нее были ярко-зеленые, а кожа – гладкой и белой, как у семнадцатилетней девушки. Несмотря на то, что сейчас волосы уже поседели, раньше они, несомненно, горели, как медь. Мужчина с крупными руками все еще мог обхватить узкую талию.

– Я никого не видела, – заявила она, – ни души. В такой

день все сидят по домам. Ни в коридоре, ни на лестнице, ни во дворе я никого не заметила. Был очень противный день. Мне следовало бы захватить зонтик, но я его не взяла. Чуть не померла от страха, когда увидела, что лежит в мусорном ящике. Хотите еще чая?

– Нет, спасибо, миссис Брейди. Так значит, вы никого не видели?

– Никого. Извините, что ничем не могу помочь в этом ужасном, отвратительном деле. Резать людей на части.., так поступают только дикари. – Она отхлебнула чая. На узком лице светились настоженные зеленые глаза. – Вы не разговаривали с соседями? Вдруг они что-нибудь видели.

– Мы хотели сначала поговорить с вами, миссис Брейди, – объяснил Коттон Хоуз.

– Вы ирландец, молодой человек? – неожиданно спросила старуха.

– Частично.

Зеленые глаза вспыхнули. Она кивнула и промолчала, но принялась разглядывать Хоуза опытным глазом девушки, которая ищет жениха.

– Ну что же, тогда мы пойдем, миссис Брейди, – сказал Карелла. – Большое спасибо.

– Поговорите с соседями, – посоветовала Коллин Брейди. – Может, кто-то из них что-нибудь и видел.

Никто ничего не видел.

Детективы обошли каждую квартиру в доме, в котором

жила миссис Брейди, и в соседнем доме. Затем усталые и разочарованные они поплелись под дождем в участок. Как только Карелла и Хоуз вошли в комнату детективов, Эрнандес сказал:

– Стив, с полчаса назад звонил кто-то из Б.Р.П.Л. Он спросил Клинга, но того не было. Тогда он поинтересовался, кто еще занимается делом этой пассажирской сумки. Я сказал, что ты. Он попросил позвонить тебя или Клинга.

– Как его звали? – спросил Стив Карелла.

– Я записал. Бартоломью или что-то в этом роде. Карелла сел за стол и посмотрел на лист бумаги.

– Ромео Бартольди, – вслух прочитал он и набрал номер бюро розыска пропавших лиц.

– Добрый день, – поздоровался Стив Карелла. – Карелла из 87-го. Нам недавно звонил Бартольди и сказал...

– Это Бартольди.

– Добрый день. Что стряслось?

– Как, ты сказал, тебя зовут?

– Карелла.

– Привет, пайсан.

– Привет, – улыбнулся Карелла. – В чем дело?

– Послушай, конечно, это не мое дело, но мне пришла в голову одна мысль.

– Какая?

– На прошлой неделе у нас был Клинг. Он рассказал, что вы нашли в пассажирской сумке мужскую кисть.

– Верно, – подтвердил Стив Карелла. – И что?

– Это не мое дело, конечно, только он искал связь с пропавшими за февраль.

– Да?

– Клинг сказал, что это была сумка "Серкл Эйрлайнз".

Так?

– Так.

– О'кей. Может, никакой связи и нет, но мы с коллегой искали тут одну дамочку, которая исчезла около трех недель назад. Она занималась стриптизом и в январе приехала из Канзас-Сити. Зовут Бабблз Цезарь. Это, конечно, не настоящее ее имя, Карелла. Она Барбара Цезаре, а на сцене Бабблз. Можешь поверить, у нее есть эти бабблз.

– Ну и что с ней? – спросил Карелла.

– Чарльз Тюдор, ее агент, заявил в полицию тринадцатого февраля, что она пропала за день до Валентинова дня. Сегодня у нас что?

– Одиннадцатое, – ответил Стив Карелла.

– Точно, одиннадцатое. Значит, уже прошло больше трех недель. Все это время мы ее искали. Проверили прошлое и все такое. И вот что раскопали. Она прилетела из Канзас-Сити.

– Прилетела?

– Ага. Об остальном можешь сам догадаться. Она прилетела на самолете "Серкл Эйрлайнз". Возможно, это простое совпадение, а может, и нет, не знаю. Но я подумал, что надо

бы вам рассказать.

– Ага, – буркнул Карелла.

– Согласен. Это одни догадки, но вдруг существует связь.

– Каким классом она летела? – спросил Стив Карелла. –

Высшим, Туристским?..

– Первым, – ответил Бартольди. – Они ведь выдают пассажирам Первого класса сумки?

– Да.

– Вдруг эта дама исчезла, потому что грохнула какого-нибудь парня. Ведь кисть лежала в сумке "Серкл Эйрлайнз"...

– Бартольди затем добавил:

– Конечно, это только догадки.

– Мы уже проверили несколько версий, и все безрезультатно, – сказал Карелла. – Какой адрес у этого Тюдора?

"Крео Билдинг" находилось в Изоле, на Стеме и служило неофициальным местом встреч для всех музыкантов и артистов в городе. К зданию примыкало кафе, которое работало круглые сутки, и кинотеатр. Широкие двери вели в мраморное фойе, которое по отделке могло бы поспорить с собором святого Петра. На верхних этажах располагались менее изысканные залы для репетиций и конторы музыкальных издателей, композиторов и агентов. В здании постоянно толпилась разношерстная публика.

Сюда заходили хиппи с саксофонами и тромбонами обсудить различные ансамбли. Некоторые из них при этом покуривали сигареты с марихуаной. Другие полностью погру-

жались в религию, которой для них являлась музыка, и не нуждались ни в каких дополнительных стимуляторах.

Бывали здесь и длинноволосые любители классики в мягких фетровых шляпах с футлярами для гобоев. Они обсуждали итоги театрального сезона где-нибудь в Бостоне или в Далласе и спрашивали друг друга, выступит ли в филармонии Бернстейн.

В "Крео Билдинг" встречались и певицы с такими же натренированными улыбками, как и голосами. Независимо от состояния дел, они гордо расхаживали, как голливудские кинозвезды.

Не обходили стороной это здание и балерины. Они ходили вперевалку утиной походкой, что, наверное, является отличительной чертой всех профессиональных танцовщиц. Балерины носили туфли на высоченных каблуках, которые гремели по мраморному полу фойе.

Можно было увидеть здесь и высоких бледных женщин с ярко накрашенными губами в черных очках, которые выступали в стриптизных клубах.

Частыми гостями "Крео Билдинг" являлись музыкальные издатели, похожие на русский "вариант" американского капиталиста. Они попыхивали сигарами и громко разговаривали, обращая друг к другу на "ты".

Конечно, немало попадалось непопулярных и популярных композиторов. И те и другие плохо пели, еще хуже играли на пианино, но напускали на себя холодный, уверенный

вид музыкальных автоматов.

Наверху проходили репетиции – с маленькими, и с большими оркестрами, и с пианино, и с барабанами. Репетировали все – и симфонии, и танцы, и джаз. Единственное, что не репетировали в "Крео Билдинг", это диалоги, которые проходили в фойе.

Трудно сказать, репетировал ли свои диалоги Чарльз Тюдор. В маленькой приемной на восемнадцатом этаже сидели две высокие бледные девушки со шляпными коробками в руках. В углу за столом расположилась маленькая плоскогрудая краснощекая девица. Карелла показал ей полицейский значок и сказал:

– Полиция. Мы хотели бы поговорить с мистером Тюдором.

Секретарша внимательно изучила сначала Хоуза, затем Кареллу. Бледные девушки побледнели еще сильнее. Та, что повыше, внезапно вскочила и выбежала из приемной. Вторая поспешно углубилась в чтение "Вэрайети".

– О чем будет разговор? – деловито поинтересовалась секретарша.

– Об этом мы поговорим с самим мистером Тюдором, – ответил Стив Карелла. – Будьте любезны, скажите ему, что мы пришли.

Девушка скорчила гримасу и нажала кнопку на телефонном аппарате.

– Мистер Тюдор, – сказала она, – пришли два джентльме-

на, которые утверждают, что они детективы... Они сказали, что обсудят это с вами, мистер Тюдор... Не могу сказать. Я впервые вижу детективов... Да, он показал мне значок... Да, сэр. – Положив трубку, секретарша объяснила:

– Подождите минуточку. У него клиентка.

– Спасибо, – поблагодарил Карелла.

Детективы стояли у стола и принялись разглядывать небольшую комнату. Вторая танцовщица из стриптизного клуба сидела тихо, даже не осмеливаясь перевернуть страницу журнала. Стены покрывали черно-белые фотографии полуголых и голых девиц в разнообразных позах. Каждая фотография была подписана. Большинство подписей начинались словами "Чарли, который..." и заканчивались различными экзотическими именами типа Пламя, Факел, Майя, Изгота или Бали. Коттон Хоуз обошел всю приемную, разглядывая снимки. Девушка с журналом следила за ним глазами.

В конце концов она произнесла очень тоненьким для такой крупной женщины голоском:

– Это я.

– Да? – повернулся к ней Хоуз.

– В мехах. Вы как раз смотрите на нее. Это я.

– Ого! – воскликнул Хоуз. Он еще раз взглянул на снимок, потом повернулся и сказал:

– Я не узнал вас вашими... – Коттон Хоуз замолчал и улыбнулся.

Девушка пожала плечами.

– Вас зовут Мэрлой? Подпись не очень разборчива.

– Да, Мэрла. На самом деле меня зовут Мэри Лу, но мой первый агент переделал его в Мэрлу. Звучит экзотически, вы не находите?

– Да, да, очень экзотическое имя, – согласился детектив.

– А вас как зовут?

– Хоуз.

– И все?

– Коттон Хоуз.

Несколько секунд девушка молча смотрела на рыжего детектива. Затем спросила:

– Вы тоже занимаетесь стриптизом? – и тут же разразилась смехом. – Извините, но согласитесь, что у вас тоже экзотическое имя.

– Согласен, – ухмыльнулся Хоуз.

– У мистера Тюдора неприятности? – поинтересовалась Мерла.

– Нет, – покачал головой Коттон Хоуз. – Никаких неприятностей.

– Тогда почему вы к нему пришли?

– А вы почему к нему пришли? – ответил детектив вопросом на вопрос.

– Я за работой.

– Желаю удачи, – сказал Коттон Хоуз.

– Благодарю. Он хороший агент. У Тюдора много экзотических танцовщиц.

Думаю, и для меня у него что-нибудь найдется.

– Будем надеяться, – заметил Хоуз.

Девушка кивнула и на некоторое время замолчала. Она принялась было листать "Вэрайети", но тут же положила журнал на столик.

– Вы так и не сказали, зачем вам нужен мистер Тюдор. В этот момент из кабинета вышла стройная брюнетка на четырехдюймовых каблукках.

– Огромное спасибо, Чарли! – завопила она и едва не налетела на Кареллу. – О, извините меня, дорогуша, – поспешно извинилась брюнетка и выскочила в коридор.

На столе секретарши зазвонил телефон. Девушка подняла трубку.

– Да, мистер Тюдор. – И она положила трубку. – Можете зайти, – добавила секретарша Карелле.

– Удачи вам, – напутствовала Хоуза Мэрла.

– Спасибо, – ответил он. – И вам того же.

– Если мне когда-нибудь понадобится коп, – крикнула вслед Мэрла, – я вам позвоню.

– Позвоните, – и Коттон Хоуз вошел за Кареллой в кабинет Тюдора.

Комнату украшали фотографии женщин в разнообразнейших соблазнительных позах. Их было так много, что хозяин и его стол почти затерялись среди них. Тюдор оказался громадным мужчиной лет пятидесяти в темно-коричневом костюме и золотистом галстуке. Агент показал на сту-

ля. При этом на мизинце правой руки сверкнул алмазный перстень.

– Насколько я понял, вы полицейские, – начал он. – Ваш визит имеет какое-нибудь отношение к Барбаре?

– Да, сэр, – ответил Стив Карелла. – Вы заявили об исчезновении мисс Цезарь?

– Да, – согласился Чарльз Тюдор. – Простите, пожалуйста, мою секретаршу за некоторую грубость. Мне иногда звонят полицейские, что вовсе не..., с Барбарой что-нибудь случилось?

– О каких звонках вы говорите? – поинтересовался Хоуз.

– Ну, знаете... Где-нибудь, например, прикрывают шоу, в котором участвуют мои девочки. Полиция немедленно начинает делать поспешные выводы. Я только ищу им работу, а вовсе не слежу, соблюдают ли они правила приличия. – Тюдор пожал плечами. Его речь звучала так спокойно, что казалась почти фальшивой. Он говорил, как англичанин. Создавалось впечатление, что Чарльз Тюдор тщательно подбирает слова, прежде чем выпустить их изо рта. Однако вся элегантность перечеркивалась самым грубым и вульгарным акцентом, который Карелле доводилось слышать. Акцент выдавал в нем уроженца Изолы или Калм Пойнта. Самое странное заключалось в том, что Тюдор, похоже, не замечал своего акцента. Он говорил, как член палаты лордов, выступающий перед коллегами пэрами. – Я на самом деле не несу ответственность за то, что делают мои клиентки, – продол-

жил он. – Жаль, что полиция этого не понимает. Я – агент, а не хореограф. – Тюдор слабо улыбнулся. – Что узнали о Барбаре?

– Ничего, мистер Тюдор. Мы надеялись, что вы поможете нам кое-что выяснить.

– О!

Чарльз Тюдор произнес единственное слово, но в нем ясно слышалось разочарование, которое немедленно отразилось и на лице.

– Извините, если мы не оправдали ваших надежд, мистер Тюдор, – сказал Карелла.

– Ничего, – произнес Тюдор. – Просто...

– Эта девушка много для вас значит? – Да, – кивнул агент.

– Бизнес? – уточнил Хоуз.

– Бизнес? – переспросил Чарльз Тюдор и покачал головой.

– Нет, не бизнес. Мне попадались и попадаются танцовщицы и получше. Например, малышка, которая только что вышла от меня. Ее зовут Паван. В прошлом июле она приехала из Фриско, и вот-вот весь город сойдет от нее с ума. Блеск! А ведь ей, не поверите, всего двадцать лет. Перед этой девочкой открыто прекрасное будущее. Барбара не была ребенком.

– Сколько ей лет?

– Тридцать четыре. Конечно, в нашем бизнесе встречались танцовщицы, которые выступали и до пятидесяти. Не знаю женщин, которые бы так гордились своим телом. На-

верное, это нарциссизм. А может, я слишком все усложняю? Девочки знают, что их тело – их единственный капитал. Поэтому они и следят за собой. Барбара, хотя ей было тридцать четыре, обладала... – Тюдор умолк. – Извините, мне нужно сломать привычку говорить о ней в прошедшем времени. Просто, когда человек уходит, исчезает, думают, что он умер, и язык непроизвольно начинает использовать прошедшее время. Простите.

– Должны ли мы понимать, мистер Тюдор, что между вами и мисс Цезарь существовали более чем деловые отношения?

– Более чем деловые? – переспросил Тюдор.

– Да.

– Я люблю ее, – безжизненным голосом заявил агент.

– Понятно, – заметил Стив Карелла.

– Я люблю ее, – повторил Тюдор после долгого молчания.

– Я все еще люблю ее. Мне нужно помнить об этом, нужно помнить, что я еще люблю ее и что она все еще здесь.

– Здесь?

– Да, здесь. Где-то здесь, в этом городе. Она все еще здесь,

– кивнул агент. – С ней ничего не случилось. Она все та же Барбара, веселая, очаровательная... Вы видели ее фотографию, джентльмены?

– Нет, – ответил Карелла.

– Кажется, у меня есть. Они вам помогут?

– Да.

– Я передал несколько фотографий в отдел розыска. Вы

оттуда?

– Нет.

– Я так и думал. Тогда почему вас заинтересовала Барбара?

– Они там зашиваются и попросили помочь, – солгал Карелла.

– Ясно. – Чарльз Тюдор встал. Когда он стоял, то казался еще выше. Этот более чем шестифутовый гигант грациозно подошел к картотеке, стоящей в углу кабинета, делая при этом минимум движений. – По-моему, фотографии здесь. Обычно сразу после подписания контракта я фотографирую девочек. Когда Барбара впервые пришла ко мне, я сделал несколько снимков.

– Когда это было, мистер Тюдор?

Тюдор ответил, не поднимая головы и не прекращая поиски фотографий:

– Она приехала из Канзас-Сити в январе. Ее рекомендовала подруга. Я оказался первым человеком, которого она встретила в этом городе.

– Она пришла к вам первому, правильно, мистер Тюдор?

– Да, приехала прямо из аэропорта. Я помог ей устроиться. Как только увидел ее, сразу влюбился.

– Приехала прямо из аэропорта? – уточнил еще раз Карелла.

– Что? Ах да, вот фотографии. – Агент положил на стол несколько глянцевого снимков. – Это Барбара, джентльмены,

Бабблз Цезарь. Прекрасная женщина, не правда ли?

– Так вы говорите, она приехала к вам прямо из аэропорта? – Стив Карелла даже не взглянул на фотографии.

– Да. Большинство этих фотографий...

– У нее был багаж?

– Багаж? Да, кажется, был. А что?

– Какой?

– Кажется, чемодан, большой чемодан.

– И больше ничего?

– Не помню.

– У нее не было маленькой синей сумки? – спросил Хоуз.

– Да, по-моему, была, – после непродолжительных раздумий ответил Чарльз Тюдор. – Одна из этих сумок, которые авиакомпания выдают своим пассажирам. Да, точно была.

– "Серкл Эйрлайнз", мистер Тюдор?

– Не помню. Мне кажется, "Пан Америкэн".

Карелла кивнул и взял фотографии. Барбара Бабблз Цезарь выглядела моложе своих тридцати четырех лет, во всяком случае на фотографиях. Со снимков улыбалась брюнетка с яркими глазами, которая задрапировалась во что-то напоминающее рыбачью сеть. Сеть почти не скрывала достоинств Барбары, которыми она обладала в избытке. Добавьте ко всем этим чарам провокационный взгляд, который "надевают" все танцовщицы стриптизных клубов, когда снимают одежду. Выражение лица Бабблз Цезарь ясно говорило, что она является потенциальным источником неприятно-

стей. Изучая фотографии, Стив Карелла подумал, что именно таким взглядом Ева посмотрела на Адама, вкусив запретного плода. Взгляд выражал только одно. Даже принимая во внимание, что это профессиональный прием, Карелла почувствовал, что его ладони вспотели.

– Красивая, – как-то неуверенно согласился он.

– На фотографиях она выглядит хуже, чем в жизни, – заметил Чарльз Тюдор. – У Барбары цвет лица – персиковый, и.., она обладает каким-то магнетизмом, но его, правда, ощущаешь, только узнав ее поближе. Есть люди, которые как будто испускают притягательные волны. Так вот, Барбара принадлежала к их числу.

– Вы сказали, что помогли ей устроиться, мистер Тюдор? Что конкретно вы сделали?

– Во-первых, я оплачивал ей гостиницу до тех пор, пока она не нашла квартиру. Выдал аванс. Мы начали регулярно встречаться. И, конечно, я подыскал ей работу.

– Где?

– В "Короле и королеве". Это прекрасный клуб, – объяснил Чарльз Тюдор.

– Где он находится, мистер Тюдор?

– В Квартере. Я туда устроил несколько хороших девочек. Например, Паван сразу после приезда из Фриско начинала там. У Паван большой талант, и я легко нахожу ей работу. Сейчас она работает в Стрите в клубе под названием "Жемчужное ожерелье". Не слышали?

– Что-то знакомое, – ответил Стив Карелла. – Мисс Цезарь, по-вашему, не обладала талантом?

– Нет, обладала, но не очень большим.

– Несмотря на этот.., магнетизм?

– Магнетизм – это часть ее личности. Иногда это чувствуется на сцене, чаще – нет. Поверьте мне, если бы Барбаре удалось как-то удачно подавать это качество на публике, ей бы цены не было. Она бы превзошла всех – и цыганку Розу Ли, и Мэрджи Харт, и Зориту, и Лили Сенткир. Но нет, ей это не удалось. – Агент покачал головой. – По правде говоря, она была второсортной танцовщицей. Только блестящее тело и, конечно, взгляд, которым обладают все девочки, но не блеск, не сияние, не.., жизненная энергия, называйте это, как хотите. Магнетизм возникал только после того, как вы узнавали ее ближе. Улавливаете разницу?

– Она служила в "Короле и королеве", когда так внезапно исчезла?

– Да. Двенадцатого февраля она не вышла на работу. Владелец клуба сообщил об этом мне, как ее агенту. Я позвонил к ней домой. Она в то время жила с двумя другими девочками. Одна из них сказала, что не видела Барбару с утра. Я встревожился и отправился искать ее, но это большой город, джентльмены.

– Это точно.

– На следующее утро, тринадцатого, я обратился в полицию. – Чарльз Тюдор умолк. Он посмотрел в окно на дождь. –

На Валентинов день я купил Барбаре ожерелье и собирался подарить тринадцатого, но она исчезла.

– Какое ожерелье, мистер Тюдор?

– Рубиновое. Понимаете, у нее были черные, очень черные волосы и глубокие карие глаза. Я подумал, что огонь рубинов... – он опять замолчал. – Но она исчезла.

– Кому принадлежит "Король и королева", мистер Тюдор?

– Рэнди Симмсу. Его настоящее имя, кажется, Рэндольф, но все зовут его Рэнди. У него очень хороший клуб. Собираетесь встретиться с ним?

– Да. Может, он сумеет нам помочь.

– Вы найдете ее? О, господи, найдите ее, пожалуйста, – взмолился агент Чарльз Тюдор.

Глава 11

Клуб "Король и королева" находился в Квартере, ближе к зажиточным кварталам.

Для того, чтобы войти в "Короля и королеву", нужно было спуститься с тротуара на одну ступеньку. Справа от входа находился витраж, на нем слева располагался карточный король, а справа – дама. Эффект был почему-то пугающим. Витраж освещался изнутри так, что создавалось впечатление, будто на стекле играет яркое солнце. От стриптиз-клуба все ожидают чего-нибудь более крикливого, ну, например, хотя бы портретов девочек в натуральную величину. Здесь же – никаких плакатов. Название тоже отсутствовало. В центре входной двери находился лишь маленький круглый золотой герб – единственный ключ к названию. На другом круглом золотом диске на двери был выгравирован номер дома – "12Н".

Хоуз и Карелла открыли дверь и вошли в клуб.

"Король и королева" имел такой же запущенный, заброшенный вид, как большинство ночных заведений днем. Подобное зрелище всегда пугало Стива Кареллу. Это было похоже на то, как если бы он в десять часов утра повстречал в Штраффе женщину средних лет, одетую в черное сатиновое платье, всю в алмазах. "Король и королева" днем выглядел еще более нелепым. Нигде ни единого признака жизни.

– Эй! – закричал Карелла. – Есть кто-нибудь?

Его голос эхом отозвался в длинном помещении. Окно в дальней стене пропускало тоненький, сероватый из-за дождя луч солнца. Этот луч освещал пыль на сиденьях стульев, поставленных на столики.

– Эй, кто-нибудь! – опять крикнул Карелла.

– Пусто, – сказал Коттон Хоуз.

– Похоже. Есть кто живой? – еще раз закричал Стив Карелла.

– Кто там? – раздался чей-то голос. – Мы открываемся в шесть вечера.

– Где вы?

– На кухне. Клуб закрыт.

– Выйдите на минутку.

Неожиданно из сумрака показался мужчина, вытирающий руки о полотенце. Он пересек луч света и подошел к детективам.

– Закрыто, – объявил он.

– Мы из полиции, – представился Карелла.

– Все равно закрыто. Тем более для копов. Если я обслужу вас, у меня отберут разрешение на продажу спиртных напитков.

– Вы Рэнди Симмс? – спросил Карелла.

– Он самый, – ответил Симмс. – А что? Что я сделал?

– Ничего. Давайте где-нибудь сядем и поговорим.

– Где хотите. Выбирайте любой столик.

Они сняли стулья с одного из столов и уселись. Симмс, мужчина лет пятидесяти, был одет в белую рубашку с расстегнутым воротником и закатанными рукавами. На красивом лице находилось слегка усталое выражение. Владелец клуба напоминал человека, который проводит лето в Сен-Тропезе в окружении красоток в бикини, а зиму в Сен-Морице, катаясь на лыжах без креплений. Карелла готов был поспорить, что у Рэндольфа Симмса есть "мерседес-бенц" и коллекция восточного нефрита.

– Что случилось? – спросил Симмс. – Опять что-нибудь нарушили? Я уже сделал дополнительные выходы и везде повесил указатели. Что на этот раз?

– Мы не пожарники, – объяснил Карелла. – Мы копы.

– Какая разница? Кто бы ко мне ни приходил – пожарники или копы, – приходится раскошелиться. В чем дело?

– Вы знаете Бабблз Цезарь?

– Знаю, – ответил Симмс.

– Она работает у вас?

– Да, она у меня работала. – Не знаете, где она?

– Не имею ни малейшего представления. А в чем дело?

Она что-нибудь натворила?

– Похоже, она пропала без вести.

– Это преступление?

– Не обязательно.

– Тогда зачем вы ее ищете?

– Хотели бы поговорить с ней.

– Вы не одиноки в этом желании, – сказал Рэнди Симмс.

– Что вы имеете в виду?

– Только то, что все, кто сюда заходит, хотят поговорить с Барбарой. Она очень привлекательная женщина. Очень беспокойная, но и очень красивая, – объяснил Симмс.

– Она доставляла вам хлопоты?

– Да, но не по работе. Барбара всегда приходила вовремя, когда положено, выходила на сцену, не грубила посетителям. Так что по работе никаких неприятностей не было.

– Тогда о каких хлопотах вы говорите?

– У нас случилась пара драк.

– Из-за Барбары?

– Да.

– Кто?

– Не понял.

– Кто дрался?

– А, не помню. Посетители. Смешно, что ни говорите. Мужчина наблюдает, как женщина раздевается, и забывает, что находится в общественном месте и что это игра. Он начинает представлять, что он с ней наедине и что она раздевается только для него. Когда загорается свет, иногда эти фантазии проходят. Когда одна и та же мысль возникает у двоих, недалеко до беды. Человеку, который думает, что девочка принадлежит ему и раздевается для него, не нравится, что у соседа такие же мысли. Бац, и в дело идут кулаки. Мы выбрасываем таких на улицу или, по крайней мере, раньше вы-

брасывали. Сейчас нет.

– Сейчас вы им позволяете драться? – удивился Хоуз.

– Нет. Сейчас просто мы им не даем шанса пофантазировать.

– Как вам это удается?

– Очень просто. Убрали девочек.

– Ого! Изменили лицо клуба?

– Да. Убрали девочек и оркестр. Оставили только перво-классного джазового пианиста. Напитки, слабый свет, спокойная музыка. Приходите со своей девочкой и можете держать за руку ее, а не руку дамы, которая извивается на сцене. За последние две недели не произошло ни одной драки. – Почему вы пошли на это, мистер Симмс?

– В основном из-за Барбары. Это из-за нее разгоралось большинство драк. Думаю, она провоцировала их. Она выбирала пару самых здоровых посетителей и начинала их обрабатывать, сначала одного, потом другого. Затем в ход шли кулаки. Когда она перестала выходить на работу, у меня остались только второсортные девочки. Без нее представления в "Короле и королеве" проходили по-любительски, неинтересно. А держать просто так оркестра нет смысла.

– А что, с оркестром тоже были неприятности?

– Сколько угодно. Один из парней, тромбонист, оказался наркоманом. Я никогда не знал, когда он выйдет на работу, а когда отправится блевать в канаву. Затем без предупреждения исчез и барабанщик. Просто не вышел на работу и все.

А барабанщик важная персона в оркестре, который играет чувственную музыку. Так я очутился без исполнительницы главного номера и без барабанщика. Можете представить себе, что тут было?

– Давайте-ка окончательно все выясним, – предложил Карелла. – Вы говорите, что Барбара и барабанщик исчезли одновременно?

– Да, в одну и ту же ночь.

– Когда это произошло?

– Точно не помню. Кажется, за несколько дней до Валентинова дня, – ответил Симмс.

– Как звали барабанщика?

– Майк, а дальше забыл. Какая-то итальянская фамилия – язык можно сломать. Нет, не помню. Помню только, что она начинается на "Ч".

– Барбара и Майк дружили?

– Кажется, нет. По крайней мере, я ничего такого не замечал. Ну болтали, как болтают девочки с музыкантами, но ничего серьезного. Кажется, я понимаю. Думаете, они смылись вместе?

– Не знаю, – ответил Стив Карелла. – Во всяком случае, это возможно.

– Между девочками и музыкантами все возможно, – согласился Рэнди Симмс. – Поверьте, без них лучше. Пианист сейчас играет спокойную музыку. Все молча слушают в полумраке. Здорово! Никаких драк, интриг.

– Не можете вспомнить фамилию барабанщика?

– Нет.

– Ну хоть попробуйте.

– Могу только сказать, что она начинается на "Ч". Никогда не мог запомнить итальянские фамилии.

– Как называется оркестр? – спросил Карелла. – По-моему, никак. Это была сборная группа.

– Ну а лидер хоть был?

– Ну не совсем лидер. Просто парень, который собрал их вместе.

– Как его звали?

– Эллиот. Эллиот Чамберс.

– И еще, мистер Симмс, – продолжил Стив Карелла. – Агент Барбары сказал нам, что она в момент исчезновения жила с двумя другими девушками. Не знаете с кем?

– Одну знаю, – сразу же ответил Рэнди Симмс. – Мэрла Филлипс. Она тоже выступала у меня.

– Не знаете, где она живет?

– Ее адрес в журнале. – Владелец клуба посмотрел на детективов. – Найти?

– Найдите, – попросил Карелла.

– Ну и что нам это дает? – спросил Коттон Хоуз на улице. Стив Карелла пожал плечами.

– Поговорю с музыкантами. Может, узнаю фамилию барабанщика.

– У них большие кисти?

– Понятия не имею, – ответил Карелла. – Но что-то уж слишком большое совпадение. Оба смылись, исчезли в одну и ту же ночь.

– Да, – согласился Хоуз. – Ну а что с Мэрлой Филлипс?

– Может, ты заскочишь к ней?

– Идет, – ответил Хоуз.

– Видишь, какой я добрый? Себе беру музыкантов, а танцовщиц оставляю тебе.

– Ты женатый мужчина, – сказал Хоуз.

– И отец к тому же, – кивнул Карелла.

– Верно, и отец.

– Если понадобится моя помощь, я буду в участке.

– Какая мне может понадобиться помощь? – удивился Хоуз.

Мэрла Филлипс жила на первом этаже дома, находящегося в четырех кварталах от "Короля и королевы". На почтовом ящике были написаны сразу три фамилии: "Филлипс, Цезарь и Смит". Хоуз нажал кнопку, дождался ответного звонка и вошел в дом. Квартира находилась в углу коридора. Он позвонил. Дверь открылась почти немедленно.

– Ого! – воскликнула Мэрла Филлипс.

Конечно, он ее сразу узнал и тут же удивился, почему он сегодня такой рассеянный? Когда Симмс сказал, как зовут девушку, он почему-то не вспомнил ее.

– Мы с вами встречались в конторе мистера Тюдора? – спросила девушка. – Да, это я.

– Коттон, да? Ну что ж, входите, Коттон. О, парень, вот это сюрприз! Я зашла всего минуту назад. Вам повезло, что вы меня поймали. Через десять минут я собиралась уйти. Входите, входите, а то простудитесь в коридоре.

Коттон Хоуз вошел в квартиру. Только стоя рядом с девушкой, он понял, какая она высокая. Детектив попытался представить, как она выглядит на сцене, и едва устоял на ногах.

– Не обращайте внимания на разбросанное белье, – извинилась Мэрла. – Я живу с Тэффи, актрисой. Не бойтесь, все пристойно. Хотите выпить?

– Нет, благодарю вас, – ответил Хоуз.

– Слишком рано? Можно вас попросить, Коттон?

– Конечно.

– Мне нужно узнать, не звонил ли кто-нибудь. Накормите, пожалуйста, кота. Бедняжка, должно быть, совсем умирает с голода.

– Кота?

– Да, сиамский кот. Он где-то в квартире. Как только вы начнете греметь на кухне, он сразу же прибежит. Еда под раковиной. Откройте консервы и положите в миску. И нагрейте, пожалуйста, ему молока. Он не пьет холодное.

– Хорошо, – сказал рыжий детектив.

– А вы душка. Идите, покормите кота. Я мигом.

Девушка отправилась к телефону, а Хоуз – на кухню. Когда он открывал под бдительным оком немедленно объявив-

шегося сиамериканского коты консервы, то услышал голос Мэрлы.

– Кто? – спрашивала она по телефону. – Не знаю такого. Ладно, я позвоню ему позже. Больше никого? О'кей, спасибо.

Она положила трубку и пришла на кухню.

– Вы до сих пор греете молоко? – удивилась Мэрла Филлипс. – Оно будет очень горячим. Выключайте.

Хоуз снял с плиты кастрюльку и налил молоко в миску, стоящую на полу.

– О'кей. Теперь идите за мной. Мне нужно переодеться. Через пять минут у меня позирование. Я подрабатываю натурщицей. Разные соблазнительные фотографии для мужских журналов. Быстрее идите сюда. Быстрее!

Он вошел в спальню, в которой стояла двуспальная кровать, большой шкаф, несколько стульев и множество грязных кофейных стаканчиков, деревянных ложек и одежды, разбросанной везде, где только можно.

– Извините за беспорядок, – сказала Мэрла. – Тэффи страшная неряха.

Она швырнула на пол свой пиджак, одновременно разуваясь. Затем начала вытаскивать из юбки блузку.

– Отвернитесь, пожалуйста. Извините.

Хоуз отвернулся, удивляясь, почему Мэрла Филлипс раздевалась без стеснения перед глазами десятков мужчин в клубе, но находила неприличным делать то же самое перед одним-единственным. "Женщины..." – подумал он и недо-

уменно хмыкнул про себя. За спиной послышался шорох одежды.

– Терпеть не могу пояс с резинками, – пожаловалась Мэрла. – Но я высокая девушка, и он мне, говорят, необходим. Не понимаю, что сексуального они в нем находят? Что вам угодно, Коттон?

– Нам сказали, что вы жили с Бабблз Цезарь. Правильно?

– Правильно. Вот черт, чулки порвались! – Полуголая девушка бросилась мимо детектива к шкафу, достала из нижнего ящика чулки и опять исчезла. – Извините. Так что с Барбарой?

– Она жила с вами?

– Да. Ее имя до сих пор на почтовом ящике. Ну вот, совсем другое дело. Я всегда рву чулки, когда спешу. Их сейчас делают, наверное, из папиросной бумаги. Все не хватает времени убрать ее фамилию. О, если бы у меня было время, я бы... Так что вы хотели узнать о Барбаре?

– Когда она съехала?

– Как раз когда произошла эта кутерьма. Я имею в виду, когда мистер Тюдор заявил в полицию об ее исчезновении.

– Сразу после Валентинова дня?

– Да.

– Она предупреждала вас об отъезде?

– Нет.

– Значит, ее вещи до сих пор здесь?

– Да.

– Выходит, она не съехала, а просто не показывается.

– Да, возможно, она вернется. О'кей, поворачивайтесь, – велела Мэрла.

Коттон Хоуз повернулся. Мэрла надела простое черное платье, черные нейлоновые чулки и черные туфельки на высоких каблуках.

– Ровная стрелка на чулках? – спросила она.

– Ровная.

– Вам нравятся мои ноги? По-моему, они слишком худые для меня.

– Мне кажется – о'кей, – успокоил ее детектив. – Почему вы думаете, что Барбара вернется?

– По-моему, она с кем-то развлекается. Барбара любит мужчин. Она вернется. Поэтому, наверное, я не убрала фамилию с почтового ящика.

– Барабанщик Майк в числе мужчин, которые ей нравились? – поинтересовался Хоуз.

– Не знаю. По крайней мере, она никогда о нем не говорила. И он сюда никогда не звонил. Извините, мне нужно накраситься.

Девушка отодвинулась от Хоуза куда-то в угол и села перед огромным зеркалом. Туалетный столик был заставлен косметикой. Среди пузырьков и флаконов Хоуз заметил маленькую коробочку с этикеткой "Скинглоу". Он принялся ее рассматривать.

– Ваша? – спросил он.

– Что? – повернулась к нему Мэрла с губной помадой в руке. – О, да, моя. Моя и Тэффи, и Барбары. Мы все ею пользуемся. Очень хорошая пудра. Она не бледнеет на свету. Знаете, иногда при ярком свете кожа кажется очень белой. Конечно, неплохо выглядеть бледной, но не белой, как мертвец. Поэтому мы пользуемся "Синглоу". Она снимает бледность. Этой пудрой пользуются все актрисы.

– Не знаете фамилию Майка?

– Конечно, знаю – Чипарадано. Прелесть, правда?

– У него большие кисти?

– У всех мужчин большие руки, – ответила Мэрла.

– Я хотел спросить, вы не обратили внимание, у него, может, необыкновенно большие?

– Не обратила. – Девушка повернулась к полицейскому. – Ну как? Который час?

– Вы выглядите прекрасно. – Детектив посмотрел на часы. – Четверть первого.

– Опоздываю, – упавшим голосом заявила она. – Как, повашему, я выгляжу сексуально?

– Да.

– Ну что же. Тогда, значит, все о'кей.

– Не знаете, с кем встречалась Барбара? – спросил Хоуз. – С кем она могла бы убежать?

– Был один парень, который очень часто звонил ей. Пожалуйста, извините, но мне пора. Может, как-нибудь позвоните? Вы очень привлекательный парень. Если как-нибудь

вечерком окажетесь в наших краях, заглядывайте. Моя чертова сожительница всегда варит кофе.

– Спасибо, – поблагодарил Коттон Хоуз. – Кто часто звонил Барбаре?

– Как его? Какая-то русская фамилия. Минуточку, я постараюсь вспомнить. – Мэрла Филлипс достала из ящика черную сумочку, бросила в нее губную помаду, пудру, мелочь и маленький женский бумажник. – Ну вот, наконец готово, – объявила она. – У меня есть адрес? – спросила она сама себя. – Есть. – После небольшой паузы девушка добавила:

– Его зовут Андрович. Карл Андрович. Моряк, кажется. Послушайте, Коттон, позвоните мне. Вы, надеюсь, не женаты?

– Нет. Вы сказали Андрович?

– Да, Карл Андрович. Обещаю, скучать не будете. Я не всегда так тороплюсь.

– Конечно, но...

– Пошли, мне нужно бежать! Быстрее! Может, хотите отправиться со мной на съемки? Нет, пожалуй, не надо. Я буду нервничать... Пошли, пошли. Захлопните дверь, Коттон!

Детектив захлопнул дверь.

– Все это черное из Франции. Лифчика практически нет. Фотографии должны быть...

– Когда Андрович звонил в последний раз? – спросил Хоуз.

– За несколько дней до ее исчезновения, – ответила Мэрла. – Смотрите, такси! Вы умеете свистеть?

– Конечно, но...

– Свистите!

Коттон Хоуз засвистел. Такси остановилось, и они забрались в машину.

– Куда, черт возьми, я подевала этот адрес? Минуточку, – попросила она водителя. – Езжайте пока в Холл. Я сейчас найду адрес. Думаете, она убежала с Андровичем? Это возможно, Коттон?

– Сомневаюсь. Андрович дома. Если только...

– Что если только?

– Не знаю. Наверное, нам придется поговорить с Андровичем.

– Вот адрес, – обрадовалась Мэрла. – Холл авеню, 695. Только побыстрее, пожалуйста. Я ужасно опаздываю.

– Леди, – ответил таксист. – Я еще ни разу не возил в этом такси ни одного пассажира, который бы ужасно не опаздывал.

Глава 12

В комнате детективов Хоуз сказал Карелле:

– Я выяснил фамилию барабанщика.

– Я тоже. Узнал телефон Чамберса и позвонил ему. Барабанщика зовут Майком Чипарадано. Я еще раз позвонил в профсоюз музыкантов, узнал адрес и номер телефона Майка...

– Уже звонил ему? – прервал его Хоуз.

– Да, никто не отвечает. Надо бы заскочить к нему после обеда. Ты ел?

– Нет.

– Пошли?

– О'кей. Кстати, нам придется заехать еще в одно место.

– Куда?

– К Андровичу.

– Зачем? Ведь наш Дон Жуан вернулся? – удивился Карелла.

– Да, но соседка Бабблз сказала, что Андрович часто ей звонил.

– Соседке?

– Нет, Барбаре.

– Андрович? Андрович звонил Бабблз Цезарь?

– Ага.

– Так, значит, он опять в деле?

– Похоже. Он звонил ей за несколько дней до исчезновения мисс Цезарь, Стив, – объяснил Коттон Хоуз.

– Гм... Что бы это значило?

– Он единственный, по-моему, человек, который может ответить на этот вопрос.

– О'кей. Значит, сначала поедим, затем к Чипарадано. Господи Иисусе, действительно язык можно сломать. И последний – наш влюбчивый моряк. Коттон, бывают времена, когда я очень устаю от этой работы.

– А ты когда-нибудь пытался угнаться за танцовщицей из стриптиз-клуба? – поинтересовался Хоуз.

Майк Чипарадано жил в меблированных комнатах на Шестой северной улице. Дома его не оказалось, и хозяйка сказала, что он не показывается уже с месяц.

Домовладелица была тоненькой женщиной в цветастом халате. Во время разговора она продолжала уборку в коридоре.

– Он задолжал за два месяца, – пожаловалась она. – Майк влип куда-нибудь?

– Когда вы видели его в последний раз, миссис Марстен? – поинтересовался Хоуз.

– В феврале, – ответила женщина. – Он задолжал за февраль и март, если, конечно, собирается здесь жить, хотя я в этом сомневаюсь. Вы так не думаете?

– Не знаю. Не могли бы вы показать его комнату?

– Конечно. Только не успокаивайте меня. Что он натво-

рил? Он наркоман? Все музыканты наркоманы.

– Вот как? – удивился Карелла. Они начали подниматься по лестнице.

– Конечно. Они колются прямо в вену. Героин. Это яд! Его комната на третьем этаже. Я вчера там убирала, – тарактела миссис Марстен.

– Вещи на месте?

– Да, и одежда, и барабаны. С какой это стати человек станет уезжать и оставлять вещи? Единственное объяснение, по-моему, это то, что он наркоман. Комната там, в конце коридора. Так что он сделал, вы сказали?

– Вы знаете точно, какого числа он исчез, миссис Марстен?

– Я могу точно назвать день, – ответила домовладелица, но почему-то не назвала.

– Так когда? – обратился к ней Хоуз.

– Двенадцатого февраля, накануне тринадцатого. Поэтому я и запомнила. Тринадцатое, пятница, чертова дюжина. Вот его комната. Секундочку, я сейчас открою дверь.

Она вставила в замок ключ.

– Что-то с замком. Нужно его заменить. – Наконец женщина открыла дверь. – Идеальная чистота. Вчера только убрала. Даже собрала с пола все его носки и белье. Я не выношу неряшливость. – Они вместе вошли в комнату.

– Вон около окна стоят его барабаны. Тот, что побольше, басовый. А вон там цилиндр. Все вещи висят в шкафу, брит-

венные принадлежности – в ванной – все, как он оставил. Ничего не понимаю в этой истории, а вы? Так что? Так что, выговорите, он натворил?

– Вы видели, как он уходил, миссис Марстен?

– Нет.

– Сколько ему лет?

– Молодой парень. Как им не стыдно, этим молодым? Героин...

– Сколько ему лет, миссис Марстен?

– Двадцать четыре-двадцать пять, не больше.

– Высокий?

– По-моему, выше шести футов.

– Кисти большие?

– Что?

– Вы не заметили, у него большие руки?

– Не заметила. Кто же смотрит на мужские руки?

– Некоторые женщины смотрят, – сказал Карелла.

– Единственное, что я знаю, – он задолжал мне за два месяца, – пожалала плечами миссис Марстен.

– Не знаете, у него было много девушек, миссис Марстен?

Он сюда никого не приводил?

– Нет, только не в мой дом, – с негодованием ответила домохозяйка. – Я не позволяю у себя такое. Нет, сэр. Если у него и были девушки, он не развлекался с ними под моей крышей. У меня приличный дом – и комнаты, и жильцы.

– Понятно, – кивнул Карелла. – Не возражаете, если мы

здесь немного осмотримся?

– Пожалуйста. Позовите меня, если я вам буду нужна. Только не сорите. Я вчера убирала.

Женщина вышла. Карелла и Хоуз обменялись взглядами.

– Думаешь, они уехали в Канзас-Сити? – спросил Коттон Хоуз.

– Не знаю. Мне уже хочется, чтобы они оба отправились ко всем чертям. А вдруг он что-нибудь оставил?

Но Майк Чипарадано ничего не оставил, никакого ключа, с помощью которого можно было бы определить, где он сейчас находится.

Карл Андрович оказался усатым гигантом, который вполне мог бы служить моделью для рекламы сигарет "Мальборо". Он сидел за кухонным столом в хлопчатобумажной рубашке с короткими рукавами. На руках играли бронзовые бугры мышц. На левом бицепсе на фоне сердца виднелась надпись "Мэг". Волосы у Андровича были рыжевато-коричневые, а усы представляли какую-то смесь рыжего, коричневого и белого цветов. Во время разговора Карл Андрович постоянно дотрагивался до аккуратно подстриженных усов, которые, очевидно, являлись гордостью их владельца. У Андровича были громадные ручищи. Каждый раз, когда он поднимал руку, чтобы погладить усы, Стив Карелла вздрагивал, словно в ожидании удара. Мэг Андрович сновала по кухне, готовя обед и жадно ловя каждое слово.

– Мы хотели кое-что выяснить, мистер Андрович, – начал

детектив Стив Карелла.

– Да? Что?

– Для начала, где вы пропадали между четырнадцатым февралем и понедельником, когда вернулись домой?

– Это мое дело, – ответил Андрович. – Следующий вопрос.

– Если вы не намерены отвечать на наши вопросы здесь, мистер Андрович, то мы готовы забрать вас в участок, где вы, может, станете более разговорчивым, – после короткого молчания предложил Карелла.

– Собираетесь использовать резиновый шланг? Меня не напугаете, я уже имел с ним дело.

– Вы ответите, где вы были?

– Я уже ответил, что это мое дело.

– О'кей. Одевайтесь.

– Какого черта? Вы не имеете права арестовывать меня без предъявления обвинения.

– У меня полно обвинений. Вы утаиваете от полиции важную информацию и таким образом становитесь сообщником в убийстве. Вы...

– Что? Убийство? Вы что, спятили? – взорвался Андрович.

– Одевайтесь, Андрович. Я не намерен переругиваться с вами, – приказал Карелла.

– О'кей, – сердито сдался Карл Андрович. – Я находился в городе.

– Где в городе?

– Везде, в барах. Я пил.

– Почему?

– Потому что это мне нравится.

– Вы знали, что ваша жена заявила в полицию о вашем исчезновении?

– Нет. Как, черт возьми, я мог это узнать?

– Почему вы не позвонили ей?

– Вы что, специалист по вопросам семьи и брака? Не позвонил, значит, не захотел, – с вызовом ответил моряк.

– Он не обязан звонить мне, если не хочет, – отозвалась от плиты Мэг. – Он же вернулся. Почему вы не оставите его в покое?

– Не суйся, Мэг, – предупредил ее муж.

– В каких барах вы пили? – спросил Карелла.

– По всему городу. Я не помню названий.

– Вы ходили в "Короля и королеву"?

– Нет.

– Вы ведь только что сказали, что не помните названий?

– Не помню.

– Тогда почему вы уверены, что не были в "Короле и королеве"?

– Название звучит незнакомо, – левый глаз Андровича начал слегка дергаться.

– А имя "Бабблз Цезарь" тоже звучит незнакомо?

– Да.

– Или Барбара Цезарь?

– Да, незнакомо. – Тик не прекращался.

– А Мэрла Филлипс?

– Впервые слышу.

– А что скажете о телефонном номере "Сперлинг 7 – 0200 ? Он вам знаком?

– Нет. – Тик усилился.

– Миссис Андрович, – обратился Карелла к Маргарет. – По-моему, вам лучше уйти.

– Почему?

– Мы собираемся выяснить кое-какие тайны. Выйдите, пожалуйста, в другую комнату.

– Моя жена может слушать все, что вы собираетесь сказать, – заявил Карл Андрович.

– О'кей. Номер "Сперлинг 7 – 0200" – номер телефона трех женщин, которые живут вместе. Одну из них зовут...

– Выйди, М-М-Мэг, – приказал Андрович.

– Я хочу остаться.

– Делай, что я тебе с-с-сказал!

– Почему он спрашивает тебя об этом номере? Какие у тебя дела с тремя?..

– Убирайся, ч-ч-черт побери, отсюда, пока я тебе не врезал! Мэг Андрович угрюмо посмотрела на мужа и вышла из кухни.

– Вот д-д-дрянь, – прошептал моряк, заикаясь еще сильнее. Угол левого глаза дергался еще заметнее.

– Готовы отвечать, Андрович?

– О'кей. Я знал ее.

– Бабблз?

– Бабблз.

– Как хорошо вы ее знали?

– Очень хорошо.

– Что значит очень хорошо, Андрович?

– Хотите п-п-подробности?

– Если можно.

– Мы спали с ней. О'кей?

– О'кей. Когда вы видели ее в последний раз?

– Двенадцатого февраля.

– Вы что-то легко вспомнили число.

– Еще бы!

– Что это значит? – спросил Карелла.

– Я.., послушайте, какая разница, ч-ч-черт возьми? В последний раз я видел ее д-д-двенадцатого прошлого месяца. Больше я ее не видел.

– Уверены?

– Уверен.

– Вы уверены, что не провели все это время с ней?

– Уверен на все сто процентов. Жаль, что я был не с ней.

Я ведь собирался... – неожиданно Андрович умолк.

– Собирались что? – поинтересовался Карелла.

– Н-н-ничего.

– Вы позвонили ей двенадцатого после того, как ваш ко-

рабль пришвартовался, правильно?

– Правильно.

– А потом вы с ней виделись? – Да, но только недолго. С полчаса.

– В то же утро?

– Кет, днем.

– Где вы встретились?

– У н-н-нее.

– Кто-нибудь еще был в квартире? Например, ее подруги?

– Нет. Я ни разу не видел их.

– Но вы разговаривали с ними по телефону?

– Да, с одной.

– С Мэрлой Филлипс?

– Не знаю.

– Тем утром, двенадцатого, тоже разговаривали не с Барбарой?

– Да. Ее подруга сняла трубку и потом позвала Барбару.

– И после разговора вы приехали к ней, правильно?

– Да, я пробыл у нее с полчаса.

– И что дальше?

– Дальше? Я ушел. Должна была вернуться одна из ее с-соседак. Ее чертова квартира похожа на Мэйн-стрит.

– И вы не видели ее с того дня?

– Не видел.

– Вы пытались связаться с ней?

– Нет, – ответил Карл Андрович после некоторых колеба-

ний.

– Как это?

– Просто не звонил и все. Я подумал, что она вернулась в Канзас-Сити.

– Почему вы так подумали?

– Просто подумал и все. Она ведь исчезла?

– Откуда вы знаете?

– Что?

– Если вы ей не звонили, откуда вы знаете, что она исчезла?

– Ну, может, я звонил ей раз или два.

– Когда?

– Не помню. В т-т-течение месяца.

– И не могли ее найти?

– Да.

– С кем вы разговаривали?

– С ч-ч-чертовой телефонисткой.

– Вернемся немного назад, Андрович. Вы сказали, что приходили на квартиру мисс Цезарь двенадцатого днем. Хорошо, зачем?

– Я хотел поговорить с ней.

– О чем?

– О разном.

– Ну, например? Давайте, Андрович, рассказывайте. Нам надоело вытягивать из вас по капле.

– Какая вам разница, о чем мы говорили, ребята?

– Большая. Мисс Цезарь исчезла. Мы ищем ее.

– Вы мне говорите, что она исчезла!!! Я н-н-не знаю, где она. Если бы я знал... – Он опять замолчал.

– Если бы вы знали, то что?

– Ничего.

– Вы полчаса разговаривали ни о чем, так?

– Так.

– Вы с ней тогда были в постели?

– Нет. Я же сказал, что вот-вот должна была прийти ее с-соседка.

– Значит, вы просто сидели и смотрели друг на друга, правильно?

– Более-менее.

– Одевайтесь, Андрович. Нам предстоит небольшая поездка.

– Черта с два! Я не знаю, где она, черт побери! Если бы я знал, думаете, я бы...

– Что? Договаривайте, Андрович. Договаривайте, что собирались сказать.

– Думаете, я сидел бы здесь и играл бы тихого лопуха-мужа с этой дрянью? Думаете, я стал бы выслушивать день и ночь это сюсюканье: "Карл, дорогой, вернемся в Атланту, Карл". Думаете, я стал бы терпеть всю эту чушь, если бы знал, где Бабблз? – не выдержал Андрович.

– И что бы вы тогда сделали?

– Я был бы с ней, черт! Где, по-вашему, я провел месяц?

– Где?

– Искал ее. Обыскивал город, каждый у-у-угол. Знаете, какой большой это город.

– Немного.

– О'кей. Я прочесывал его, словно искал иголку в стоге сена. И я ее не нашел. А если я не сумел ее найти, значит, ее здесь нет. Можете мне поверить, я обыскал все. Я бывал в таких местах, о которых вы даже не слышали. Она уехала.

– Она много для вас значила?

– Да, много.

Карелла смотрел на замолчавшего Карла Андровича.

– О чем вы тогда с ней говорили, Карл? – мягко спросил он.

– Мы строили планы, – ответил Андрович до смешного низким голосом. Тик внезапно прекратился, заикание исчезло. Моряк не смотрел на детективов. Он разглядывал свои большие руки, лежащие на коленях. – Какие планы?

– Мы собирались вместе уехать.

– Куда?

– В Майами.

– Почему в Майами?

– Барбара знала там местечко, куда можно устроиться. В одном клубе. К тому же, Майами – большой порт. Не такой огромный, конечно, как наш город, но достаточно большой, чтобы я всегда мог найти там работу. Мы думали, что Майами – подходящее для нас место.

– Когда вы собирались уехать?

– В Валентинов день.

– Почему именно в Валентинов день?

– Мой корабль отплыл четырнадцатого. Поэтому нам показалось, что Валентинов день отлично подходит. Мэг подумала бы, что я в Южной Америке.

– Но вам помешал капитан? Он позвонил домой, чтобы узнать, где вы.

– Да. И Мэг обратилась в полицию.

– Почему вы не поехали в Майами, Карл? Что случилось?

– Она не пришла.

– Кто, Бабблз?

– Да. Я все утро просидел на железнодорожном вокзале. Потом позвонил ей, но ответила проклятая телефонистка. Я звонил весь день, но трубку все время брала она, чтоб ей провалиться! Тогда я отправился в "Короля и королеву". Бармен сказал, что ее нет на работе уже два дня. После этого я начал ее искать.

– Вы собирались жениться на ней, Карл?

– Жениться? – удивился Андрович. – Как я мог на ней жениться, если я уже женат? У нас многоженство запрещено.

– Тогда что вы собирались делать?

– Просто развлекаться и все. Я молодой парень. Я заслуживаю немного развлечений. Майами как раз подходящий городок для отдыха.

– Вы не думаете, что она могла уехать в Майами без вас?

– Не думаю. Я позвонил в майамский клуб. Там сказали, что она не появлялась. Кроме того, зачем ей это делать?

– Женщины нередко совершают смешные и непонятные поступки.

– Только не Бабблз, – возразил Андрович.

– Надо бы позвонить майамским копам, – предложил Коттон Хоуз. – И не мешало бы послать по телетайпу запрос в Канзас-Сити, как ты думаешь?

– Ага. – Карелла смотрел на Андровича. – Так вы считаете, что ее здесь нет? По-вашему, она уехала из города?

– Больше я придумать ничего не смог. Я искал везде. Ее нет в городе. Это невозможно.

– Может, она прячется? – сказал Карелла. – Что, если она что-то натворила и не хочет, чтобы ее нашли?

– Бабблз? Бабблз, нет. Она ничего не могла натворить.

– Когда-нибудь слышали о Майке Чипарадано?

– Нет. Кто это?

– Барабанщик.

– Впервые слышу.

– Бабблз никогда о нем не говорила?

– Нет. Послушайте, единственное, что я вам могу сказать, – ее нет в городе, просто нет. Ни один человек не мог бы так здорово спрятаться.

– Может, вы правы, – произнес Стив Карелла. – И все же она здесь.

– Если она не живет дома и не прячется, то, значит, она

уехала. Какой смысл ей оставаться. Разве может быть третье?

– Может, – ответил Карелла.

Глава 13

В четверг дождь прекратился, но, похоже, никто этого не заметил.

Странно, последние девять дней лил дождь, и все говорили о дожде. Шутили, что пора строить ковчеги и что дождь уничтожит весь ремень. Невозможно было за последние полторы недели сделать и шага, чтобы не услышать что-нибудь о дожде.

Утром выглянуло солнышко. Появление солнца не сопровождалось звуками фанфар и труб. Ни одна из ежедневных газет не поместила сообщение об этом знаменательном событии с аршинными заголовками. Просто закончился дождь, просто выглянуло солнце, и продолжали заниматься своими делами, словно ничего не произошло. Дождь лил так долго, что стал напоминать надоедливого родственника, который все обещает уехать, но никак не уезжает. Наконец, этот родственник уехал, но так же, как большинство других событий, которых ждут с таким нетерпением, этот отъезд в конце концов не вызвал восторга. Всем стало даже немного грустно. Не обошли эти настроения стороной и фараонов 87-го участка. Несмотря на то, что копы, естественно, не очень любили дождь, так как их работа в основном проходит на открытом воздухе, они не приветствовали и солнце с каким-нибудь заметным энтузиазмом.

Детективы разослали запросы по телетайпу в Майами и Канзас-Сити и получили ответы, в которых говорилось, что в данный момент Барбара Бабблз Цезарь не процветает ни в одном из стриптиз-клубов.

Проверить все автобусные и железнодорожные компании оказалось невозможным, но авиакомпании, обслуживающие Майами и Канзас-Сити, помогли выяснить, что ни Бабблз Цезарь, ни Майк Чипарадано в прошлом месяце билетов не покупали.

В четверг днем из ФБР прислали фотокопию послужного списка Майка Чипарадано.

Майк Чипарадано родился двадцать три года назад в Риверхеде. Он был белым и, несомненно, относился к представителям мужского пола. Рост – шесть футов три дюйма, вес – сто восемьдесят пять фунтов. Глаза голубые, волосы каштановые. Когда началась корейская война, Майку было только тринадцать, когда закончилась – шестнадцать, так что ему повезло. С июля 1956-го он отслужил два года в военно-морском флоте. Майк Чипарадано провел всю службу, за исключением курса начальной подготовки, на базе на Великих озерах и в Майами. После увольнения в 58-м он вернулся в Изолу. В карточке было подчеркнуто, что Майк пользовался авторитетом и уважением. Об этом говорил и тот факт, что дорогу на родину ему оплатил ВМФ. Прилагались фотокопии отпечатков пальцев, которые, правда, ничего не стоили, так как кончики пальцев на отсеченных кистях были изрезаны в

ключья. Группа крови Майка Чипарадано – O.

Изучив внимательно информацию, Стив Карелла отправился домой к жене.

Тедди Карелла была глухонемой.

Несмотря на небольшой рост, ей удавалось производить впечатление высокой женщины. Тедди, брюнетка с карими глазами, имела фигуру, которая даже после рождения близнецов вызывала восхищенные возгласы на улице, хотя Тедди, к несчастью, не могла их слышать.

Близнецы – Марк и Эйприл родились в воскресенье 22 июня вечером. Карелла запомнил точную дату не только потому, что в тот день ему подарили двух очаровательных детишек, но еще и потому, что 22 июня его сестра Анджела вышла замуж. Свадьба вышла очень шумной – пьяный снайпер попытался застрелить жениха. К счастью, жених выжил, а Анджела менее чем через год после свадьбы была уже беременна.

Любая мать, которая пыталась справиться с одним ребенком, несомненно, признает, что с близнецами вдвое больше трудностей. Если не вчетверо.

Когда Стив Карелла узнал, что его жена беременна, он не стал прыгать от радости, потому что Тедди была глухонемой. Не окажутся ли такими же дети? Его заверили, что этот дефект не передается по наследству и что, по всей вероятности, Тедди, здоровая в других отношениях, родит здорового ребенка. Позже он стыдился своих сомнений. По прав-

де говоря, Стив Карелла никогда не считал Тедди неполноценной. Для него она являлась самой желанной и прекрасной женщиной на земле. Ее глаза, лицо говорили ему больше, чем имелось слов в языках ста народов. А когда говорил он, Тедди слышала лучше, чем ушами, слушала всем своим существом. Он чувствовал перед женой некоторую вину за прежние переживания, вину, которая с приближением родов уменьшалась и уменьшалась.

Карелла не ожидал рождения близнецов. Когда ему сообщили о появлении на свет мальчика и девочки – мальчика, весящего шесть фунтов четыре унции, и девочки, которая оказалась на две унции легче брата, – все его страхи и сомнения вернулись. Страхи особенно усилились после посещения родильного дома на следующее утро. Акушерка сказала, что во время родов первенец, Марк, сломал ключицу и что его поместили в "инкубатор", пока ключица не срастется.

Очевидно, роды прошли не совсем гладко, так как Марк храбро послужил примером для сестры, у которой тоже оказалась сломанной ключица. Позже, правда, выяснилось, что это не перелом, а просто ключица была с трещиной и быстро срослась.

Через десять дней детей принесли домой. Несмотря на их потрясающее здоровье, Карелла продолжал беспокоиться.

– Как мы будем растить их? – спрашивал он себя. – Как Тедди будет их кормить? Как они будут учиться говорить? Ведь дети учатся говорить, повторяя. О, господи, что же им

делать?

Сначала пришлось поменять жилье. Квартира в Риверхерде на Дармутс Роуд, казалось, как-то сжалась, когда в ней появились близнецы с нянькой. Няню "подарил" отец Тедди. Она должна была работать месяц, и таким образом это была месячная отсрочка для Тедди от всех прелестей ведения хозяйства.

Нянька была замечательной пятидесятилетней женщиной с голубыми глазами по имени Фанни. Она носила пенсне, весила сто пятьдесят фунтов и руководила домом, как сержант в армии. Фанни сразу же полюбила Кареллу и его семью. Любовь к близнецам включила в себя и такие проявления чувств, как вышивка на двух наволочках их имен, что не входило в обязанности няни.

Все выходные Кареллы теперь проводили в поисках дома. Тогда Стив Карелла еще был детективом второй степени, и его жалованье после вычета различных налогов составляло 5555 долларов в год. Не так уж много. Им удалось скопить две тысячи баков. Стив и Тедди быстро обнаружили, что этой мизерной суммы едва ли хватит даже на косилку, не говоря уже о доме. Впервые в жизни Карелла почувствовал себя неспособным обеспечить семью, неполноценным человеком. Подарив миру двух прекрасных детей, он оказался перед мрачной перспективой. Стив Карелла не может обеспечить свою семью подходящим жильем и необходимыми вещами. Но в этот момент им страшно повезло.

Они нашли дом, который можно было купить, заплатив только налоги, которые, правда, достигали десяти тысяч долларов. Дом оказался огромным ворчливым чудовищем в Риверхерде рядом с Доннеган Блафф, в котором в добрые старые дни, наверное, жила большая семья с целой армией слуг. Сейчас наступили плохие времена, и, принимая во внимание то, что сейчас прислуга и уголь обходятся недешево, этот белый слон никого, за исключением Стива, не интересовал. Им удалось получить заем в банке (там, по-видимому, считали государственного служащего подходящим клиентом), и меньше чем через месяц после рождения близнецов они уже жили в доме, который доставил бы Чарльзу Адамсу экстазическую радость.

Примерно в это же время им повезло во второй раз. У Фанни, которая помогла Кареллам переехать и обжиться в новом доме, кончился месячный контракт. Она изучила ситуацию, в которой очутилась семья, и так и не смогла понять, как бедняжка Теодора (так сказала Фанни) сумеет сама вырастить двух детей. Она также не смогла понять, как дети научатся говорить, если они не смогут подражать матери, и как, наконец, Теодора услышит их, если они станут кричать.

Она выяснила, продолжила Фанни, что жалованье детектива составляет примерно пять тысяч в год: "Ведь вы детектив второй степени, Стив, не так ли?" И что такой оклад не сможет обеспечить им постоянную няню. В то же самое время она нисколько не сомневалась, что Карелла скоро станет

детективом первой степени: "Ведь это будет уже шесть тысяч в год, да, Стив?" До тех пор, пока Кареллы не будут в состоянии платить ей приличные деньги, она с удовольствием станет работать за жилье, питание, подрабатывая ночной няней.

Кареллы отказались наотрез.

Она опытная няня, считали Стив и Тедди. Ей придется работать практически бесплатно, в то время как она могла бы прилично зарабатывать. И кроме того, она не ломовая лошадь. Как она собирается весь день возиться с детьми и подрабатывать по ночам? Нет, они об этом и слышать не хотели. Но Фанни тоже не хотела слышать их возражений.

– Я очень сильная женщина, – заявила она. – За день я не буду сильно уставать, потому что мне будет помогать Теодора. Я очень правильно говорю по-английски. Пусть лучше уж дети подражают мне. Кроме того, мне пятьдесят три года, и у меня никогда не было своей семьи. Мне очень понравилась ваша семья, и я готова остаться. Не думай, Стив Карелла, что ты настолько силен, что сумеешь выбросить меня на улицу. Все, решено!

И действительно, все было решено.

Фанни осталась. Кареллы отгородили один угол дома для жилья и отключили в остальных комнатах отопление, чтобы сэкономить уголь. Медленно, очень медленно выплачивали они ссуду банку. Детям уже исполнился почти год, и они показывали все признаки желания подражать иногда довольно

колоритной речи своей няни. Комната Фанни находилась на втором этаже рядом с детской. Кареллы спали внизу, так что даже их сексуальной жизни после вынужденного воздержания ничего не мешало. Все было чудесно.

Иногда мужчина приходит домой поспорить. Но согласитесь, что не просто спорить с женщиной, которая не может говорить. Существует немало мужчин, которые посчитали бы такой брак настоящим раем.

Но в четверг вечером, когда небо усыпали звезды, а в воздухе чувствовался легкий весенний ветерок, Карелла шел к старинному дому с твердым намерением спорить с женой.

Тедди встретила его в дверях. Стив скользнул губами по ее щеке и вошел в дом. Тедди озадаченно посмотрела вслед мужу.

– Где Фанни? – спросил он.

Стив Карелла наблюдал за пальцами жены, которые быстро, на языке жестов, ответили, что Фанни ушла на ночь кого-то нянчить.

– А дети? – спросил он.

Тедди прочитала вопрос по губам мужа и ответила, что дети спят.

– Проголодался. Давай поужинаем.

Они вошли на кухню. Тедди подала любимое блюдо мужа – свиные отбивные. После ужина, прошедшего в урюмой атмосфере, Карелла вернулся в гостиную, включил телевизор и сел смотреть фильм о частном детективе, близ-

ком друге полицейского лейтенанта и, как минимум, восемнадцать женщин, которые принимали различные соблазнительные позы. Стив выключил телевизор, повернулся к Тедди и закричал:

– Если полицейские лейтенанты будут командовать своими детективами, как этот идиот, то воры и бандиты заполнят все улицы! Не удивительно, что ему так нужен частный детектив! Тот хоть говорит ему, что делать!

Тедди посмотрела на мужа и ничего не сказала.

– Посмотреть бы на эту парочку в реальном деле. Хотелось бы мне увидеть, как они станут работать без десятка улик, которые невозможно не заметить.

Тедди подошла к мужу и опустила на подлокотник его кресла.

– Хотел бы я посмотреть, что бы они сделали с парой чертовых отрезанных кистей! Наверное, первым делом грохнулись бы в обморок, – продолжил Карелла.

Тедди погладила ему волосы.

– Мы вернулись к Андровичу! – прокричал детектив. Стив знал, что жене все равно, кричит он или говорит шепотом, так как она читает по губам. Тем не менее он продолжал кричать:

– Мы опять занялись Андровичем. Хочешь, я расскажу, где находится следствие на данный момент?

Тедди кивнула.

– О'кей. У нас есть две кисти, которые принадлежат бе-

лomu мужчине в возрасте от 18 до 24 лет. У нас есть Дон Жуан – моряк, который тянет в постель каждую девчонку, которую видит. Бам, бам, это идет Карл Андрович, который якобы должен был уехать с танцовщицей из стриптиз-клуба по имени Бабблз Цезарь. Слушаешь?

Тедди кивнула.

– Итак, они договариваются бежать на Валентинов день, очень романтично. Шлюхи очень романтические натуры. Только эта потаскуха не пришла на вокзал, и нашему другу остается ждать ее где-то в полумраке. – Карелла увидел, как жена нахмурилась. – В чем дело? Тебе не нравится, что я называю Бабблз шлюхой. Для меня она настоящая шлюха. Она провоцировала драки в притоне, где соблазняла одновременно двух клиентов. Бабблз договорилась с Андровичем, но крутила любовь еще с барабанщиком по имени Майк Чипарадано. Как бы там ни было, она и Чипарадано исчезли в один день. От этого совпадения что-то дурно пахнет. Но это еще не все. У мисс Цезарь есть агент, Чарли Тюдор, который просто млеет, когда говорит о ней. Мне кажется, она заигрывала одновременно с несколькими мужчинами. Если это, по-твоему, не шлюха, то, по крайней мере, она недалеко ушла.

Детектив наблюдал за пальцами Тедди.

Он прервал ее, закричав:

– Что ты хочешь этим сказать, может, она просто добрая женщина? Мы знаем, что она спала с моряком. Возможно,

она спала и с барабанщиком, и агентом. Все здоровые мужики! Видите ли, ей не нравятся коротышки. Шлюха...

– Барабанщик и агент только твое предположение, – сказала Тедди руками. – Наверняка вам известно только о моряке.

– Мне не нужны никакие доказательства. Я эту Бабблз Цезарь вижу насквозь!

– А я думала, что детективам требуются доказательства.

– Ты путаешь меня с адвокатом, который никогда не задаст вопрос, если заранее не уверен в ответе. Я не адвокат, я коп. Я должен задавать вопросы...

– Так задавай их и перестань считать всех танцовщиц стриптиз-клубов...

Стив Карелла прервал жену ревом, который едва не разбудил детей.

– Считать! Кто считает? – ревел он, наконец-то по-настоящему втянувшись в спор, которого искал с момента прихода домой. Это был интересный спор, в котором наполненные словами руки Тедди двигались хладнокровно, как-то непринужденно, в то время как Стив Карелла орал и брызгал слюной. – Что же еще должна сделать женщина, чтобы я мог считать ее дрянью? Да, она, наверное, грохнула этого Чипарадано и не успокоится до тех пор, пока не рассует его руки, ноги, сердце, печень в маленькие бумажные пакетики и не разбросает их по всему городу! Я не удивлюсь, если она отрежет...

– Не будь циником, Стив, – предупредили его руки Тедди.

– Где она, черт бы ее побрал? Я хотел бы знать, куда она подевалась? – чуть спокойнее спросил Карелла. – И где Чипарадано? И чьи те чертовы кисти? И где остальное тело? И, наконец, где мотив? Ведь должен же быть мотив! Не убивают же люди просто так.

– Ты детектив. Ты мне и скажи.

– Мотив есть всегда, – убежденно повторил Стив Карелла. – Это точно. Черт, если бы мы знали больше. Уехала ли Бабблз с Чипарадано? Бросила ли она моряка из-за барабанщика? Не надоел ли ей этот барабанщик, и не избавилась ли она от него? Дальше, зачем отрезать кисти, и где остальное тело? Если это не его кисти, то чьи? А может, Бабблз и Чипарадано вообще не имеют никакого отношения к кистям? Может, мы опять на ложном пути? О господи, как жаль, что я не сапожник!

– Ты не хочешь быть сапожником, – заявила Тедди.

– Только не рассказывай мне, чего я хочу, а чего нет. Ты самая большая спорщица, какую я встречал в жизни. Поцелуй меня, пока мы не начали всерьез. Ты ведь ждала скандала с той самой минуты, как я пришел домой. Тедди улыбнулась и обняла мужа.

Глава 14

На следующий день у Стива Кареллы произошла та самая стычка, которую он так искал накануне.

Как это ни странно, стычка произошла с другим копом.

Это было тем более странно, потому что Карелла отличался довольно спокойным характером. Он понимал, что портить отношения с коллегами не следует. Полицейский в своей работе должен в большой мере полагаться на помощь коллег. Стиву Карелле всегда раньше удавалось избегать подобных столкновений. Так что можно было предположить, что это "дело кистей", как его стали называть, вызвало у него нервный срыв.

Стычка произошла рано утром. Это было одно из тех столкновений, которые достигают апогея без видимых причин, как летняя гроза внезапно затемняет улицы ливнем.

Карелла звонил Тэффи Смит, третьей соседке Барбары Цезарь. Ему начинало казаться, что это проклятое дело напоминает телевизионные похождения знаменитого частного детектива, на которого со всех сторон набрасывались роскошные красотки. Он не очень возражал против женской красоты. Все же лучше было иметь дело с ними, чем расследовать дело в доме для престарелых. В то же время все эти девочки, похоже, вели в никуда. Наверное, эта мысль особенно досаждала Карелле в то утро, и, вероятно, именно она

вызвала столкновение.

За соседним столом Эрнандес печатал рапорт. Через за-
решеченные окна просачивался солнечный свет, отбрасывая
тень на дверь. Кто-то включил электрический вентилятор, не
потому, что было действительно жарко, а из-за солнца. Про-
сто после долгого дождя оно вызвало иллюзию жары. Дверь
в кабинет лейтенанта Бернса была приоткрыта.

– Мисс Смит? – спросил детектив Карелла.

– Да. Кто это?

– Детектив Карелла из 87-го участка.

– О господи, – пробормотала Тэффи Смит.

– Мисс Смит, мы хотели бы поговорить с вами о вашей
пропавшей подруге Бабблз Цезарь. Можно сегодня к вам за-
ехать?

– О, я не знаю. У меня сегодня репетиция.

– Во сколько, мисс Смит? – В одиннадцать.

– И когда закончится?

– Ну.., трудно сказать. Иногда они тянутся целый день.
Надеюсь, что сегодня мы закончим быстро. Вчера мы очень
напряженно поработали.

– Назовите время хотя бы приблизительно, – попросил
Карелла.

– Ну, где-то в три часа, но я не уверена. Хорошо, в три.
Только позвоните около трех, перед тем как выезжать, о'кей?
Если я задержусь или еще что-нибудь, я оставлю послание
телефонистке. О'кей? Согласны?

– Отлично.

– Или, если хотите, я оставлю ключ. Тогда вы сможете сделать себе кофе. Хотите? – спросила мисс Смит.

– Нет. Так будет лучше.

– О'кей. Значит, до трех.

– Прекрасно, – ответил Стив Карелла.

– Только позвоните обязательно перед выездом, хорошо? И., если я не успею, я оставлю послание. О'кей?

– Спасибо, мисс Смит, – поблагодарил детектив и положил трубку.

В комнату детективов вошел Энди Паркер и швырнул шляпу на стол.

– Ну и денек, ребята, – проворчал он. – Передавали, что будет 21 градус. Можете себе представить? Это в марте-то? Наверное, дождь вымыл всю зиму из города.

– Наверное, – согласился Карелла. Он записал время свидания с Тэффи в блокнот и отметил, что перед выездом в 2.30 нужно будет позвонить ей.

– У вас дома какая погода, Чико? – спросил Паркер у Эрнандеса.

Фрэнки Эрнандес печатал и не мог слышать, что сказал Паркер. Он перестал печатать и спросил:

– Что? Ты со мной говоришь, Энди?

– Угу. Я сказал, что у тебя дома такая же погода.

– Дома? – переспросил Эрнандес. – Ты имеешь в виду Пуэрто-Рико?

– Конечно.

– Я родился здесь, – сообщил Фрэнки Эрнандес.

– Конечно, знаю, – кивнул Паркер. – Все пуэрториканцы говорят, что они родились здесь. Послушать их, так на Пуэрто-Рико вообще никто не рождается. Послушать вас, так нет даже острова, который называют Пуэрто-Рико.

– Это не правда, Энди, – мягко возразил Эрнандес. – Большинство пуэрториканцев очень гордятся своей родиной.

– Но только не ты! Ты же отрицаешь, что родился на Пуэрто-Рико?

– Я родился здесь, – сказал Фрэнки Эрнандес и продолжил печатать.

Эрнандес не рассердился, и Паркер, судя по его внешнему виду, тоже не рассердился. Карелла не обратил особого внимания на перепалку. Он составлял список телефонных звонков, которые они с Коттоном Хоузом должны сегодня сделать. Когда Паркер заговорил опять, Стив Карелла даже не поднял голову.

– И это делает тебя американцем, да, Чико? – начал Паркер. Эрнандес оторвался от машинки.

– Ты со мной говоришь?

– Да, с тобой, Чико, – ответил Паркер. – Поразительно, как это вы все не слышите, чего не хотите...

– Хватит, Энди, – неожиданно вмешался Карелла.

– Что это с тобой, черт подери? – Паркер повернулся к

Карелле.

– Перестань. Ты мне мешаешь в моей комнате.

– С каких пор, черт побери, она стала твоей?

– Сегодня я сижу на телефоне, а ты вообще выходной. Так что пойди проветришь. Если хочешь, поищи ссору на улице.

– С каких это пор ты стал защитником угнетенных? – саркастическим тоном поинтересовался Энди Паркер.

– С этой самой минуты, – ответил Стив Карелла и вскочил на ноги.

– Да?

– Да.

– Можешь засунуть тогда это себе...

И Стив Карелла ударил.

До последней доли секунды он не собирался наносить удар, до того момента, когда его кулак, встретившись с челюстью Паркера, отбросил того к стене. Карелла знал, что он зря ударил Паркера, но он знал и то, что ему не хочется сидеть и слушать, как в такое прекрасное утро на Эрнандеса льют помои. "И все же, – сказал себе Карелла, – зря я его ударил".

Энди Паркер не произнес ни слова. Он оттолкнулся от стены и бросился на Кареллу, который нанес удар правой в живот. Когда Паркер согнулся, Стив Карелла ударил его по шее. Энди Паркер упал на стол.

Паркер поднялся и уставился на Кареллу с уважением и злобой. На долю секунды он словно забыл, что Стив Карел-

ла такой же опытный и тренированный противник, как и он сам. Он забыл, что Карелла мог драться честно и нечестно, в зависимости от ситуации. Ситуации обычно вызывали нечестные драки, и это стало их второй натурой.

– Я тебе все кости переломаю, Стив, – сказал Энди Паркер. В его голосе слышался упрек, как у отца разговаривающего с напроказничавшим сыном.

Он сделал ложный замах левой и, когда Карелла отпрянул в сторону, ударил справа Стива прямо в нос. Карелла быстро дотронулся до носа и увидел кровь.

– Перестаньте, вы, психи! – закричал Фрэнки Эрнандес, вскочив между ними. – У шефа дверь открыта. Хотите, чтобы он вышел?

– Конечно, Стиви, тебе же наплевать? Вы же с шефом дружки!

Карелла опустил кулаки и дрожащим от ярости голосом сказал:

– Закончим как-нибудь в другой раз, Энди.

– Можешь быть уверен. – И Энди Паркер вылетел из комнаты.

Стив Карелла вытащил из заднего кармана платок и приложил к носу. Эрнандес положил ему на затылок холодный ключ.

– Спасибо, Стив.

– Не стоит, – отозвался Карелла.

– Не стоило беспокоиться. Я привык к Энди.

– Зато я не привык.

– Все равно спасибо.

В комнату детективов вошел Коттон Хоуз. Увидев окровавленный платок в руках Кареллы, он бросил быстрый взгляд на дверь в кабинет лейтенанта и спросил шепотом:

– Что случилось?

– Ничего, просто я увидел красную тряпку, – ответил Карелла.

Хоуз еще раз взглянул на платок.

– По-моему, ты до сих пор ее видишь, – сказал он.

Тэффи Смитт оказалась ни пышной, ни высокой, ни даже хорошенькой. Это была крошечная, по-воробьиному щуплая девушка с волосами пепельного цвета. Нос усеивали веснушки, из-за смешных очков смотрели самые блестящие голубые глаза, какие видели Карелла и Хоуз.

Очевидно, в ее мании варить кофе было нечто фрейдовское. Наверное, в детстве она часто видела, как мать колотит отца кофейником. Или, может, кофейник опрокинулся и ошпарил ее. Возможно, Тэффи воспитала тетка-тиран из Бразилии, где, как поется в песне, кофейные зерна превращаются в денежки. В любом случае она отправилась на кухню и быстро поставила кофейник на огонь, пока детективы сидели в гостиной. Сиамский кот, узнав Хоуза, подошел к нему и принялся тереться о ноги с идиотским мяуканьем.

– Знакомый? – удивился Карелла.

– Я его как-то накормил.

В гостиную вернулась Тэффи Смит.

– Черт, как я устала после репетиции, – пожаловалась она.

– Мы ставим "Детективную историю". Я играю воровку.

Можете мне поверить, это довольно утомительная роль.

– Как вам нравится жить с танцовщицами из стриптиз-клуба? – спросил Хоуз.

– Очень нравится, – ответила Тэффи. – Что плохого в стриптизе? Они отличные девочки. Я уже давно сижу без работы. Кто-то же должен платить за квартиру. Они молодцы, когда дело касается денег.

– Они? – переспросил Карелла.

– Барбара и Мэрла, – пояснила девушка. – Конечно, сейчас Барбара уехала. Вы же знаете. Послушайте, как выглядит эта "форма Б"?

– Что? – не понял Стив Карелла.

– "Форма Б", у нас в пьесе. Действие происходит в комнате детективов. Знаете такую?

– Да, знаю.

– Ну так вот. Там говорится о "форме Б", и наш реквизитор с ума сходит, пытаюсь выяснить, как она выглядит. Не можете подарить одну?

– Ну..., нам не разрешают дарить официальные документы, – с сомнением произнес Хоуз.

– О, а я и не знала! – Тэффи замолчала. – Но у нас есть настоящие наручники. Их ведь тоже нельзя выдавать?

– Да, нельзя. Где вы их взяли?

– Один парень раньше работал копом. У него остались связи, – подмигнула девушка.

– Может, мы сумеем достать вам "форму Б", – пообещал Карелла. – Если вы никому не скажете, где ее достали.

– Было бы прелестно! – воскликнула Тэффи Смит.

– А теперь давайте вернемся к вашей сожительнице Барбаре. Вы сказали, что с ней прекрасно жить? Она вам порой не казалась дикой?

– Дикой?

– Да.

– Вы хотите сказать, не была ли она посуду? Что-нибудь в этом роде?

– Нет, я имею в виду мужчин.

– Барбара? Дикая?

– Да. Она здесь развлекалась со многими мужчинами.

– Барбара? – Тэффи заразительно ухмыльнулась. – За все время, пока я здесь живу, она ни разу не приводила мужчин сюда на квартиру.

– Но ей звонили по телефону?

– Конечно.

– И никто из них сюда не приходил?

– Я никого не видела. Извините, кофе. Девушка вышла на кухню и быстро вернулась с кофейником и тремя бумажными стаканчиками.

– Вам придется пить из бумажных стаканчиков. Мы стараемся, чтобы было поменьше посуды для мытья. Обычно у

нас каждый вечер собирается компания выпить кофе. Ребята, которые любят поговорить или просто посидеть в удобном кресле. У нас прекрасная квартира, вы не находите?

– Да, – согласился Карелла.

– Я люблю варить кофе, – заявила Тэффи Смит. – Эта привычка у меня возникла во время первого замужества. Я думала, что высшее предназначение брака заключается в том, что вы можете выпить чашку кофе в собственном доме, когда захотите. – Девушка еще раз улыбнулась. – Наверное, поэтому я сейчас разведена. Женидьба – это значительно больше, чем чашка кофе. Как бы там ни было, я люблю варить кофе.

Тэффи разлила напиток, отнесла на кухню кофейник и вернулась со сливками, сахаром и ложечками.

– На этих полуночных собраниях, где вы делаете кофе... Барбара тоже присутствовала? – спросил Карелла.

– О, конечно.

– И она вела себя дружелюбно?

– Да.

– Но Барбара никогда не приводила сюда мужчин?

– Никогда.

– Никогда здесь ни с кем не развлекалась?

– Нет. Видите ли, у нас только три комнаты – кухня, гостиная и спальня. В спальне две кровати. Этот диван тоже раскладывается в кровать. Так что всего у нас три кровати. Приходится поэтому крутить любовь по расписанию. Если

кто-то из девочек думает пригласить своего друга на стаканчик, гостиная должна быть свободна. Вообще-то это не такая уж сложная задача, потому что Барбара никого не водила. Беспokoиться приходилось нам с Мэрлой.

– Но Барбара встречалась с мужчинами?

– Естественно. И не с одним.

– И если ей хотелось пригласить кого-нибудь выпить, она не делала этого, правильно?

– Правильно. Еще кофе?

– Нет, спасибо, – отказался Хоуз. Он успел сделать только один глоток.

– Тогда куда же она их водила? – не выдержал Стив Карелла.

– Прошу прощения?

– Своих друзей? Куда она с ними ходила?

– О, куда угодно. В клубы, театры, везде, куда они ее приглашали, – объяснила девушка.

– Нет. Я спрашивал, куда они шли, если хотели выпить?

– Может, она ходила к ним.

– Она не могла ходить к Андровичу, – заявил Карелла.

– Что вы сказали? – не поняла Тэффи Смит.

– В городе полно отелей, Стив, – предложил Хоуз.

– Да, – согласился Стив Карелла. – Мисс Смит, Барбара никогда не говорила о другой квартире?

– О другой квартире? Зачем ей нужна вторая квартира? Вы знаете, сколько стоит квартира в этом городе? – поинте-

ресовалась девушка.

– Знаю. Но, может, она что-нибудь говорила?

– Мне нет. Зачем ей другая квартира?

– Очевидно, мисс Смит, Барбара встречалась с несколькими мужчинами и была.., в довольно дружеских отношениях с ними. Квартира, которую она делила с двумя другими девушками, могла бы.., ну, каким-то образом ограничить ее свободу.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – медленно произнесла Тэффи. Несколько секунд она что-то обдумывала и наконец спросила:

– Вы говорите о Барбаре Бабблз?

– Да.

– Никогда не думала, что она сходит с ума по мужчинам. – Девушка пожалала плечами. – Мне казалось, она ими совсем не интересуется.

– В тот день, когда Барбара исчезла, она собиралась уехать с одним из них, – пояснил Стив Карелла. – Возможно, что она исчезла не с ним, а с другим.

– Барбара? – не поверила девушка. – Бабблз?

– Да, Барбара, Бабблз. Можно воспользоваться вашим телефоном, мисс Смит?

– Пожалуйста. Можете звонить по этому. В спальне стоит параллельный. Извините, там не убрано. Моя подруга такая неряха.

Стив Карелла пошел в спальню.

– Мэрла мне о вас рассказывала, – прошептала Тэффи.

– Да? – спросил Коттон Хоуз.

– Да. Вы собираетесь позвонить ей?

– Не знаю. Нужно сначала распутать это дело.

– Конечно, – согласилась Тэффи Смит. – Мэрла прекрас-

ная девушка.

– Да, она производит впечатление прекрасной девушки. –

Хоуз почувствовал себя очень неловко.

– Вы работаете по ночам? – поинтересовалась актриса.

– Иногда.

– Когда будете свободны, загляните на чашечку кофе.

– Хорошо. Может, зайду.

– Отлично. – Тэффи улыбнулась. В гостиную вернулся

Стив Карелла.

– Звонил Карлу Андровичу. Думал, может, он скажет, бы-

ла ли у Барбары вторая квартира.

– Ну и как?

– Сегодня утром он уплыл в Японию, – ответил Карелла.

Глава 15

Существует теория, что все большие города обладают феноменом "пяти часов". Причем данная теория относится только к большим городам. Если вы выросли в маленьком городке, вам не узнать этот феномен. Если вы выросли в одном из тех городов, которые, притворяясь большими, на самом деле являются всего лишь переросшими малышами, вы видели только имитацию большого города в "пять часов".

Понимаете, большой город можно сравнить только с женщиной. Маленький городишко может быть соседской девочкой, стариком в кресле-качалке или долговязым юнцом, выросшим из своих брюк. Только большой город может быть женщиной. И так же, как женщина, он способен вызвать любовь и ненависть, уважение и презрение, страсть и безразличие.

Это всегда одна и та же женщина, но какая она многоликая! Если вы родились в одном из его домов, если вам знакомы его улицы и настроения, значит, вы любите эту женщину. Эту любовь невозможно контролировать. Она с вами с того мгновения, как вы вдохнули воздух, в котором смешались аромат цветущих вишен и двуокись углерода, духи и свежий запах весеннего дождя, воздуха, в котором находится что-то такое, что нельзя увидеть или представить. Само ощущение городского воздуха, жизни, которую вы вдыхаете в легкие,

впитываете в свое тело, и есть большой город.

Еще город – это лабиринт улиц, на которых вы учились ходить, потрескавшийся бетон, липкий асфальт, сотни тысяч углов, за которыми поджидают сотни миллионов сюрпризов. Это город, и он улыбается, плачет, манит. Его улицы иногда чисты, а иногда на них слышится шорох летящих газет, которые мчатся по этим улицам в ритме его сердца. Вы смотрите на него и не можете наглядеться – так много в нем достойного внимания, запоминающегося, мириады фактов для сокровищницы памяти. И вы любите все, что видите, потому что город не может поступить не правильно – ведь это ваша любимая женщина.

Вы помните каждое тончайшее настроение, отражающееся на ее лице, запоминаете ее глаза, то испуганные, то нежные, то плачущие. Вы запоминаете ее смеющийся рот, развевающиеся волосы, жилку, пульсирующую на горле. Это не мимолетное чувство, потому что она с вами всегда так же, как отпечатки ваших пальцев.

Вы влипли.

Вы влипли, потому что эта женщина может менять свои лица, как перчатки, она даже может менять свое тело. Теплое и мягкое, внезапно оно превращается в холодное и бессердечное. И, несмотря на всю ее ветреность и непостоянство, вы все же любите ее. Вы будете любить ее вечно, независимо от того, кто предъявляет на нее права. Она все тот же город, который вы видите невинными глазами юности, она – ваша.

В пять часов она надевает другое лицо, которое нравится вам так же, как предыдущее. Вы любите все, что связано с ней – и роскошные наряды, и лохмотья. Это абсолютная любовь. В пять часов пустынные улицы неожиданно оживают. Целый день эта женщина томится в пыльной гостиной, и вот в пять часов она выходит на улицу, и вы ждете, ждете ее, чтобы заключить в свои объятия. В ее походке ощущается и упругость, и скрытая усталость. Она воплощает образ прошлого и настоящего, настоящего на предощущении будущего. На горизонте собираются сумерки, нежно лаская саблевидные небоскребы. Звезды ждут своего часа, чтобы вымыть улицы серебристым светом. Огни города с нетерпением ждут минуты, когда они наденут на ее руки браслеты, на шею – ожерелье, увешают ее миллионом роскошных украшений. Вы слушаете поспешный стук ее туфелек на шпильке. Издали доносится ворчание саксофона. Издали потому, что еще пять часов, а настоящая музыка начинается позже. Ворчание саксофона доносится пока из глубины ее горла. Сейчас на какое-то мгновение достаются высокие стаканы для коктейлей и раздается приглушенный шум разговоров и легкий смех, плывущий в воздухе, словно звон разбитого стекла. И вы сидите рядом с ней, и вы заглядываете ей в глаза, многозначительные и глубокие, и вы ловите каждое ее слово. Вы хотите знать, кто она и чем занимается, но вы никогда не узнаете этого. Вы будете любить эту женщину до самой смерти, и вы никогда так и не узнаете ее, даже не при-

близитесь к этому знанию.

Ваша любовь – это редкое чувство, граничащее с патристическим рвением. Потому что в этом городе, в этой женщине, в этой чудесной и сверкающей, нежной и бессердечной, мягкой и жестокой леди живет голос народа. Если вы родились и выросли в этом городе, вы будете думать о своей стране только как о гигантском мегаполисе. У вашего народа не существует маленьких городов, нет волнующихся нив, гор, озер, морских берегов. Для вас существует только этот город. Он ваша женщина. Ваша любовь слепа.

Двое влюбленных в свой город мужчин, детективы Стив Карелла и Коттон Хоуз, влились в пять часов вечера в толпы людей, мчащихся по улицам. Они не говорили друг с другом, потому что являлись соперниками, а настоящие мужчины не обсуждают любимую женщину. Они вошли в фойе "Крео Билдинг", поднялись на лифте на восемнадцатый этаж, прошли по пустынному коридору и вошли в приемную Чарльза Тюдора.

В приемной никого не было.

Тюдор как раз запирает дверь в кабинет. Он кивнул детективам, сунул ключи в карман и направился к полицейским с протянутой рукой.

– Джентльмены, у вас есть какие-нибудь новости? Карелла пожал протянутую руку.

– Боюсь, что нет, мистер Тюдор, – ответил он. – Мы бы хотели задать вам еще несколько вопросов.

– Конечно, – согласился Тюдор. – Если вы не возражаете, поговорим здесь. Я уже запер кабинет.

– Отлично, – заметил Стив Карелла.

Все уселись на длинный диван, стоящий у стены, увешанной фотографиями полуголых девиц.

– Вы сказали, что любили Бабблз Цезарь, мистер Тюдор, – обратился к агенту Карелла. – Вы знаете, что она встречалась по крайней мере еще с одним мужчиной, а может быть, и двумя?

– Барбара? – удивился Чарльз Тюдор.

– Да. Вы это знали?

– Нет, не знал.

– Вы часто с ней встречались, мистер Тюдор? Я не имею в виду деловые встречи.

– Да, мы встречались довольно долго.

– Как часто?

– Настолько часто, как мне позволяла работа.

– Раз в неделю? Два? Еще чаще? Как часто, мистер Тюдор?

– По-моему, мы виделись в среднем раза три-четыре в неделю.

– И чем вы занимались во время этих встреч, мистер Тюдор?

– О, различными вещами. – Чарльз Тюдор слегка озадаченно пожал плечами. – Чем занимаются люди, когда встречаются? Ужин, танцы, кино, поездка за город и все такое.

Что хотели, то и делали.

– Вы с ней спали, мистер Тюдор?

– Это мое дело, – вяло ответил агент, – и Барбары.

– Оно может оказаться и нашим, мистер Тюдор. Я знаю, что это очень интимный вопрос. Мы не хотим его задавать, мистер Тюдор. Нам не нравится множество вопросов, но, к несчастью, мы вынуждены их задавать, нравится нам это или нет. Уверен, что вы нас поймете.

– Нет, боюсь, не пойму, – возразил Тюдор.

– Мы предполагаем, что вы были близки с ней.

– Можете предполагать все, что вам угодно, – ответил агент.

– Где вы живете, мистер Тюдор?

– На Блейкли-стрит.

– В Квартере?

– Да.

– Рядом с квартирой Барбары?

– Да, довольно близко.

– Вы когда-нибудь были у нее дома?

– Нет.

– Вы никогда не заезжали за ней?

– Нет.

– Но вы встречались?

– Конечно, мы встречались.

– И все же вы не были у нее дома. По-моему, это немного странно.

– Разве? Не люблю квартиры большинства работающих девочек, детектив Карелла. Когда я захожу к молодой леди, я нахожу любопытство ее подруг невыносимым. Поэтому, когда молодая леди живет не одна, я предпочитаю встречаться не у нее дома. Так мы и поступали с Барбарой.

– И очевидно, ее это вполне устраивало. Девушки, которые с ней жили, рассказывали, что никто к ней домой не приходил. Что вы об этом думаете, мистер Тюдор?

– Я не несу ответственность за чудачества Барбары, – пожал плечами Тюдор

– Естественно, нет. Барбара когда-нибудь приходила к вам?

– Нет.

– Почему?

– Я живу с отцом, – пояснил Чарльз Тюдор. – Он очень старый. Практически.., он очень болен. Я не уверен, что он бы понял Барбару или одобрил ее. Поэтому он ее никогда не видел. – Вы держали ее подальше от вашего дома, правильно?

– Правильно.

– Ясно. – Карелла задумался, затем взглянул на Хоуза.

– Где же вы целовались, мистер Тюдор? – поинтересовался Коттон Хоуз. – На заднем сиденье машины?

– Не ваше дело, – огрызнулся агент.

– Не знаете, у Барбары была другая квартира? – спросил Хоуз. – Кроме той, в которой она жила с двумя девушками.

– Если и была, то я там не был, – ответил Тюдор.

– Вы не женаты, конечно, мистер Тюдор, – сказал Карелла.

– Да, не женат.

– А были, мистер Тюдор?

– Да.

– А сейчас как? Развелись?

– Уже давно, детектив Карелла. Минимум пятнадцать лет назад.

– Как звали вашу бывшую жену, мистер Тюдор?

– Тони Тэвер. Она актриса, и неплохая.

– Она живет в нашем городе?

– Не знаю. Мы расстались пятнадцать лет назад. Лет восемь назад я как-то наткнулся на нее в Филадельфии. С тех пор я ее никогда не видел и не горел желанием увидеть.

– Вы платите алименты, мистер Тюдор?

– Она отказалась. У нее есть деньги.

– Она знает о вас и Барбаре?

– Не знаю. Поверьте, ей все равно, что я делаю.

– Гм, – промычал Стив Карелла. – Значит, вы не знали, что Барбара встречалась еще с двумя парнями?

– Нет.

– Но конечно же, если вы встречались, то она должна была время от времени отказываться от свиданий, ссылаясь на занятость по вечерам. Вы никогда не спрашивали, чем она занята? Вам не хотелось это узнать?

– Я не собственник, – ответил Чарльз Тюдор.

– Но вы же любили ее.

– Да, любил и сейчас люблю.

– Ну и что вы думаете теперь, когда знаете, что она встречалась еще с двумя мужчинами, может, даже спала с обоими? Что вы сейчас скажете?

– Я.., естественно, я не рад.

– Я и не думал, что вы станете радоваться, мистер Тюдор.

Вы встречались с Карлом Андровичем?

– Нет.

– А с Майком Чипарадано?

– Нет. – Когда-нибудь были в "Короле и королеве"?

– Конечно. Я иногда заезжал за Барбарой в клуб.

– Майк работал там барабанщиком.

– В самом деле? – спросил агент.

– Да. – После короткой паузы Стив Карелла добавил:

– Похоже, он исчез, мистер Тюдор.

– Вот как?

– Да. Причем, в то же время, что и Барбара. Что вы об этом думаете?

– Не знаю, что и думать.

– Они убежали вместе?

– Не знаю.

– У вас есть черные плащ и зонт, мистер Тюдор?

– Нет. А что? Вы сказали, черный плащ?

– Да. Я сказал черный плащ.

– Нет, у меня нет черного плаща.

– Но у вас все же есть плащ?

– Да. Серое или бежевое полупальто. Знаете, такой нейтральный цвет... – ответил Тюдор.

– А зонт? У вас есть мужской зонт?

– Нет, у меня нет зонта. Терпеть не могу зонтов.

– Никогда не ходите с зонтами, да?

– Никогда.

– И вы не знаете, была ли у Барбары другая квартира, правильно?

– Правильно.

– Ну что же. Большое спасибо, мистер Тюдор, – поблагодарил Стив Карелла. – Вы нам очень помогли.

– Не за что.

В коридоре Карелла заметил:

– Что-то мне не нравится, как он себя ведет. Коттон, сядешь ему на хвост, договорились? Я вернусь в участок. Хочу проверить его бывшую жену.

– Думаешь, ревность?

– Кто знает?..

– Он же сказал...

– Конечно, но он мог не сказать ни слова правды.

– Тоже верно, – согласился Хоуз.

– Последи за ним. Буду ждать твоего звонка.

– Куда, по-твоему, он меня приведет?

– Не знаю, Коттон.

Карелла вернулся в участок. Там он выяснил, что Тони

Трэвер является довольно хорошей актрисой и что в данный момент она работает в Сарагосе, Флорида. Стив Карелла переговорил с ее агентом, который сказал, что мисс Трэвер не получает алиментов от своего бывшего мужа. Он добавил, что они с мисс Трэвер собираются пожениться. Карелла поблагодарил и положил трубку.

В восемь часов позвонил Хоуз. Он объявил, что упустил Чарльза Тюдора полчаса назад.

– Не повезло, черт побери! – закончил Коттон Хоуз.

– Да, жаль, – расстроился Карелла.

Глава 16

На следующее утро нашли одежду.

Сверток, завернутый в "Нью-Йорк Тайме", обнаружил в мусорном баке в Калм Пойнт патрульный полицейский. В главное управление позвонили потому, что на рукаве платья оказалось пятно крови. Из главного управления немедленно сообщили в 87-й участок. Одежду послали в лабораторию, где ее тщательно осмотрел Гроссман.

Кроме плаща, в свертке находился черный фланелевый костюм, черные фильдеперсовые носки и черный зонт.

Осмотр дал противоречивые результаты, о которых тут же сообщили Карелле. Стив Карелла был в замешательстве.

Во-первых, кровь на плаще принадлежала группе О, что соответствовало крови владельца кистей и Майка Чипарадано. Но после тщательного осмотра черного костюма на рукаве отыскалось еще одно маленькое кровяное пятнышко, кровь на котором принадлежала группе крови Б. Первое противоречие.

Второе несоответствие еще больше запутало все дело. На костюме нашли еще три пятна. Первое на внутренней части воротника, где шея соприкасается с тканью. Это был мужской лосьон "Страйк", предназначенный для жирных волос.

Рядом с этим пятном находилось другое пятно от лосьона "Дрэм", предназначенного против перхоти и для сухих во-

лос. Казалось странным, что и жирные, и сухие волосы могли принадлежать одному человеку. Едва ли мужчина с сухими волосами стал бы пользоваться "Страйком" и наоборот.

Третье пятно на пиджаке оставила "Скинглоу", та самая пудра, которую обнаружили в углу пассажирской сумки.

Сразу возник вопрос: кто, мужчина или женщина, носил этот чертов костюм. Карелла решил, что его все же носил мужчина, который обнимал женщину, пользующуюся "Скинглоу". Эта теория объясняла наличие последнего пятна, но не первых двух, которые явно противоречили друг другу.

Но это был не последний сюрприз. Взять, к примеру, волосы, прилипшие к костюму. Часть их оказалась тонкими и каштановыми, другие – грубыми, короткими и черными. Длинные черные волосы, скорее всего, оставила на костюме женщина, пользующаяся "Скинглоу". Судя по всему, эти мужчина и женщина страстно обнимались. Но кому принадлежали тонкие каштановые волосы? И короткие черные? Загадка на загадке.

Только один вопрос не вызвал сомнений. На пиджаке находилась этикетка: "Городская одежда".

Стив Карелла нашел магазин в телефонном справочнике. Выписав адрес и надев кобуру, он вышел из участка.

Коттон Хоуз находился где-то в городе. Рано утром он опять сел на хвост Чарльзу Тюдору.

"Городская одежда" оказалась маленьким магазинчиком,

зажатым между двумя большими. Если бы не цветная одежда в узком окне, его вполне можно было бы и не заметить. Карелла открыл дверь и очутился в длинной узкой комнатке, которая, очевидно, предназначалась для гроба на одного клиента и в которую сейчас набилось двенадцать. Все они щупали галстуки, пальто спортивного покроя, прикладывали к груди итальянские рубашки. Карелла немедленно почувствовал приступ клаустрофобии, который ему, правда, удалось подавить. Детектив попытался определить, кто из этих двенадцати является владельцем магазина. Ему пришло в голову, что тринадцать – несчастливое число, и он уже начал подумывать об уходе.

Стив Карелла пришел с большим свертком, завернутым в оберточную бумагу. От свертка в магазине, естественно, просторнее не стало. Полицейский протиснулся между двумя мужчинами, которые с восторгом обсуждали желтоватый оттенок спортивной рубашки без пуговиц.

– Извините, – пробормотал Карелла. – Извините.

Он кое-как пробрался через группу покупателей, столпившихся вокруг вешалки с галстуками. Галстуки имели разнообразные цвета, которыми шумно восторгались покупатели, а сшиты они были из индийской легкой шелковой материи.

Детектив Карелла продолжал разыскивать владельца. В конце концов рядом с ним раздался голос:

– Чем могу служить, сэр?

Вслед за голосом появился и сам его владелец, худощавый

мужчина с маньчжурской бородкой в облегающем коричневом костюме и желтом жилете, который улыбался, как сексуальный маньяк в нудистском лагере.

– Вы владелец этого магазина? – спросил Стив Карелла.

– Джеромо Джеральдс, – ответил молодой человек и улыбнулся. – Здравствуйте, мистер Джеральдс. Я...

– Что-нибудь случилось? – мгновенно встревожился Джеральдс, заметив сверток. – Что-то не подошло?

– Нет, это...

– Вы сами их покупали?

– Да нет же...

– Так вы не сами их купили?

– Нет, – ответил Карелла. – Я...

– Значит, это подарок?

– Нет. Я...

– Тогда как они к вам попали, сэр?

– Из полицейской лаборатории.

– Из поли... – Джеральдс раскрыл рот. Его рука, на которой розовым светом засверкало кольцо с кошачьим глазом, начала гладить бородку.

– Я полицейский, – объяснил Карелла.

– О!

– Да. У меня здесь кое-какая одежда. Не могли бы вы взглянуть на нее?

– Ну... – начал Джеральдс, но Карелла уже развернул сверток.

– На костюме этикетка "Городской одежды", – объяснил полицейский. – Ваш?

– Да, наш, – признался Джеромо Джеральдс, внимательно осмотрев костюм.

– А плащ? Он похож на ваш, но этикетка оторвана. Ваш Плащ?

– Что вы хотите сказать, он похож на наш?

– По стилю, – пояснил Карелла.

– А, понятно.

– Чувствуется вкус, – добавил детектив.

– Да, да, понимаю.

– И пошив очень элегантный.

– Да, это наш плащ, – наконец согласился Джеральдс.

– Теперь зонт.

– Покажите мне его, пожалуйста.

Стив Карелла протянул ему зонт, на котором висела полицейская бирка.

– Нет, зонт не наш, – отказался Джеральдс. – Мы продаем мужские зонты другого типа. Например, у нас есть зонты с ручками, сделанными из бараньих рогов. Еще мы торгуем зонтами, сделанными в форме тибетского подсвечника, который...

– Значит, это не ваш зонт?

– Нет. Вас интересуют?..

– Мне не нужны зонты, – ответил Стив Карелла. – Дождь прекратился.

– Да?

– Несколько дней назад.

– О! Здесь иногда столько народа...

– Понимаю. Вы не можете сказать, кто купил плащ и костюм?

– Будет трудно... – Джеральдс замолчал. Его рука пощупала рукав пиджака и потеряла кровавое пятно. – Кажется, на рукаве что-то есть.

– Кровь.

– Что?..

– Кровь. Это кровавое пятно. Вы продаете много таких костюмов, мистер Джеральдс?

– Кровь. Их неплохо... Кровь? – Он уставился на Кареллу.

– Их неплохо раскупают?

– Да.

– Даже этот размер?

– А какой это размер?

– Сорок второй.

– Довольно большой размер.

– Да, этот костюм носил рослый мужчина. Плащ тоже большой. Может, вспомните, кому вы их продали? У меня еще где-то здесь завалялись черные носки. Одну секунду... – Детектив вытащил носки. – Они вам знакомы?

– Да, это наши носки. Их делают в Италии. Видите, на них нет шва. Их изготавливают из...

– Значит, костюм, плащ и носки ваши. Или их владелец

ваш постоянный клиент, или он просто заглянул к вам и сразу купил всю эту одежду. Не припоминаете? Рослый мужчина, костюм сорок второго размера.

– Покажите мне костюм еще раз, пожалуйста, – попросил Джеральдс.

Карелла протянул пиджак.

– Очень ходовой размер. – Джеральдс крутил пиджак в руках. – Я не могу даже точно сказать, сколько таких мы продаем за одну неделю. Не пойму, как я могу вспомнить этого покупателя.

– Может, есть какой-нибудь номер? – с надеждой предложил детектив. – Например, на этикетке или пришит где-нибудь?

– Нет, никаких номеров, – ответил Джеральдс. Он пощупал плечи. – Правое плечо накладное, – пробормотал он и добавил:

– Странно, плечи должны быть обычными. Мы продаем фасон без накладных плеч. Естественные... – Что же означает накладное правое плечо?

– Не знаю. А может.., ну-ка подождите, подождите. Ну да, это тот самый костюм...

– Продолжайте, – обрадовался Стив Карелла.

– Тот джентльмен зашел сразу после Рождества. Высокий, хорошо сложенный и очень красивый мужчина.

– Да?

– Он.., одна нога у него была чуть короче другой – на пол-

дойма или даже на четверть. Конечно, он не хромал, но все же это было заметно. По-моему, существует немало людей, которые...

– У него были какие-нибудь отличительные приметы?

– Нет. Я его запомнил только потому, что пришлось ему правое плечо набить ватой, чтобы как-то компенсировать короткую ногу.

– И это был именно этот пиджак?

– Кажется, да.

– Кто его купил?

– Не знаю.

– Он не постоянный ваш клиент?

– Нет. Да, сейчас я вспомнил. Он купил сразу и костюм, и плащ, и несколько пар носков, и черный вязаный галстук. Да, сейчас вспомнил.

– Но вы не помните, как его звали?

– Нет, извините.

– Вы выписываете чеки?

– Да, но...

– На чек вы записываете фамилию покупателя?

– Да, но...

– Но что?

– Это было сразу после рождественских праздников, в самом начале января.

– Ну и что? – не понял Карелла.

– Мне нужно просмотреть очень много...

– Знаю.

– Я сейчас очень занят, как видите...

– Вижу.

– Сегодня у нас суббота, один из наших самых горячих дней. Боюсь, у меня нет времени...

– Мистер Джеральдс, мы расследуем убийство, – заявил Карелла.

– О!

– Надеюсь, вы выкроите время?

– Ну... – Джеральдс замялся. – Хорошо. Пройдите сюда. Владелец магазина раздвинул занавес. Вся заднюю каморку завалили огромные картонные коробки. Перед большим зеркалом мужчина в трусах натягивал джинсы.

– Здесь у нас еще и примерочная, – объяснил Джеромо Джеральдс. – Эти брюки как на вас шиты, сэр, – обратился он к полураздетому покупателю. – Сюда, пожалуйста. Вот мой стол.

Он подвел Кареллу к маленькому столу рядом с грязным зарешеченным окном.

– Январь, январь, – повторил Джеральдс. – Где же январские бумаги?

– Они мне не тесноваты? – встревоженно спросил покупатель.

– Тесноваты? – удивился владелец магазина. – Нет, что вы, сэр. Сидят отлично.

– А мне кажется, тесно. Может, я просто не привык к шта-

нам без "стрелки". Как по-вашему? – обратился человек в джинсах к Карелле.

– Мне кажется – о'кей, – ответил детектив.

– Наверное, я к ним не привык, – повторил покупатель.

– Наверное.

– Отлично сидят, – принялся убеждать Джеральдс. – Это новый цвет. Зеленоватые, даже смесь зеленого с черным.

– Я думал, они серого цвета. – Покупатель внимательно посмотрел на брюки.

– Нет, он просто похож на серый, а на самом деле зеленый с черным. В этом их прелесть, – объяснил Джеромо Джеральдс.

– Да? – Покупатель еще раз посмотрел на брюки. – Отличный цвет, – с сомнением добавил он и с минуту подумал в поисках предлога, чтобы отказаться. – Нет, они слишком тесные. – Он начал снимать джинсы. – Извините, – сказал он, запрыгав на одной ноге и врезавшись в Кареллу. – Здесь тоже немного тесновато.

– Январская папка должна лежать... – Джеральдс дотронулся указательным пальцем до виска и нахмурился. Палец, словно перст судьбы, описал в воздухе окружность и нырнул вниз на картонную папку, находящуюся в нескольких футах от стола. Владелец магазина открыл папку и стал перебирать копии чеков.

– Цвет мне нравится, но они слишком малы. – Покупатель бросил на стол джинсы и принялся натягивать свои брюки. –

Не выношу тесных штанов. А вы? – обратился он к Стиву Карелле.

– Я тоже, – ответил полицейский.

– Мне нравится, когда они просторные, – добавил мужчина.

– Нет, это февральские, – огорчился Джеромо Джеральдс. – Где же, черт возьми, эти январские чеки? Дайте-ка подумать, – палец опять коснулся виска и замер, пока на бордатеом лице не появилось озарение. Затем палец, как ракета, устремился к новой цели. Владелец магазина вытащил из второй папки кипу чеков.

– Ну вот и январь, – обрадовался он. – О боже, в начале января, после Рождества у нас была распродажа. Здесь тысячи чеков.

– Большое спасибо, – поблагодарил покупатель, натянувший свои собственные просторные брюки. – Мне нравятся просторные штаны, понимаете?

– Понимаю, – ответил Джеральдс, просматривая чеки.

– Как-нибудь еще заскочу. Я таксист. Поэтому мне нужны просторные штаны. Ведь приходится целый день сидеть на заднице.

– Я понимаю, – отозвался Джеромо Джеральдс. – Кажется, он приходил во вторую неделю января. После распродажи. Сначала посмотрю эти.

– Пока. Рад был познакомиться. – Таксист вышел из при Мерочной.

– Три рубашки по 4.50.., нет, не то. Ну и работенка! Если бы вы не были таким приятным человеком, я бы не.., плавки по.., нет.., галстуки, нет.., черный плащ, черный костюм, три пары фильдеперсовых.., наконец-то, – воскликнул Джеральдс. – Я так и думал. Десятое января.

– И как его звали?

– Фамилия должна быть наверху. Трудно прочитать – старая копирка. Не уверен, но кажется, "Чипарадано". Ну как, похоже? "Майк Чипарадано".

Глава 17

– Опять это вы? – узнала Стива Кареллу миссис Марстен, у которой жил Майк Чипарадано. – А где ваш рыжий друг?

– У него дела, – ответил Карелла. – Я хотел бы еще раз осмотреть комнату Чипарадано. Не возражаете?

– Для чего? Что-нибудь выяснилось?

– Возможно.

– Он задолжал за два месяца, – сказала владелица дома. – Идемте, я вас провожу.

Они поднялись наверх. По дороге миссис Марстен противрала поручень тряпкой. Она начала доставать ключи и вдруг замерла. Карелла тоже услышал звук и мгновенно выхватил револьвер. Детектив отодвинул женщину в сторону и прижался к стене, готовясь броситься на дверь.

– Ради бога, не ломайте дверь, – зашептала домохозяйка. – Откройте моим ключом.

Стив Карелла едва слышно повернул ключ и толкнул дверь, но та не поддавалась. За дверью детектив Карелла услышал чьи-то стремительные шаги.

– Черт! – И Карелла бросился на дверь. В центре комнаты стоял высокий мужчина с бас-барабаном в руках.

– Спокойно, Майк! – закричал Стив Карелла, и мужчина бросил в него барабан. Барабан ударил полицейского в грудь и отшвырнул на домовладелицу, которая тут же принялась

вопить:

– Я просила не ломать дверь! Почему вы не открыли ключом!

Не обращая ни малейшего внимания на револьвер, мужчина молча бросился на Кареллу. Его глаза яростно сверкали. Он нанес удар левой и уже замахнулся правой, когда Стив Карелла ткнул револьвером 38-го калибра ему в лицо, распоров щеку. Высокий мужчина отлетел назад, потерял равновесие и упал на барабан, споткнувшись об его высокий край. Неожиданно он заплакал. Из рта вырвались жалобные рыдания.

– Вы сломали его, – всхлипывал он.

– Вы Майк Чипарадано? – спросил Карелла.

– Это не он, – вмешалась миссис Марстен. – Почему вы взломали дверь? Вы все фараоны одинаковые. Неужели трудно было открыть ключом? Ведь я же вас просила.

– Я использовал ваш чертов ключ! – рассерженно ответил детектив. – Но дверь была открыта, и я просто запер ее. Вы уверены, что это не Чипарадано?

– Конечно, уверена. Как дверь могла быть открыта, если я сама ее заперла?

– Наш друг, наверное, воспользовался отмычкой, – сказал Карелла. – Ну что скажешь, Майк? – обратился он к мужчине.

– Вы сломали его, – сказал тот.

– Что сломал?

– Барабан. Вы сломали проклятый барабан.

– Это вы сломали его, – возразил детектив.

– Вы ударили меня. Если бы вы меня не ударили, я бы не споткнулся о него.

– Кто вы? Как вас зовут? Как вы сюда попали?

– Так я тебе и сказал, начальник.

– Почему вы не заперли дверь?

– Кто же мог подумать, что я сюда заявлюсь? – Что вам здесь надо? Кто вы?

– Я пришел сюда за барабанами.

– Зачем они вам?

– Чтобы заложить.

– Барабаны Майка?

– Да.

– Ладно. Кто вы?

– А вам какое дело? – окрысился незадачливый вор. – Вы сломали бас-барабан. Теперь его у меня не примут.

– Майк попросил сдать барабаны?

– Нет.

– Значит, вы хотели украсть их?

– Просто хотел одолжить на время.

– Ну конечно, так я вам и поверил. Как вас зовут?

– Раз у него пушка, он думает, что он супермен. – Взломщик дотронулся до окровавленного лица. – Вы порезали мне щеку.

– Как вас зовут? – повторил Карелла.

– Лэрри Дэниельс.

– Откуда вы знаете Чипарадано?

– Играли в одном оркестре.

– Где?

– В "Короле и королеве".

– Он ваш друг? Дэниельс пожал плечами.

– На чем вы играете?

– На тромбоне.

– Где Майк?

– Не знаю.

– Но вы знали, что его нет дома, не так ли? Иначе бы вы не пробрались сюда с помощью отмычки и не пытались украсть барабаны. Так?

– Я не крал их. Я хотел их одолжить на время. Я собирался отдать ему квитанцию.

– Почему вы хотели заложить барабаны?

– Нужны бабки.

– Почему вы не заложили свой тромбон?

– Уже заложил.

– Так вы и есть тот наркоман, о котором рассказывал Рэнди Симмс?

– Кто?

– Симмс. Рэнди Симмс. Владелец "Короля и королевы". Он сказал, что в оркестре играл тромбонист, который был наркоманом. Это вы?

– О'кей. Это я. Наркотики не преступление. Почитайте ко-

декс. Я не храню их. Зарубите это у себя на носу. У вас против меня ни черта нет!

– Кроме попытки кражи, – возразил Стив Карелла.

– Черта с два, кража! Я брал их на время!

– Откуда вы знали, что Майка нет дома?

– Знал и все.

– Но откуда? Знаете, где он сейчас?

– Нет.

– Но вы знали, что его нет дома?

– Я ничего не знаю.

– Наркоман! – словно обрадовалась домовладелица. – Я так и знала!

– Где он, Дэниельс?

– Зачем вы его разыскиваете?

– Он нам нужен.

– Зачем?

– Затем, что у него был костюм, который может оказаться связан с убийством. Если вы попытаетесь утаить от нас информацию, вас обвинят в пособничестве. Что скажете, Дэниельс? Где он?

– Не знаю. Честно.

– Когда вы его видели в последний раз?

– Как раз перед тем, как он загулял с той дамой.

– С какой дамой?

– С танцовщицей из стриптиз-клуба.

– С Бабблз Цезарь?

– Да.

– Когда это было?

– Я не помню число. Где-то за несколько дней до Валентинова дня.

– Двенадцатого?

– Не помню.

– Майк не вышел на работу двенадцатого. В этот день вы видели его в последний раз?

– Да, в этот.

– Когда точно?

– Днем.

– Что он хотел?

– Он сказал, что вечером не пойдет на работу, и дал ключ от своей берлоги.

– Почему он это сделал?

– Для того, чтобы я отнес к нему домой барабаны. После закрытия я и отнес сюда его барабаны, – объяснил Лэрри Дэниельс.

– Так вот, значит, как вы сюда попали. Ключ все еще у вас? – Да.

– Итак, вы знали, что его нет. Почему он не забрал ключ?

– На следующий день я должен был ему позвонить, – после небольшой паузы ответил тромбонист. – Мы должны были встретиться, чтобы я вернул ключ. Я позвонил, но никто не ответил. Я звонил целый день, но никто не брал трубку.

– Это было тринадцатого февраля?

– Ага, на следующий день.

– И он сказал вам, что будет с Бабблз Цезарь?

– Не совсем. Когда он давал ключ и номер телефона, то немного пошутил. Он сказал: "Лэрри, только не звони ночью. Мы с Бабблз крепко спим". Что-то в этом роде. Поэтому я и подумал, что он будет спать с Бабблз. Послушайте, у меня начинается ломка. Мне надо убраться отсюда.

– Расслабьтесь, Дэниельс. Какой номер вам дал Чипарадано?

– Не помню. Послушайте, мне надо уколоться. Я говорю правду.

– Какой номер?

– О господи! Разве можно запомнить телефонный номер? Это ведь было в прошлом месяце. Послушайте, я не вру. Мне действительно нужно выбираться отсюда. Я знаю, как начинается ломка. Мне будет очень плохо, если не...

– Вы же записали его?

– Не знаю, не знаю. – Дэниельс вытащил бумажник и начал рыться в нем, бормоча все время:

– Мне надо уколоться. Мне нужно уйти отсюда. Вот, вот номер. – Дрожащими руками парень вытащил карточку. – А теперь выпустите меня, пока я не начал блевать.

Карелла взял карточку.

– Сможете поблевать и в участке, – заявил он.

Телефонный номер был "Экономия 8 – 3165".

Вернувшись в участок, Стив Карелла позвонил в телефон-

ную компанию. Телефонистка ответила, что у нее этого номера нет.

– Может, это незарегистрированный номер, – сказал Карелла. – Проверьте, пожалуйста, в списке незарегистрированных номеров.

– Если это незарегистрированный номер, сэр, то у меня о нем не может быть никаких данных.

– Послушайте, я из полиции. Я знаю, вам нельзя рассказывать...

– Совсем не то, сэр. Просто он у меня нигде не записан. Я хочу сказать, сэр, что у нас нет списка незарегистрированных номеров. Понимаете, сэр?

– Понимаю, – ответил Стив Карелла. – Но телефонные компании все же куда-то их записывают. За них же кто-то платит. Кому-то ведь, черт возьми, каждый месяц присылают счет. Я хочу только знать, кому он принадлежит.

– Извините, сэр, но я не знаю, кто...

– Позовите вашего начальника, – попросил Карелла.

Чарльз Тюдор вышел из своего дома в Квартере. Коттон Хоуз направился за ним, держась на безопасном расстоянии. Стоял прекрасный для пешеходных прогулок день. В такой день приятно бродить по улицам, останавливаясь около каждой магазинной витрины и восхищаясь молодыми леди, которые сняли зимнюю одежду и распустились раньше цветов.

Чарльз Тюдор не бродил по улицам и не восхищался молодыми леди. Он шел быстрым шагом, низко нагнув голо-

ву и засунув руки в карманы пальто. Коттон Хоуз с трудом успевал за гигантом-агентом, возвышающимся над другими пешеходами.

В эту очаровательную субботу улицы Квартера заполнили женщины с детскими колясками, девушки с высокой грудью и в леотардах. У Коттона Хоуза была одна задача – не упустить Тюдора. Если он хотел не отстать от Чарльза Тюдора, он должен...

Неожиданно Чарльз Тюдор остановился на углу.

Он скрылся в кондитерском магазине. Детектив ускорил шаг. Он не знал, сколько в магазине выходов. Потеряв вчера вечером Тюдора, он не хотел рисковать. Хоуз завернул за угол. Из магазина не было другого выхода. Коттон Хоуз увидел, как Тюдор что-то покупает. Полицейский быстро перешел на другую сторону улицы, остановился у дверей жилого дома и принялся ждать. Выйдя из магазина, Чарльз Тюдор сорвал с пачки сигарет целлофановую обертку. Он закурил на ходу, потратив три спички.

Хоуз упрямо поплелся за агентом, ищущим работу для девушек, которые занимаются стриптизом.

– Добрый день, сэр. Я начальница смены. Чем могу помочь, сэр?

– Детектив Карелла из 87-го участка, Изола,

– представился Стив Карелла.

– У нас есть номер, по которому мы пытаемся выяснить фамилию и адрес владельца. Кажется...

– Звонили по телефону с диском, сэр?

– Когда звонили? – не понял детектив.

– Если звонили по дисковому телефону, то звонок почти невозможно проследить, сэр. В дисковых аппаратах автоматическая система...

– Да, да, знаю. Мы не пытаемся проследить звонок, телефонистка, а...

– Я начальница смены, сэр.

– Знаю, мы...

– С другой стороны, если воспользовались не дисковым аппаратом, то шансы немного увеличиваются.

– Леди, я полицейский, и я знаю, как это делается. Я хочу, чтобы по номеру назвали мне имя и адрес владельца. Больше мне ничего не нужно.

– Ясно.

– Отлично. Номер "Экономия 8 – 3165". Проверьте, пожалуйста.

– Один момент, сэр.

Стив Карелла терпеливо барабанил по крышке стола. За соседним столом Берг Клинг яростно печатал какой-то рапорт.

Тюдор сделал еще одну остановку. Этот магазин находился между двумя другими в ряду жилых домов, так что вероятность существования второго выхода казалась небольшой. В любом случае, если второй выход и есть, едва ли покупателям разрешают им пользоваться.

Хоуз курил и ждал, когда Тюдор выйдет на улицу.

Агент находился в магазине почти пятнадцать минут. Когда он вышел из магазина, он держал в руках белые гардении.

"Замечательно, – подумал детектив Хоуз, – собирается встретиться с дамой".

Затем он спросил сам себя, не окажется ли эта дама Баблз Цезарь.

– Сэр, это начальница смены.

– Да, да, – отозвался Стив Карелла. – Вы нашли?

– Понимаете, сэр, когда человеку нужен незарегистрированный телефон, мы...

– Я не человек, я фараон, – нахмурился Карелла.

– Да, сэр, но я не о вас. Я имею в виду владельцев этих телефонов. Когда им требуется незарегистрированный телефон, это значит, что их номер не вносят ни в какие списки и что никто не сможет о нем ничего узнать даже в телефонной компании, даже в экстремальной ситуации. Вы это понимаете, сэр?

– Понимаю, леди. Я расследую убийство. А теперь, пожалуйста...

– О, я, конечно, сообщу вам интересующие вас сведения.

– Так в чем же дело?

– Но я хочу, чтобы вы поняли, что обычный гражданин не получит такую информацию ни при каких обстоятельствах. Я просто хотела, чтобы вы уяснили политику телефонных компаний.

– Все ясно, телефонистка.

– Начальница смены, – поправили на другом конце провода.

– Да, да, извините. Фамилия и адрес владельца?

– Телефон находится в здании на Кэнопи-стрит. Номер 1611.

– Спасибо, кто владеец телефона?

– У незарегистрированных телефонов нет владельцев, сэр. За них просто платят по счету, и это...

– Кто платит за этот телефон, телеф..., начальница смены?

– Чарльз Тюдор.

– Чарльз Тюдор? – изумился Стив Карелла. – Какого черта?..

– Сэр?.. – на этот раз изумилась начальница смены.

– Благодарю вас. – Карелла положил трубку и повернулся к Клингу. – Берт, надевай шляпу.

– Я их не ношу, – сказал Клинг и вместо шляпы надел кобуру.

Чарльз Тюдор вошел в дом номер 1611 на Кэнопи-стрит, открыв дверь своим ключом.

Котгон Хоуз вошел в вестибюль и принялся изучать почтовые ящики. Ни на одном из них он не нашел знакомых имен – Бабблз Цезарь, Майк Чипарадано или Чарльз Тюдор. Хоуз второй раз перечитал имена владельцев почтовых ящиков. На этот раз он обратился к одному из самых элементарных полицейских правил. По причинам, известным толь-

ко господу богу и, может, психологам, когда человек берет фиктивные имя и фамилию, они обычно начинаются с тех же букв, что и настоящие. Объяснение простое – очень много людей имеют вещи с инициалами: платки, рубашки, чемоданы или еще что-нибудь в этом же роде. Например, если человек по имени Бенджамин Франклин с инициалами Б.Ф., на чемоданах, рубашках, нижнем белье и, может, вытатуированными у него на лбу вдруг регистрируется в отеле под именем Джордж Вашингтон, у любопытного портъе могут возникнуть подозрения. Ведь на чемоданах инициалы Б.Ф., а не Д.В. А так как люди, меняющие имя и фамилию, не хотят привлекать к себе внимание, то он сделает все, что угодно, лишь бы не осложнять себе жизнь. Поэтому этот Б.Ф. использует имя и фамилию, начинающиеся с тех же букв, что и его собственные.

На одном из почтовых ящиков Коттон Хоуз увидел "Кристофер Талли". Странная фамилия. К тому же инициалы сходились. Кристофер Талли жил в квартире 6Б.

Хоуз нажал звонок квартиры 2А, дождался ответного звонка, который откроет внутреннюю дверь вестибюля, и быстро вбежал на шестой этаж. За дверью он услышал мужской голос:

– Барбара, я принес тебе цветы.

– Не понимаю, Берт, не понимаю и все, – с досадой заявил в полицейской машине Стив Карелла.

– Что случилось?

– Ничего не случилось. Просто все запуталось. Мы нашли две кисти с кровью, которая принадлежит к группе О. Правильно?

– Правильно.

– О'кей. У Майка Чипарадано тоже группа крови О. Он тоже высокий парень, и он тоже исчез в прошлом месяце. Все это делает его отличным кандидатом на роль жертвы, так?

– Так, – согласился Клинг.

– О'кей. Но когда мы находим одежду убийцы, оказывается, что она принадлежит Майку Чипарадано. Выходит, что он отличный кандидат и на роль убийцы.

– Что?

– А то. Затем мы узнаем о любовном гнездышке Барбары и Чипарадано. Кстати, мы туда сейчас едем...

– Да?

– Да. Оказывается, за телефон, который стоит на этой квартире, платит Чарльз Тюдор, агент Барбары Цезарь. Как тебе все это нравится?

– Приехали. Номер 1611, – ответил Берт Клинг.

Стоя на лестничной площадке, детектив Хоуз слышал только мужской голос, который, несомненно, принадлежал Чарльзу Тюдору. Коттон Хоуз подумывал, не взломать ли ему дверь. Едва дыша, он прильнул ухом к замочной скважине и отчаянно пытался услышать ответы женщины.

– Тебе нравятся эти цветы, Барбара? – спросил Тюдор. Пауза. Хоуз ничего не мог услышать.

– Я не знал, нравятся ли тебе гардении, но у нас здесь так много других цветов. У красивой женщины должно быть много цветов.

Пауза.

– Тебе нравятся гардении? – еще раз спросил Чарльз Тюдор. – Хорошо. Ты сегодня прекрасно выглядишь, Барбара, прекрасно. По-моему, такой красивой я тебя еще не видел. Я тебе рассказывал о полиции?

Хоуз старался расслышать ответ. Он немедленно вспомнил тоненький голосок Мэрли Филлипс и подумал, все ли крупные женщины обладают таким голосом. Детектив не услышал ни слова.

– Не хочешь слушать о полиции? Они вчера ко мне приходили. Спрашивали о нас с тобой и о Майке. Спрашивали, нет ли у меня черного плаща и зонтика. Я сказал, что нет. Это правда, Барбара. У меня действительно нет черного плаща и зонтика. Мне никогда не нравились зонты. Ты не знала это? Да, ты меня так мало знаешь! Я очень сложный человек. Но у нас уйма времени. У тебя будет достаточно времени, чтобы узнать мои привычки. Ты сегодня такая очаровательная! Хочешь, я расскажу тебе, как прекрасно ты выглядишь?

На этот раз Хоуз что-то услышал, но звук раздался у него за спиной. Он мгновенно развернулся, выхватив полицейский револьвер.

– Подними пушку, Коттон, – сказал шепотом Стив Карелла.

– Господи, как вы меня напугали, – прошептал Хоуз. За Кареллой он увидел Берта Клинга.

– Тюдор там? – спросил Карелла.

– Да, с девчонкой.

– С Бабблз?

– Да.

– О'кей. Ломаем дверь.

Клинг стал справа от двери, Хоуз – слева, а Карелла ударил ногой замок. Дверь распахнулась. Детективы ворвались в квартиру с револьверами в руках и увидели Чарльза Тюдора, стоящего на коленях. Затем они увидели, что находится за Тюдором, и каждый из них почувствовал ужас, смешанный с жалостью. Стив Карелла сразу же понял, что оружие им не понадобится.

Глава 18

Вся комната была уставлена цветами. Большие букеты красных, белых и желтых роз, маленькие букетики фиалок, гладиолусы с длинными стеблями, гвоздики, гардении, рододендроны стояли в вазах с водой.

Комнату наполнял аромат свежих и умирающих цветов. Дышать было трудно из-за удушающего запаха цветов и еще какой-то вони.

На столе неподвижно лежала Бабблз Цезарь в одной ночной сорочке с распущенными черными волосами и сложенными на груди руками. На шее сверкало рубиновое ожерелье. Барбара смотрела в потолок, но ничего не видела и не чувствовала никаких запахов, потому что была мертва больше месяца. Тело уже начало разлагаться.

Не встав с коленей, Чарльз Тюдор повернулся к детективам.

– Значит, вы нашли нас, – спокойно произнес он.

– Вставайте, Тюдор.

– Вы нашли нас, – повторил агент и опять посмотрел на мертвую женщину. – Правда, она прекрасна? Я еще не видел такой прекрасной женщины.

В стеклянном шкафу нашли тело мужчины в одних трусах с отсеченными кистями. Это был Майк Чипарадано.

Он знал, что она мертва. Он знал, что убил их обоих. В

сыском отделе столпилось много полицейских. Они стояли вокруг него и задавали вопросы приглушенными голосами. Убийца Чарльз Тюдор или нет, он человек, который любил, а не вор или бандит. Да, он знал, что убил ее, что убил их обоих. Знал.

Когда Чарльз Тюдор отвечал на вопросы, у детективов сложилось впечатление, что он спрятался от жестокой реальности убийства в вымышленный мир, в котором Барбара Цезарь жива, смеялась и шутила. Он легко переступил через черту, отделяющую его от реальности. Затем вернулся назад. Но в этот момент он заблудился, потерял черту и не знал, в каком мире находится. Он превратился в человека, который находился как бы в двух измерениях. И в каждом из них он чужой.

– Когда позвонили из клуба... – рассказывал он. – Когда Рэнди Симмс позвонил мне из клуба, я не знал, что и думать. Я позвонил Барбаре на квартиру, ту, в которой жили другие девушки, и переговорил с одной из них. Она сказала, что не видела Барбару с раннего утра. Это было двенадцатого, двенадцатого февраля. Я буду помнить этот день до последней минуты своей жизни. В этот момент я убил Барбару.

– Что вы сделали после разговора с подругой Барбары, мистер Тюдор?

– Я подумал, может, она на другой квартире, на Кэнопи-стрит?

– Вы платили за эту квартиру, мистер Тюдор?

– Да, да, платил. Понимаете, это была наша квартира, наша общая квартира. У нас с Барбарой было много общих вещей. Мы хотели все делать вместе. Я достал билеты на мюзикл на следующую неделю. Она любит музыку. Мы пойдем вместе. Мы все делали вместе.

Детективы молча стояли вокруг него. Стив Карелла откашлялся.

– Вы пошли на квартиру, мистер Тюдор, на ту, что на Кэнопи-стрит?

– Да, пошел. Я добрался туда часов в десять вечера. Поднялся наверх, открыл дверь своим ключом, и я.., она была там с этим человеком. Этот человек касался ее. Барбара была в нашей квартире с другим мужчиной. – Чарльз Тюдор покачал головой. – Она не должна была делать этого. Она знала, что я люблю ее. На Валентинов день я купил ей рубиновое ожерелье. Вы видели ожерелье? Правда, оно очень красивое? Оно ей так идет.

– Что вы сделали, когда нашли их, мистер Тюдор?

– Я.., я был шокирован. Я.., я.., я хотел знать. Она.., она сказала, что она не моя собственность. Она сказала, что она свободная женщина, сказала, что ею никто не обладает – ни я, ни.., тот мужчина, с которым она была, ни.., ни Карл. Она сказала, что Карл тоже не владеет ею. Я даже не знал, кто такой Карл. Она.., она сказала, что обещала Карлу уехать с ним, но ни он, никто другой не обладает ею. И..

– Да, мистер Тюдор?

– Я в это не мог поверить, потому что.., я люблю ее. Вы ведь знаете это? Она говорила ужасные вещи, а этот мужчина, этот Майк, он стоял рядом и усмехался. В трусах. Он был в трусах, а она в ночной сорочке, которую я ей подарил. Я.., я ударил его, а Барбара смеялась, смеялась все время, пока я бил его. Я очень сильный человек. Я стал колотить его головой о пол. Потом Барбара перестала смеяться и сказала: "Ты убил его". Я.., я...

– Да?

– Я обнял ее и поцеловал и.., и.., я.., мои руки.., ее горло.., она не кричала.., ничего.., я просто сжал и.., и она.., она.., она обмякла у меня в руках. Это он виноват, подумал я, он, потому что дотронулся до нее. Он не должен был дотрагиваться до нее. Он не имел права касаться женщины, которую я любил. Я.., я пошел за кухню за.., ножом. В ящике я нашел мясной нож, и я.., отрезал ему кисти. – Чарльз Тюдор замолчал. – За то, что он дотронулся до нее. Я отрезал ему руки, чтобы он больше не мог касаться ее. – Чарльз Тюдор что-то вспомнил, и его лицо нахмурилось. – Там.., там было много крови. Я.., взял и положил в.., в сумку Барбары. Потом спрятал тело в шкаф и попытался немного убрать. В квартире.., была везде кровь.

Остальное они узнали из его обрывочных воспоминаний, которые были пограничной линией, сотканной между реальностью и миром фантазии. Детективы слушали Тюдора почти в смущении. Кто-то сказал, что у него дела, и отошел от

большого мужчины, который сидел на стуле с твердой спинкой и рассказывал о женщине, которую он любил, которую он любит до сих пор.

Он рассказал, что начал избавляться от частей тела Чипарадано на прошлой неделе. Начал с кистей. Тюдор решил выбросить каждую в отдельности. В пассажирской сумке будет безопасно, подумал он, потому что у очень многих есть такие сумки. Так он решил начать с сумки. Но ему пришла мысль, что личность убитого можно определить по отпечаткам пальцев. Поэтому Чарльз Тюдор и отрезал их ножом.

– Я сам их резал, – рассказывал он. – Но при этом немного порезал и свой палец. Было много крови.

– Какой группы у вас кровь, мистер Тюдор? – поинтересовался Стив Карелла.

– Что? Кажется, Б. Да, Б. А что?

– Это объясняет кровавое пятно на костюме, Стив, – заметил Клинг.

– Что? – переспросил Тюдор. – Какой костюм? Ах, да. Не знаю, зачем я это сделал... Для чего?.. Наверное, я просто был обязан это сделать.

– Что вы должны были сделать, мистер Тюдор?

– Надеть его одежду, – ответил Чарльз Тюдор. – Убитого. Я.., я надел его костюм, плащ, носки и взял зонт. Когда пошел., выбрасывать кисти. – Агент пожал плечами. – Не знаю, зачем я это сделал. Я выбросил одежду, как только понял, что вы знаете о ней. Я отправился в Калм Пойнт и выбросил

одежду в мусорный бак. – Тюдор посмотрел на окружающие его лица. – Я вам еще нужен? – неожиданно спросил он.

– А что, мистер Тюдор?

– Хочу вернуться к Барбаре, – ответил агент.

Его отвели на первый этаж в камеру предварительного заключения. Детективы остались одни, и в комнате воцарилась необычная тишина.

– Вот и ответ на те различные пятна и волосы, которые мы нашли на костюме, – сказал Берт Клинг.

– Угу.

– Как, по-твоему, почему он надел одежду убитого?

– вздрогнув, спросил Клинг. – Господи Иисусе, ну и дельце...

– Может, он знал, – ответил Карелла.

– Что знал?

– Что он тоже жертва.

Пришел Мисколо. В комнате детективов царил тишина.

– Кто-нибудь хочет кофе? – спросил он. Никто кофе не хотел.